КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ LX.

1893 Г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типограф[redacted]Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 6.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	СИСТЕМА КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ. (Историко-юридическій очеркъ). **А. Д—ского**	1—19
II.	УКРАИНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ. **Вс. Срезневскаго.**	20—33
III.	МАЛОРОССІЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ НА АѲОНѢ. **Князя Александра Дабижи**	34—40
IV.	ИЗЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКАГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XIX ВѢКА (Письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и замѣтки къ нимъ). Съ портр. В. Г. Полетики. **В. Горленка.**	41—76
V.	ЦАРЬ СЕВАСТЬЯНЪ. (Картинка съ натуры изъ недавняго прошлаго). **Н. К. Велецкаго**	77—94
VI.	СТАРИННАЯ ЗАПИСЬ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ СЪ ОБЗОРОМЪ ВАРІАНТОВЪ КЪ НИМЪ. **П. Житецкаго.**	95—125
VII.	«ПРАВДА» О КОЛИВЩИНѢ ПОЛЬСКАГО ИСТОРИКА Г. КОРЗОНА. (По поводу его рецензіи въ № 3 «Kwartalnika historycznego» за 1892 г. на «Очеркъ колівщины Я. Шульгина). **Я. Шульгинъ**	126—160
VIII.	ОТЪ РЕДАКЦІИ. (Нѣсколько словъ г. Корзону)	161—166
IX.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ уважаютъ у насъ памятники прошедшаго. **Прилучанина.** б) Къ исторіи будущаго Кіевскаго музея. **А. Л.** в) Письмо петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки къ брату, лубенскому полковнику Ивану Петровичу Кулябкѣ. **А. Л.** г) Дѣло объ отдачѣ сертука исключенному семинаристу. д) Письмо господина Искры графу Платону Александровичу Зубову 1794 года февраля 17 дня. е) Прошеніе отставнаго прапорщика Землянскаго 1816 года. ж) Похищеніе дѣвицы и оскорбленіе полицейскаго офицера. **А. А.**	167—176
X.	КЪ РИСУНКУ. (Малороссійскій скитъ св. Иліи на Аѳонѣ).	177
XI.	БИБЛІОГАФІЯ: а) Bouillet Dictionnaire universel d'Histoire et de Geographie, 30-me édition, entièrement refondu sous la direction de M. Gourraigne. **В. А.** б) Виноградники херсонской губ. (Статистико-экономическое описаніе) Т. И. Осадчаго. **В. Василенка.** в) Библіографическая замѣтка. **А. Степовича.** г) А. А. Потебня. Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни. **В. П.** д) Ап. Залѣсскій. Археологическая, этнографическая и художественная выставка въ городѣ Полоцкѣ. **Вл. Яеретцъ**	178—188
	Подписка для учрежденія преміи А. А. Потебни.	
	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—24

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 1—16).

2) Записка о малороссійскомъ дворянствѣ маршала роменскаго повѣта Василія Полетики (стр. 1—14).

3) Рисунокъ: Видъ малороссійскаго скита св. Иліи на Аѳонѣ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 29-го декабря 1892 г.

СИСТЕМА КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ.

(ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

„La connaissance des moeurs d'une nation est le flambeau de son histoire"
Lesur, Histoire de kosaques, t. I, p. 277.

I.

„Славное войско Запорожское Низовое", появившееся въ XVI в. и просуществовавшее два съ лишнимъ столѣтія, привлекало вниманіе современниковъ, какъ оригинальнымъ строемъ своей жизни, такъ и громкими подвигами храбрости, повѣствованія о которыхъ, принимая иногда характеръ легенды, распространялись далеко за предѣлы его собственной земли. Слава запорожцевъ была велика; ихъ неукротимая храбрость и стойкое мужество пользовались такимъ обаяніемъ, что нѣкоторые иностранные государи (напр.—императоръ германскій Рудольфъ II) во время приготовленія къ войнамъ вступали съ ними въ переговоры, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Рыцарская привязанность къ вѣрѣ, во имя которой было совершено не мало блестящихъ подвиговъ, цѣломудріе и простой, даже суровый образъ жизни, ихъ пламенная любовь къ свободѣ и горячее участіе въ дѣлѣ освобожденія угнетенныхъ братій на Украйнѣ, наконецъ, демократическій строй ихъ общины,—ставили въ глазахъ современниковъ и историковъ этотъ своеобразный военный союзъ наравнѣ со Спартанской республикой и ор-

деномъ Мальтійскихъ рыцарей. Но не будемъ касаться здѣсь исторіи Запорожья; наша задача—изслѣдовать только одинъ уголокъ его жизни, а именно: ознакомиться съ внутренней борьбой Запорожья, съ преступной дѣятельностью его членовъ или, говоря другими словами, съ тѣми карательными мѣрами, которыя примѣнялись къ преступникамъ. Знакомство съ правовыми воззрѣніями этой общины, кромѣ значенія чисто юридическаго, представляетъ несомнѣнно интересъ и историческій, такъ какъ наказанія, отражая въ себѣ до извѣстной степени эпоху и народныя правовоззрѣнія, восполняютъ общую картину его исторической жизни. Карательныя мѣры складываются подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій жизни, того или другаго ея строя, въ зависимости отъ степени культуры, характера человѣка, а также тѣхъ или другихъ задачъ народной жизни. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается духъ извѣстнаго времени съ его задачами и всѣми специфическими чертами, ему свойственными; въ нихъ, наконецъ, воплощаются народныя воззрѣнія на извѣстнаго рода общественныя отношенія и представленія о степени важности тѣхъ или другихъ охранительныхъ нормъ. Въ этомъ отношеніи изученіе господствовавшихъ въ извѣстное время формъ наказаній представляетъ существенный интересъ, какъ для юриста, такъ и для историка.

Къ сожалѣнію, нарисовать полную картину карательной дѣятельности въ Запорожской Сѣчи является невозможнымъ. Въ Запорожьи не было писаныхъ законовъ [1]); господствовалъ тамъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ обычай, бывшій результатомъ его правовыхъ убѣжденій. Это обстоятельство, т. е. отсутствіе въ Сѣчи положительнаго законодательства и существованіе тамъ исключительно одного только обычнаго права, подтверждается, кромѣ свидѣтельства историковъ и лѣтописцевъ, нѣкоторыми дошедшими до насъ историческими актами, въ которыхъ

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Москва. 1847 г. ч. IV, стр. 82: „правъ и законовъ письменныхъ у нихъ не имѣлось и судились по стариннымъ своимъ обычаямъ словесно и такъ, какъ отъ древности у нихъ было“. Кн. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одес. 1851, ст. 56.—Современная записка,—примѣчаніе о запорожцахъ, § 12.

часто встрѣчаются выраженія: „наказаніе учинить по запорожскому обыкновенію“, „карать по войсковому обычаю“ и т. п. [1]). Такимъ образомъ всѣ свѣдѣнія, всѣ данныя относительно карательной дѣятельности въ Запорожьи можно лишь почерпнуть изъ воспоминаній и лѣтописныхъ повѣствованій современниковъ, близко знавшихъ Запорожье, а также изъ сохранившагося небольшаго количества оффиціальныхъ актовъ и документовъ, касающихся исторіи Запорожской Сѣчи; но въ этихъ столь драгоцѣнныхъ для исторіи запорожскаго войска документахъ мы находимъ очень мало матерьяла для интересующаго насъ теперь вопроса; они преимущественно носятъ характеръ политической переписки или же касаются вопросовъ о пограничныхъ спорахъ, о набѣгахъ запорожцевъ и дѣлахъ чисто гражданскаго характера, да къ тому же, они большею частью относятся къ послѣднему періоду существованія Сѣчи. Какъ ни бѣденъ матерьялъ, относящійся къ данному вопросу, но тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, есть возможность намѣтить главныя черты карательной дѣятельности въ Запорожьи и установить тѣ начала, которыми руководствовались запорожцы въ сферѣ отправленія уголовнаго правосудія.

Элементы, входившіе въ составъ Запорожскаго Коша, причины, создавшія это рыцарское общество, а также тѣ пути, коими шло его образованіе, несомнѣнно должны были отразиться на всемъ строѣ жизни общины. Мы не будемъ останавливаться здѣсь болѣе подробно на вопросахъ объ историческомъ происхожденіи запорожскаго козачества, о его задачахъ, организаціи, внутренней жизни, а коснемся ихъ лишь въ общихъ чертахъ и въ тѣхъ предѣлахъ, на сколько это является необходимымъ для изслѣдованія непосредственно интересующаго насъ предмета.

Запорожская Сѣчь была обѣтованной землей для всего недовольнаго, угнетаемаго и бѣднаго православнаго населенія Украйны. Простой народъ, стонавшій подъ игомъ панщины, на-

[1]) Матерьялы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII ст. Одесса. 1886. ст. 3[e], 49, 92.—Кіевская Старина, Декабрь. 1882 г., документы, касающіеся исторіи Запорожья, ст. 527, 537.

ходился въ самомъ безотрадномъ положеніи. Произволъ пановъ господствовалъ надъ ними безпредѣльно. Обременяемый различными тяжелыми повинностями и податями, облагаемый различными несправедливыми поборами, крестьянинъ, въ потѣ лица своего трудящійся всю невеселую свою жизнь, въ концѣ концовъ доходилъ до нищенскаго, жалкаго состоянія въ то время, когда кругомъ его плодородныя нивы приносили обильныя жатвы, а его панъ, пресыщенный удовольствіями, искалъ всё новыхъ развлеченій и отымалъ у него послѣднее имущество, чтобы удовлетворить своимъ прихотямъ. „Но это еще не все“, пишетъ Бопланъ; „помѣщики, отнимая имѣніе у крестьянъ, располагаютъ произвольно и жизнью ихъ. Такъ неограничены вольности польскаго дворянства! Оно блаженствуетъ какъ будто-бы въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ. Если же судьба пошлетъ имъ злаго господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи“ [1]). Но этимъ страданія не ограничивались; самыя лучшія, самыя святыя чувства и вѣрованія ихъ подвергались самому унизительному поруганію: честь жены, дочери, сестры, всё, что дорого и близко было сердцу, находилось въ постоянной опасности отъ разгульныхъ посягательствъ пановъ; наконецъ, одно, что оставалось ему въ утѣшеніе—вѣра, и та сдѣлалась предметомъ самыхъ жестокихъ гоненій и оскорбленій, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны жидовъ, державшихъ на откупѣ церкви и всѣ церковныя требы. Усталый, измученный, истерзанный нравственно и физически русскій крестьянинъ направлялся къ святому храму, чтобы здѣсь въ горячей молитвѣ искать силы и подкрѣпленія для своей дальнѣйшей горькой жизни; и тутъ передъ дверями храма становился передъ нимъ арендаторъ-жидъ и грубо требовалъ отъ него денегъ за допускъ въ церковь. Если прибавить ко всему этому безсовѣстно-безчеловѣчную эксплоатацію, которой подвергались крестьяне во всѣхъ областяхъ ихъ жизни со стороны жидовъ, то передъ нами возстанетъ во всей полнотѣ безобразная кар-

[1]) Бопланъ, Описаніе Украины (Спб. 1832), ст. 9.

тина угнетенія русскаго народа на Украинѣ. Не лучше было положеніе и горожанъ [1]).

И вотъ всѣ тѣ, кто любилъ страстно свободу, въ комъ кипѣла горячая кровь, чьи сердца загорались жаждой смѣлыхъ подвиговъ, кто въ безшабашной удали и отчаянномъ молодечествѣ искалъ забвенія и спасенія отъ невыносимо-тяжелой жизни на родинѣ,—всё это оставляло богатыя нивы родной земли, покидало могилы своихъ предковъ и бѣжало въ привольныя, безбрежныя степи днѣпровскаго понизовья. Здѣсь, въ этихъ степяхъ, на Днѣпрѣ было свито то гнѣздо отважныхъ удальцевъ, бывшихъ грозой своихъ сосѣдей, которые удивляли современниковъ и потомковъ своими безпримѣрными подвигами, рыцарскимъ мужествомъ и отчаянной храбростью. Не разъ на своихъ длинныхъ и легкихъ чайкахъ вылетали эти смѣльчаки изъ своей родной Сѣчи въ Черное море, появляясь то подъ стѣнами Трапезонда, Смирны, Варны, то, даже „касаясь мужественно стѣнъ Константинопольскихъ, довольно окуривали ихъ дымомъ мушкетнымъ, причиняя мѣшканцамъ цареградскимъ страхъ и смятеніе“. Здѣсь былъ безпредѣльный просторъ для самыхъ смѣлыхъ предпріятій: захватывая и уничтожая турецкіе корабли и даже цѣлыя эскадры или прокрадываясь мимо нихъ ночью, бросались запорожцы на малоазіатскіе и крымскіе берега, сжигали и уничтожали богатые города и селенія и, освобождая мучившихся въ неволѣ христіанъ, возвращались обратно домой, обремененные богатой и многочисленной добычей. Всё побережье Чернаго моря находилось въ постоянномъ страхѣ въ ожиданіи грозныхъ гостей.

Свободная жизнь, просторъ для удали, освобожденіе отъ панскаго гнета, возможность богатой добычи привлекали въ Запорожье бѣглецовъ, и наплывъ ихъ съ каждымъ годомъ увеличивался. Польское правительство не могло спокойно наблюдать это явленіе; съ тревогой слѣдило оно за всевозростающею численностью безпокойнаго запорожскаго козачества, которое могло, наконецъ, сдѣлаться на столько сильнымъ, что стало бы угрожать спокойствію самой Рѣчи Посполитой. Набѣги на мало-

[1]) Подробно см.: Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, гл. I.

азіатскіе и крымскіе берега порождали постоянно недоразумѣнія между Польшей и Оттоманской Портой, угрожая опасностью разрыва со стороны Порты, которая, считая Запорожскую Сѣчь входящею въ составъ Польской республики, предполагала, что набѣги эти дѣлаются не безъ вѣдома и одобренія польскаго правительства. Съ другой стороны, край начиналъ понемногу пустѣть, и паны неоднократно обращались съ жалобами на постоянные побѣги хлоповъ. Польское правительство начало принимать мѣры къ воспрепятствованію побѣговъ въ Запорожье, но это не помогало; изобрѣтательность бѣглецовъ успѣвала обмануть бдительность правительства, и число побѣговъ не уменьшалось. Запорожье росло. Оно наполнялось уже не одними только недовольными изъ Украины,—сюда начали стремиться и безпокойныя головы изъ Литвы, Бѣлоруссіи и даже изъ пограничныхъ областей московскаго государства. И вотъ всѣ эти разнородные элементы сплачивались и объединялись подъ именемъ „Запорожской Сѣчи“, организованной на началахъ полнаго братства и равенства.

„Отвага, говоритъ Соловьевъ [1]), нужная человѣку, рѣшившемуся или принужденному оставить родину, идти въ степь, въ невѣдомую страну, эта отвага поддерживается въ немъ жизнью въ степи, гдѣ онъ предоставленъ однимъ собственнымъ силамъ, долженъ постоянно стоять на сторожѣ противъ степныхъ хищниковъ. Отсюда эти люди должны соединяться въ братства, въ общины, для которыхъ война служитъ главнымъ занятіемъ“. И тамъ не было ни пановъ и хлоповъ, ни богатыхъ и бѣдныхъ, а каждый былъ просто свободный козакъ [2]).

Братство, товарищество, цѣломудріе, святая православная вѣра, борьба съ невѣрными и защита слабыхъ, угнетенныхъ

---

[1]) Исторія Россіи, т. V, ст. 385 (Мос. 1882, изд. 5).

[2]) На равенство членовъ запорожской общины прямо указывается въ докладѣ Коша Сенату 1767 г. 30 ноября во время участія запорожскихъ депутатовъ въ трудахъ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: „въ войскѣ запорожскомъ служатъ и въ Сѣчи Запорожской жительство имѣютъ изъ шляхетства и гражданъ; но все общество войска запорожскаго равно Е. И. В. отправляетъ воинскую службу, тѣмъ паче между онымъ раздѣленій на особливыя каждаго состоянія нѣтъ“. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, т. I, ст. 88 (Одесса. 1885 г. изд. 3).

братій на Украйнѣ — вотъ тѣ начала, на которыхъ покоился весь строй запорожской общины. Во главѣ военнаго братства стоялъ кошевой атаманъ, выбиравшійся изъ козаковъ на общей радѣ 1 января каждаго года.—Козакъ, на котораго падалъ выборъ товарищества, на высотѣ своей власти не долженъ былъ забывать, что онъ такой же козакъ, какъ и его товарищи, и съ этой цѣлью новоизбранному кошевому нерѣдко вымазывали лицо грязью [1]). Но получивши булаву, кошевой атаманъ становился полновластнымъ властителемъ сѣчи; его слово было закономъ; онъ творилъ судъ и расправу, онъ велъ въ сраженіе войско, и тотъ, кто осмѣлился бы поступить вопреки его приказанію, могъ поплатиться за это жизнью. Его власть ограничивалась только радой, общимъ собраніемъ всего сѣчеваго товарищества, бывшимъ высшимъ законодательнымъ органомъ [2]). Приговоръ рады былъ приговоромъ всей войсковой общины, которому должны были подчиниться всѣ, начиная съ простаго козака и кончая кошевымъ. Кошевой атаманъ являлся такимъ образомъ высшимъ исполнительнымъ органомъ, долженствовавшимъ всѣ важные и серьезные вопросы, напр. о войнѣ и мирѣ, передавать на обсужденіе общей рады. За кошевымъ слѣдовала войсковая старшина,—войсковые судья, писарь и асаулъ, имѣвшіе опредѣленный кругъ дѣятельности и власти, и представители 38 куреней, на которые дѣлился кошъ, куренные атаманы. Всѣ эти должности были выборными и временными [3]). Таковы въ общемъ были условія образованія Сѣчи и ея организація.

---

[1]) Кн. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож., ст. 39.

[2]) Авторъ записки о запорожцахъ приписываетъ кошевому атаману безграничную власть (Соврем зап.; примѣч. о запорожцахъ, § 13); онъ указываетъ, что кошевой былъ властенъ за малѣйшую вину безъ всякаго суда и не отвѣтствуя ни предъ кѣмъ лишить виновнаго жизни. Эта записка носитъ тенденціозный характеръ и въ ней много преувеличеній. Кошевой атаманъ, пользовавшійся почти безграничною властью въ походахъ, тѣмъ не менѣе долженъ былъ руководствоваться при отправленіи своей должности установившимися обычаями; въ противномъ случаѣ ему могло грозить смѣщеніе съ должности и даже лишеніе жизни.

[3]) Объ устройствѣ и управленіи запорожскаго войска подробно см. Скальковскій, Исторія Нов. Сѣчи, ч. I, гл. II.

Эпоха, въ которой гремѣла слава запорожскихъ подвиговъ, была суровымъ и тяжелымъ временемъ. Широкія степи, окружавшія запорожье и наполненныя постоянными опасностями, постоянныя схватки съ татарами, смѣлые набѣги на турецкіе берега, отчаянная борьба съ поляками, исконными врагами православія, однимъ словомъ—жизнь полная опасностей и тяжкихъ лишеній, должны были образовать среди запорожцевъ мужественные и суровые характеры. И дѣйствительно, настоящій запорожецъ приводилъ всѣхъ въ удивленіе своимъ мужествомъ, храбростью и безпримѣрной выносливостью; они безъ содраганія и страха смотрѣли въ лицо смерти. Колесуемые, четвертуемые, подвергаясь самымъ мучительнымъ пыткамъ, они въ минуты самаго невыносимаго страданія, часто ни однимъ движеніемъ, ни однимъ звукомъ не обнаруживали всей той глубины страданія, которое переполняло ихъ души. Рѣдко кто изъ нихъ умиралъ естественною смертью, большая часть складывала свои головы на полѣ чести или въ польскихъ городахъ на плахѣ [1]). Эта суровая школа, образовавшая столь сильные характеры, положила свою печать и на весь строй запорожской сѣчи.

Какъ раньше мы уже замѣтили въ запорожьи не было писаныхъ законовъ; порядокъ и форма управленія, отправленіе правосудія, всѣ внутреннія отношенія Коша, однимъ словомъ, весь строй общинной жизни опредѣлялся войсковыми обычаями и традиціями, строго хранившимися стариками и передававшимися изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ проста и элементарна была эта жизнь, такъ несложны и безъискусственны были эти нормы! Свободенъ былъ доступъ въ запорожье, свободенъ былъ и выходъ изъ него; но разъ козакъ выбиралъ себѣ курень и поступалъ въ составъ сѣчеваго товарищества, онъ принималъ на себя рядъ обязанностей и долженъ былъ безусловно подчиняться господствовавшимъ тамъ обычаямъ. Лица, бѣжавшія въ дикія степи, окруженныя врагами и полныя опасностей, лица различнаго происхожденія, различныхъ характеровъ и съ разнообразными страстями, чтобы имѣть возможность существовать

[1]) Бопланъ, Опис. Украины, ст. 8.

и бороться съ общимъ врагомъ или осуществлять тѣ или другія цѣли и задачи, должны были соединиться въ сплоченное, стройное, твердое товарищество и, слѣдовательно, должны были проникнуться и подчиниться тѣмъ объединяющимъ началамъ, безъ которыхъ было бы немыслимо ихъ самостоятельное существованіе. Сѣчь давала имъ свободу, сѣчь раскрывала передъ ними широкій просторъ для подвиговъ, славы, мести, для пріобрѣтенія богатства, но она требовала самаго строгаго подчиненія кореннымъ основамъ сѣчевой организаціи, ревниво охраняя товарищество отъ всѣхъ посягательствъ, могущихъ внести деорганизацію въ установившіяся отношенія. Начала товарищества и братства проходили черезъ всю сѣчевую организацію. „Нѣтъ узъ святѣе товарищества! Пусть знаютъ они всѣ, что такое значитъ въ русской землѣ товарищество“, говоритъ козакамъ передъ битвой старый Тарасъ Бульба, этотъ возсозданный Гоголемъ типъ запорожскаго козака, и козаки, старые и молодые, дѣйствительно живо чувствовали святой смыслъ этихъ словъ. Совмѣстная жизнь, полная опасностей, сходство положеній, однородность стремленій, а можетъ быть и единство причинъ, толкнувшихъ ихъ бѣжать въ запорожскія степи,—все это способствовало установленію братскаго единенія, которымъ была сильна и грозна Сѣчь. Вотъ почему она беретъ подъ свою охрану этотъ основной принципъ сѣчевой организаціи—товарищество—и всякое посягательство на него ставитъ подъ угрозу строжайшихъ наказаній. Убійство козака козакомъ, воровство между ними, посягательство на сѣчевое имущество признавались самыми тяжкими преступленіями [1]).

Не менѣе тяжкимъ преступленіемъ считалось нарушеніе другаго принципа сѣчевой организаціи,—нарушеніе обѣта безженной жизни. Женщинѣ было строго запрещено появляться въ сѣчи, и козакъ, вводившій ее туда, подвергался строжайшимъ наказаніямъ [2]). Этотъ принципъ остался неприкосновеннымъ до

[1]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ч. IV, ст. 82, 83. (Мос. 1847).—Князь Мышецкій, Ист. о каз. зап., ст. 56, 57, 58.—Кіевская Старина 1882 г. декабрь, приговоръ большой экстроординарной рады, ст. 529.

[2]) Вотъ что по этому поводу пишетъ Lesur: „la loi la plus antique etla plus sévèrement observée parmi eux était celle qui excluait, sous peine d'être lapidé

послѣдняго дня существованія сѣчи. Запрещеніе ввода женщины въ Сѣчь распространялось не только на козаковъ, но и на всѣхъ постороннихъ лицъ, имѣвшихъ тамъ жительство или прибывавшихъ туда по какимъ либо дѣламъ. Когда во время войны Россіи съ Турціей въ Сѣчь прибылъ гарнизонъ изъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ подполковника Глѣбова, вызвавшаго къ себѣ жену, то толпа запорожцевъ, узнавшихъ объ ея пріѣздѣ, сейчасъ же окружила домъ Глѣбова и начала грубо требовать выдачи пріѣхавшихъ женщинъ. Большого труда стоило Глѣбову успокоить козаковъ и во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній онъ принужденъ былъ немедленно отправить жену обратно [1]).

Въ связи съ нарушеніями этого характера стоятъ преступленія противъ нравственности и другія менѣе важныя преступныя дѣянія, о которыхъ мы скажемъ въ свое время при изложеніи системы наказаній.

При простотѣ и немногочисленности общественныхъ отношеній въ Запорожьи, надо думать, что классъ правонарушеній не могъ быть тамъ великъ и многообразенъ и что первоначально область преступныхъ дѣяній не выходила изъ сферы посягательствъ на основныя нормы, охранявшія внутренній распорядокъ въ общинѣ. Свобода личности признавалась тамъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и Сѣчь, куда устремлялись бѣглецы во имя свободы, созданная исключительными условіями и окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, очевидно, поставила подъ охрану лишь только тѣ нормы, которыя обезпечивали ея дальнѣйшее существованіе и способствовали осуществленію ея основныхъ задачъ. Но съ теченіемъ времени область преступныхъ дѣяній должна была расширяться. Измѣнялись условія жизни, измѣнялась обстановка; внутреннія отношенія между членами дѣлались сложнѣе, а также усложнялись и отношенія къ сосѣдямъ, въ особенности къ Россіи, которая съ каждымъ

---

toute femme de la Setsche. Cette loi n'a jamais été impunement enfreinte; „chose singulière, dit un brillant écrivain, que celle étrange république se soit établie vis-vis de la côte où la fable avait placé le séjour des Amazones". Hist. de cos p., 290 t. I.

[1]) Манштейнъ, Записки о Россіи (724—1744), ст. 14. (сп. 1875).

годомъ все внимательнѣе приематривалась къ тому, что происходило внутри Запорожья.—Эти обстоятельства не остались, конечно, безъ вліянія на дальнѣйшій характеръ сѣчевыхъ правовоззрѣній.

Условія, создавшія Сѣчь, основныя черты ея организаціи, эпохи, однимъ словомъ—вся совокупность обстоятельствъ, о которыхъ мы говорили раньше, должны были несомнѣнно отразиться и на самомъ характерѣ наказаній. Наказанія въ Запорожьи дѣйствительно были суровы; но если мы вспомнимъ это суровое время, когда безпрерывная кровавая борьба убивала въ человѣкѣ гуманныя чувства и дѣлала жестокимъ его сердце, если мы оглянемся на то, что происходило тогда (XVI, XVII и частью XVIII ст.) въ сферѣ карательной дѣятельности на западѣ и въ Московской Руси, если мы, наконецъ, примемъ во вниманіе, что запорожское братство было военной общиной, гдѣ желѣзная строгость наказаній находитъ себѣ больше всего оправданія,—то мы не можемъ не прійдти къ заключенію, обозрѣвая систему карательныхъ мѣръ, что мѣры эти носили тамъ сравнительно мягкій характеръ. Наказанія были безспорно строги, но въ нихъ далеко не было той изысканной жестокости, той утонченной изобрѣтательности въ смыслѣ причиненія преступнику излишнихъ страданій, которыми отличались карательныя мѣры на западѣ. Достаточно обратиться къ Constitutio Criminalis Carolina (1532), въ варварствахъ коего, по словамъ Бернера [1]), вполнѣ отразился духъ того времени, достаточно взглянуть на Codex juris bavarici criminalis (1751), задуманнаго, по словамъ Фейербачи, въ духѣ Дракона и написаннаго кровью [2]), чтобы представить себѣ вполнѣ ясную картину всей утонченной сложности, жестокости и безчеловѣчности наказаній, господствовавшихъ въ ту эпоху.

Въ исторіяхъ о малороссійскомъ козачествѣ, въ хроникахъ и актахъ, относящихся къ этой исторіи и въ особенности къ борьбѣ украинскаго народа съ поляками, т. е. къ казацкимъ

---

[1]) Berner, Lehrbuch des deutchen Strafrechtes, ст. 65 (Лейпцигъ 1872).

[2]) Сергѣевскій, Русское уголовное право, ст. 39 (СПБ. 1890).

возстаніямъ, мы читаемъ о цѣломъ рядѣ жестокостей, совершавшихся какъ казаками, такъ и крестьянами. Но это явленіе не должно насъ удивлять и не можетъ служить поводомъ къ предположенію, что жестокость, проходившая кровавой нитью черезъ всѣ козацкія возстанія, была также и отличительной чертой карательной системы въ Запорожьи, принимавшемъ самое горячее участіе въ этой борьбѣ. Борьба съ поляками была въ полномъ смыслѣ этого слова борьбой народной. Она велась не изъ какихъ либо отвлеченныхъ принциповъ или отдаленныхъ соображеній; она была въ одно и тоже время и местью ненавистнымъ эксплоататорамъ, и желаніемъ сбросить съ себя тяжелое, невыносимое иго панскаго и жидовскаго произвола. Всякій бравшійся за оружіе сознавалъ и чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, во имя чего онъ беретъ оружіе, за что и для чего онъ будетъ проливать кровь. Цѣли для него были до очевидности близки, понятны и ясны. Неукротимая ненависть, злоба, жажда мести выростали въ его душѣ, съ неудержимой силой охватывали его всего, душили его.... и человѣкъ переступалъ границы; чувство снисхожденія, сожалѣнія, справедливости, чувство простой человѣческой гуманности на время замирали въ немъ, страсти разгорались,—и онъ не зналъ и не хотѣлъ знать предѣла своей ненависти. Безъ сожалѣнія поднявшіяся руки закалывали женщинъ и невинныхъ младенцевъ; десятками, сотнями вѣшались, сжигались, утоплялись ненавистные жиды, пившіе христіанскую кровь, въ развалинахъ лежали католическіе костелы съ вырѣзанными ксендзами и монахами, и пылавшія кругомъ деревни и панскія усадьбы зловѣщимъ заревомъ освѣщали эту кровавую картину, наводя страхъ и ужасъ на окрестное населеніе. Всѣ эти жестокости, а подчасъ и мучительныя пытки, которымъ нерѣдко подвергались жиды и польское дворянство, были лишь дѣломъ народной расправы и бушевавшихъ народныхъ страстей, перелившихся черезъ край долготерпѣнія, а не сознательнымъ приложеніемъ на дѣлѣ извѣстной системы карательныхъ мѣръ.

Какъ на Западѣ, такъ и въ Московскомъ государствѣ наказанія лишеніемъ жизни во всѣхъ ихъ видахъ получили въ

этотъ періодъ уже самое широкое распространеніе. Раздавались иногда голоса, указывавшіе на суровую жестокость карательной системы, на ея нецѣлесообразность и неправомѣрность, но это были лишь одиночныя вспышки благородныхъ умовъ и сердецъ, умолкавшія вскорѣ среди общаго равнодушія, не вызывая ни у кого сочувствія и поддержки. Четвертованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, окопаніе въ землю по плечи, повѣшеніе на крюкъ за ребра, сожженіе, зарытіе въ землю живаго, содраніе кожи, вытягиваніе кишекъ, колесованіе и т. п. [1]),—всѣ эти мучительные виды смертной казни, затѣмъ безчеловѣчныя изувѣчивающія тѣлесныя наказанія не вызывали въ современникахъ глубокаго отвращенія, не вопіяли къ чувству справедливости и человѣческой гуманности; сердца ихъ оставались безстрастными, и голосъ разума молчалъ въ полномъ убѣжденіи въ необходимости жестокости по отношенію къ преступнику. Духъ времени господствовалъ здѣсь въ полной своей силѣ. Такъ ли жестоки были уголовныя системы въ Запорожьи? Изъ упомянутыхъ сейчасъ квалифицированныхъ видовъ смертной казни въ Запорожьи примѣнялись: посаженіе на колъ, закопаніе въ землю живымъ и повѣшеніе на крюкъ за ребро [2]), т. е. только первобытные, грубые виды ея, не требовавшіе ни сложныхъ орудій, ни большихъ затратъ, ни опытныхъ исполнителей. Отражая въ себѣ суровый духъ того времени, они тѣмъ не менѣе были лишены утонченныхъ придатковъ западноевропейской изобрѣтательности. Наиболѣе распространеннымъ видомъ смертной казни было простое повѣшеніе, о которомъ исключительно и упоминаютъ памятники, относящіеся къ послѣднему столѣтію существованія Сѣчи. Изъ тѣлесныхъ наказаній въ Запорожьи, можно сказать, имѣла мѣсто одна лишь форма ихъ—битье кіями. Это обстоятельство становится для насъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, изъ какихъ элементовъ создалась Сѣчь и каковы были ея задачи. Сѣчь была военнымъ братствомъ, на долю котораго выпала постоянная борьба съ

[1]) Сергѣевскій, наказаніе въ русскомъ правѣ XVII ст., стр. 104 (см. 1887). Berner. Lehrbuch des deut. Strafrechtes, ст. 65.

[2]) Устное повѣствованіе запорожца Киржи, ст. 25 (Одес. 1882).

сосѣдями. Вѣчная подвижность, постоянная готовность къ походу и бою, а отсюда необходимость въ сильныхъ, здоровыхъ, выносливыхъ воинахъ—были причиной того, что въ сферѣ карательной дѣятельности Запорожье отказалось отъ всѣхъ тѣхъ наказаній, которыя дѣлали членовъ ея неспособными къ выполненію ихъ непосредственной задачи. Если вина преступника была велика, если его дѣяніе шло въ разрѣзъ съ основными правоотношеніями, на которыхъ покоились твердость и крѣпость Сѣчи, то такой преступникъ, какъ негодный и вредный членъ общины, не могущій стоять въ ея рядахъ,—уничтожался, т. е. лишался жизни. Наоборотъ, тѣ преступники, дѣянія которыхъ были сравнительно маловажны, которые не нарушали коренныхъ основъ организаціи или совершали преступленія случайно или подъ вліяніемъ аффекта, обладая въ сущности всѣми качествами необходимыми для настоящаго Запорожца, такіе преступники получали соотвѣтственное возмездіе, но, признаваемые способными остаться членами общины, они подвергались наказаніямъ, не лишавшимъ ихъ возможности оставаться въ Запорожьи и служить общему дѣлу. Въ Запорожьи по самому его характеру могло существовать лишь два рѣзкихъ типа наказаній: наказанія, уничтожающія, стирающія преступника съ лица земли, и наказанія, которыя, воздавая преступнику должное, не дѣлали бы его неспособнымъ быть членомъ общины, когда признавалась возможность его дальнѣйшаго пребыванія въ Сѣчи.

Вышеизложенное служитъ достаточнымъ объясненіемъ тому, почему въ запорожскомъ войскѣ совершенно отсутствовали изувѣчивающія тѣлесныя наказанія, какъ то: отсѣченіе рукъ, ногъ, пальцевъ, отрѣзаніе языка и т. п.

Другіе виды карательныхъ мѣръ, какъ то наказанія, направленныя на свободу, честь и имущество, получили очень малое развитіе, такъ какъ не соотвѣтствовали ея организаціи и духу. Сѣчь по самому своему существу не могла организовать правильной системы наказаній лишеніемъ свободы, съ другой же стороны продолжительное лишеніе свободы было противно чувству запорожцевъ, во имя свободы соединившихся

въ военное братство. Если этотъ видъ наказаній и примѣнялся въ Запорожьи, то онъ или служилъ средствомъ пресѣченія преступнику уклониться отъ суда, или же имѣлъ, какъ наказаніе, кратковременный характеръ. Точно также не соотвѣтствовали сѣчевымъ правовоззрѣніямъ и наказанія, направленныя на честь. Запорожскій „лыцарь", стоявшій на стражѣ святой православной вѣры и поднимавшій оружіе противъ невѣрныхъ и на защиту своихъ угнетенныхъ братій на Украинѣ, долженъ былъ олицетворять въ себѣ всё благородное и осуществлять понятіе рыцарской чести и доблестей, которымъ, конечно, не соотвѣтствовали безчестящія наказанія. Хотя этотъ видъ наказаній и имѣлъ нѣкоторое примѣненіе въ Сѣчи (прикованіе къ столбу или пушкѣ, битіе кіями подъ висѣлицей), но широкаго и многообразнаго развитія оно не получило. Наконецъ, что касается наказаній, направленныхъ на имущество, то примѣненіе ихъ ограничивалось почти лишь одной формой ихъ—отнятіемъ имущества у преступника. Болѣе широкое примѣненіе этотъ родъ наказаній имѣлъ въ паланкахъ [1]), гдѣ жило семейное козачество, имѣвшее свою землю и самостоятельное хозяйство.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію системы карательныхъ мѣръ, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ цѣляхъ, которымъ могло служить и служило наказаніе въ Запорожьи.

Конкретныя наказанія, принимая ту или другую форму, получая то или другое содержаніе, конечно, слагались подъ извѣстнымъ воззрѣніемъ на тѣ цѣли, на тѣ задачи, для которыхъ они должны были служить. Цѣли эти весьма разнообразны и находятся въ прямой зависимости какъ отъ понятій и воззрѣній, господствующихъ въ извѣстную эпоху, такъ и отъ

[1]) Весь запорожскій край, кромѣ Сѣчи, дѣлился на нѣсколько паланокъ или вѣдомствъ (въ началѣ 5, къ концу существованія Сѣчи—8), которыми завѣдывали полковники со старшиной, наблюдавшіе за поведеніемъ запорожскаго войска внѣ Сѣчи и за границею. Въ нѣкоторыхъ изъ паланокъ жили семейные козаки, поспольство, не входившее въ составъ сѣчеваго войска; въ этихъ паланкахъ имѣлись хутора, села и города; другіе паланки учреждались ежегодно для рыбной и звѣриной ловли и не имѣли постоянныхъ жителей: запорожцы, занимавшіеся промыслами, жили здѣсь въ зимовникахъ. Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. I, гл. 1.

другихъ соображеній, вытекающихъ изъ чисто общественныхъ нуждъ.

Въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и мѣста изъ этихъ цѣлей къ данную эпоху выдвигается преимущественно какая нибудь одна опредѣленная цѣль, или же преслѣдуются нѣсколько цѣлей заразъ, наравнѣ. Въ болѣе или менѣе твердо сложившемся и установившемся государственномъ организмѣ, въ которомъ обычное право до извѣстной степени уступило господство положительному закону и гдѣ задачи государства приняли широкій размѣръ, тамъ эти цѣли, преслѣдуемыя конкретными наказаніями, проявляются въ болѣе яркихъ, опредѣленныхъ, наглядныхъ формахъ. Отсутствіе въ Запорожьи положительнаго права, а также отсутствіе памятниковъ, касавшихся карательной дѣятельности Сѣчи, не даютъ намъ возможности точно, документально установить эти цѣли и опереться въ выводахъ на тѣ или другіе акты; но данный вопросъ можетъ быть почти безошибочно разрѣшенъ, если при изслѣдованіи этого предмета мы внимательно остановимся на характерѣ этой общины, ея задачахъ и организаціи.

Цѣлей, которымъ служило наказаніе въ Запорожьи, было немного и онѣ непосредственно вытекали изъ самой сущности сѣчевого быта. Главная цѣль наказаній была *обезпеченіе* общины отъ преступниковъ, т. е. уничтоженіе такихъ преступниковъ, которые, какъ мы замѣтили выше, посягали на коренныя основы сѣчевой организаціи и своими преступленіями, подрывая авторитетъ вѣковыхъ традицій и основныхъ принциповъ, обезпечивавшихъ твердое и самостоятельное существованіе Сѣчи, могли бы внести разладъ и замѣшательство во внутреннія отношенія Коша. Съ другой стороны, примѣняя къ каждому конкретному случаю то или другое наказаніе, Сѣчь имѣла также въ виду и цѣли *устраненія*, т. е. воздержаніе, какъ самаго преступника, такъ и другихъ членовъ общины отъ преступныхъ посягательствъ на будущее время. Этотъ взглядъ на наказаніе, какъ на устрашающее средство, высказывается также и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ; такъ, въ приказѣ са-

марскому полковнику отъ 7 декабря 1772 г. [1]) Кошевой пишетъ, чтобы казака, который самарскую жительницу „опорочилъ не по пристойности", сыскать и „въ страхъ прочимъ" публично на базарѣ кіями наказать, „дабы и другіе такихъ непристойныхъ худостей дѣлать не отваживались". Понятно само собою, что наказаніе являлось и какъ *возмездіе* преступнику за причиненное имъ зло. Другихъ цѣлей наказаніе не имѣло и имѣть не могло. Исправленіе преступника, извлеченіе изъ него тѣхъ или другихъ полезностей не входило и не могло входить въ кругъ дѣятельности общины. Исправлять преступника—значитъ надо было устроить исправительное заведеніе, надо было имѣть персоналъ лицъ, спеціально долженствовавшихъ слѣдить за поведеніемъ преступника, воспитывать его, вліять на него въ смыслѣ пробужденія уснувшаго въ немъ нравственнаго сознанія. Запорожье по самому своему существу не могло задаваться подобными цѣлями. Нравственный, духовный міръ запорожца былъ внѣ контроля товарищества, которое комплектовалось изъ людей всякаго сорта, очень часто весьма сомнительныхъ нравственныхъ качествъ и подозрительнаго прошлаго. Сѣчь нуждалась въ хорошихъ, мужественныхъ воинахъ, она требовала наличности лишь нѣкоторыхъ опредѣленныхъ качествъ, храбрости и строгаго подчиненія волѣ войсковыхъ старшинъ; до нравственнаго міра козака ей не было дѣла, да она въ него и не вторгалась. Наконецъ, характеръ жизни запорожцевъ, ихъ постоянные походы и вѣчная борьба дѣлали просто невозможнымъ осуществленіе этой цѣли. Чтобы осуществить эту цѣль на практикѣ, имъ пришлось бы бросить сабли и обратить Сѣчь въ обширное исправительное заведеніе. Что же касается до извлеченія изъ преступника тѣхъ или другихъ выгодъ, то подобный взглядъ на цѣль наказанія шелъ бы прямо въ разрѣзъ съ основными чертами сѣчевой организаціи. Сѣчь была соединеніемъ свободныхъ и равныхъ. Подчиненность, гнетъ, рабство, отъ которыхъ бѣжали въ Запорожье, конечно, не могли имѣть мѣста тамъ, куда бѣжали за свободой. Извлечь

[1]) Кіевская Старина, мартъ 1886 г., ст. 613.

изъ преступника выгоду для общества—значило поставить его въ служебное, подчиненное положеніе по отношенію къ общинѣ, т. е. нарушить тотъ принципъ, который оставлялъ сущность организаціи запорожскаго войска и чтился ими выше всего. Если преступникъ не могъ быть терпимъ или нарушалъ своимъ дѣяніемъ господствовавшій обычай, то онъ выбрасывался изъ общины, уничтожался или, получивши должное возмездіе за причиненное зло, оставался полноправнымъ членомъ общины, но никогда не становился простой служебной силой, служащей для извлеченія тѣхъ или другихъ матеріальныхъ выгодъ.

Карательная дѣятельность въ Запорожьи носила общественный, публичный характеръ; личный, частный принципъ здѣсь не имѣлъ уже мѣста, и наказаніе примѣнялось не въ интересахъ частныхъ лицъ, а въ интересахъ самой общины. Возмѣщеніе вреда непосредственно самому потерпѣвшему, и именно въ его личныхъ интересахъ, въ это время уступало мѣсто удовлетворенію нарушенныхъ преступнымъ цѣяніемъ общественныхъ интересовъ и порядка. Интересъ общины—выше интереса отдѣльнаго члена,—формула, ясно сознанная правосознаніемъ Сѣчи и логически вытекавшая изъ существовавшаго порядка вещей, при которомъ твердость и цѣлость общины находились въ прямой зависимости отъ ограниченія личнаго произвола и частныхъ взглядовъ въ той области, гдѣ господство таковыхъ могло грозить нарушеніемъ единства и крѣпости организаціи союза.

Подчиняя идею наказанія задачамъ внутренней и внѣшней безопасности общины, Сѣчь, при опредѣленіи степени виновности, обращала преимущественно вниманіе на важность нарушеннаго права и при назначеніи наказаній главнымъ образомъ сообразовалась съ тѣмъ зломъ, вредомъ, которые были причинены преступнымъ дѣяніемъ. Но, останавливаясь прежде всего на внѣшней сторонѣ дѣянія, она тѣмъ не менѣе выдвигала иногда впередъ субъекта и субъективные моменты, не оставляя безъ вниманія и внутреннюю сторону преступленія, т. е. различные оттѣнки вины съ внутренней стороны или, говоря вѣрнѣе, принимая во вниманіе наличность въ преступникѣ из-

вѣстныхъ качествъ и личныхъ достоинствъ, которыя пользовались особымъ уваженіемъ среди запорожцевъ.

„Злодѣя и убійцу, о которомъ цѣлымъ обществомъ жалѣть будутъ, почитая его по качеству, что оный храбръ и человѣкъ надежный былъ, онаго по приговору цѣлаго общества отъ смерти освобождали и вмѣсто оной инымъ чѣмъ наказывали или налагали только, какое ни есть взысканіе“ [1]).

Наконецъ, что касается вопросовъ, существовало ли различіе въ наказуемости умышленныхъ дѣяній и неосторожныхъ, а также въ какой мѣрѣ наказывались предварительныя ступени преступной дѣятельности (приготовленіе, покушеніе), участіе и прикосновенность къ дѣлу, то за неимѣніемъ данныхъ, относящихся къ этимъ вопросамъ, установить какіе либо принципы нѣтъ возможности. По этому предмету мы находимъ лишь маленькое указаніе въ исторіи Мышецкаго: „а ежели оный воръ воровалъ, да приносилъ другому кому нибудь изъ ихъ казачества для сохраненія, или, кто вѣдая купитъ оные воровскіе пожитки, то и оному чинится такожде, какъ надъ сущимъ воромъ“ [2]).

Изъ этого отрывка мы видимъ, что укрыватели краденаго а также лица, покупавшія завѣдомо краденыя вещи, наказывались наравнѣ съ главнымъ виновникомъ. Послѣ этихъ общихъ соображеній, касавшихся карательной дѣятельности въ Запорожьи, перейдемъ теперь къ подробному разсмотрѣнію самихъ карательныхъ мѣръ.

А. Д—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. IV, ст. 83.

[2]) Мышецкій, Исторія о каз. зап., ст. 58.

УКРАИНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

О харьковскихъ альманахахъ нынѣшняго столѣтія до сихъ поръ почти не говорилось въ печати, хотя они и представляютъ много любопытнаго, заключая въ себѣ нѣкоторыя особенности по сравненію съ другими русскими альманахами. Главная характерная черта этихъ альманаховъ происходитъ отъ желанія ихъ издателей сдѣлать ихъ возможно болѣе національными, малорусскими, и дать въ нихъ матеріалъ для изслѣдователей Украины. Такимъ образомъ харьковскіе альманахи представляютъ изъ себя не чисто литературные, а скорѣе историко-литературные сборники. Правда, этотъ характеръ альманаховъ присущъ не всѣмъ сборникамъ такого рода и не выдѣляется особенно рѣзко. Тѣмъ не менѣе его нельзя не отмѣтить, какъ нѣчто самостоятельное, новое въ литературѣ, а также какъ задачу, къ которой стремились издатели.

Не отказываясь отъ намѣренія коснуться когда нибудь изданія другихъ альманаховъ, я хочу въ этой замѣткѣ сказать нѣсколько словъ только объ одномъ такомъ сборникѣ—Украинскомъ Альманахѣ—первомъ опытѣ этого рода въ харьковской литературѣ, представляющемъ особый интересъ, благодаря участію въ немъ лицъ, впослѣдствіи занявшихъ замѣтныя мѣста въ исторіи литературы и науки.

Украинскій Альманахъ (Харьковъ. Въ университетской типографіи. 1831) представляетъ изъ себя небольшую книжку въ 16^0, на 136 страницахъ. Содержаніе его не можетъ быть названо богатымъ: весь альманахъ состоитъ изъ девяти проза-

ическихъ статей, двадцати одного стихотворенія и шести думъ и пѣсенъ. Я позволю себѣ привести здѣсь его оглавленіе:

Проза.

I. О изящномъ въ природѣ.
III. Американская баллада.
IV. Нѣжинскіе греки.
VII. Исторія моего авторства.
XI. Мудрый выборъ.
XVII. Мысли и замѣчанія.
XIX. Гаркуша.
XXII. Хафизъ.
XXIII. Нѣсколько замѣчаній о критикѣ.

Стихотворенія.

II. Рогдаевъ пиръ.
V. Море.
VI. Молдавскія пѣсни.
VIII. Марія.
IX. Кленъ и плющь.
X. Къ Тавридѣ.
XII. Къ сестрѣ.
XIII. Первое мая.
XIV. Къ А. И. Я. (Яковлеву).
XV. Козакъ.
XVI. Малороссійская баллада.
XVIII. Іоаннъ Грозный.
XX. Малороссійскія пѣсни.
XXI. Чигринскій козакъ.
XXV. Монастырь.
XXVI. Дорога.
XXVII. Сцена изъ комедіи: Провинціалы.
XXVIII. Мысли Саади.
XXIX. Къ .....
XXXI. Малороссійскія думы.
XXXII. Отрывокъ изъ поэмы Конрадъ Валленродъ.

Имени редактора или издателя на альманахѣ не выставлено; не выставлены также имена подъ нѣкоторыми піесами, вошедшими въ составъ альманаха. Благодаря находящемуся у меня подъ рукой матеріалу относительно изданія Украинскаго альманаха, мнѣ представляется возможность разъяснить скрытыя имена его издателей и сотрудниковъ. Издатели-редакторы альманаха были Измаилъ Ивановичъ Срезневскій и Иванъ Васильевичъ Росковшенко; прямымъ доказательствомъ этому служитъ отмѣтка, приписанная рукой И. И. Срезневскаго на одномъ экземплярѣ альманаха, находящемся въ моихъ рукахъ: „изданъ И. И. Срезневскимъ и И. В. Росковшенковымъ". Ниже я представляю рядъ другихъ доказательствъ [1]).

Въ виду того, что свѣдѣнія о жизни Ив. Вас. Росковшенка доселѣ почти не были нигдѣ напечатаны [2]) и потому могутъ имѣть нѣкоторый интересъ, я позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Ив. Вас. Росковшенко оставилъ по себѣ довольно незначительный слѣдъ какъ литературной, такъ и служебной дѣятельностью. Единственная, на сколько я знаю, его литературная работа, исключая статьи альманаха, это стихотворный переводъ Ромео и Джульетты Шекспира, напечатанный сначала въ Библіотекѣ для чтенія (1839, т. XXXIII, № 4, отд. I, стр. 81—228), потомъ въ 1861, вышедшій отдѣльно съ присовокупленіемъ большого введенія [3]). Можно предположить, что и ранѣе напечатанія этого перевода Росковшенко помѣщалъ свои статьи въ петербургскихъ журналахъ; изъ его писемъ къ И. И. Срезневскому видно, что это былъ человѣкъ интересующійся литературой, занимающійся ею не изъ одной прибыли; онъ оказалъ по-

[1]) Такимъ образомъ предположенія г. С. Р. въ его статьѣ „Харьковская Журналистика начала настоящаго столѣтія" (Кіев. Ст. 1892. 8) о проф. Шпигоцкомъ, какъ объ издателѣ Альманаха, невѣрно. Кстати замѣчу, что Аѳанасій Григорьевичъ Шпигоцкій, о которомъ только и можетъ быть здѣсь рѣчь, не былъ профессоромъ ни въ то время, ни послѣ, насколько я знаю; въ 1831 году онъ былъ корректоромъ университетской типографіи; послѣднее свѣдѣніе я нашелъ въ одномъ изъ его писемъ Срезневскому, „Не забылъ ли ты мой адресъ? Вотъ онъ: Въ Москву Корректору университ. типографіи".

[2]) Нѣсколько данныхъ о немъ см. въ Рус. Арх. 1892 г. № 2, стр. 310—315.

[3]) Вотъ полное заглавіе: Ромео и Джульета. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Перевелъ И. Росковшенко. Москва. Въ типографіи Грачева 1861.

мощь Срезневскому при изданіи Запорожской Старины, какъ это указывается въ примѣчаніяхъ ея составителя. О служебной дѣятельности Росковшенка я могу дать также немного свѣдѣній, почерпнутыхъ частью изъ его писемъ, частью изъ другихъ источниковъ. Первоначально служившій въ Министерствѣ Юстиціи, въ Коммисаріатскомъ департаментѣ Военнаго министерства и съ 1837 г. въ редакціи журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ въ 1840 г. перешелъ на службу по учебному вѣдомству. Съ 1840—1847 г. онъ занималъ мѣсто инспектора гимназіи въ Тифлисѣ, съ 1848—1853 г. былъ директоромъ каменецъ-подольской гимназіи, въ 1856 г. вышелъ въ отставку, а съ 1858 г. снова поступилъ на службу при московскомъ цензурномъ комитетѣ, гдѣ долгое время занималъ должность цензора; онъ умеръ въ отставкѣ въ 1880-хъ гг. Вотъ и все, что я могъ узнать о его служебной дѣятельности.

Мысль издать альманахъ, можно думать, принадлежитъ Росковшенку; Срезневскій, сначала принявшій косвенное участіе въ этомъ изданіи, не сразу вполнѣ раздѣлилъ работу съ Росковшенкомъ: Ф. С. Евецкій, товарищъ Срезневскаго по университету, въ мартѣ 1830 г. писалъ Срезневскому: „Извѣсти меня, какого содержанія альманахъ Росковшенка и какимъ именемъ онъ хочетъ крестить это дитя свое.... У меня есть нѣсколько десятковъ довольно занимательныхъ анекдотовъ оригинальныхъ и переводныхъ—не знаю, можетъ ли это годиться. Когда, какъ и гдѣ будетъ печататься этотъ альманахъ?“. Въ отвѣтномъ письмѣ Срезневскій уже пишетъ объ изданіи альманаха, какъ объ общемъ его дѣлѣ съ Росковшенкомъ. Онъ пишетъ: „Ты просишь извѣстить тебя о содержаніи Альманаха и о имени его. Не хочешь ли ты быть крестнымъ отцемъ ему — очень рады—хотя заочнымъ. Имя ему Украинскій Памятникъ. Содержаніе: Поэзія, Повѣсти, Мысли, Анекдоты, разсужденія о Словесности и прч. Словомъ все со вкусомъ написанное и не дально ученое идетъ въ Альманахъ Украинскій. Пришли свои Анекдоты; да не забывай обязанности: доставлять мнѣ все касающееся Малороссіи. Альманахъ изданъ будетъ къ генварю 1831 года, я думаю, въ Москвѣ, ибо у насъ печать гад-

кая. Въ немъ учавствуютъ (sic) человѣкъ 25, и между ними много извѣстныхъ литераторовъ. Напиши что нибудь юмористическое, но что бы касалось Украйны" (Письмо 23 марта 1830 г.). Мысли высказанныя Срезневскимъ были далеко не выполнены. Не говоря уже про названіе альманаха, измѣненное позднѣйшею редакціею, самое содержаніе далеко не соотвѣтствовало предположенію Срезневскаго. Изъ 32 піесъ, помѣщенныхъ въ альманахѣ, можно отмѣтить только 8 имѣющихъ отношеніе къ Украйнѣ; остальныя не заключаютъ въ себѣ ничего Украинскаго. Надо думать, что тутъ сказалось съ одной стороны вліяніе Росковшенка, съ другой—недостатокъ національнаго матеріала. Предположеніе относительно 25 сотрудниковъ тоже оказалось только предположеніемъ: въ альманахъ вошли статьи лишь двѣнадцати авторовъ; тринадцатый сотрудникъ И. Г. Кулжинскій [1]) только доставилъ двѣ статьи другихъ авторовъ; это указано въ концѣ оглавленія альманаха: „за двѣ прозаическія статьи *Нѣжинскіе Греки* и *Исторія моего авторства*, издатель благодаритъ Ив. Г. Кулжинскаго". Извѣстныхъ литераторовъ, т. е. получившихъ тогда уже, или нѣсколько позже нѣкоторую литературную извѣстность въ Украйнѣ, можно назвать только трехъ: Филиппа Морачевскаго, Льва Боровиковскаго и Евг. Гребенку, подписавшагося въ альманахѣ Гребенкинымъ. Ф. С. Морачевскій, впослѣдствіи написавшій сборникъ стихотвореній: До чумака або война янгло-хранцузо-турецька у 1853 и 1854 рокахъ (Кіевъ 1855) помѣстилъ три стихотворенія; кажется, это его первый печатный опытъ; должно быть, впрочемъ, его стихи ходили на югѣ по рукамъ и ранѣе уже составили нѣкоторую извѣстность ихъ автору; по крайней мѣрѣ Росковшенко познакомился съ нимъ спеціально для Альманаха [2]).

---

[1]) Ив. Гр. Кулжинскій, учитель Латинскаго языка въ Нѣжинскомъ лицеѣ, потомъ въ Харьковѣ, впослѣдствіи директоръ Луцкой гимназіи, сотрудничалъ во многихъ журналахъ. Свѣдѣнія о немъ см. въ автобіографической запискѣ его (Лицей кн. Безбородко. 116).

[2]) „Я буду проѣзжать Сумы... постараюсь познакомиться съ Морачевскимъ, и можетъ быть достану что нибудь", т. е. для Альманаха (Письмо Росковшенка Срезневскому). Морачевскій въ это время былъ учителемъ Сумскаго Уѣзднаго Училища. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Лицея кн. Безбородка въ Нѣжинѣ.

Л. И. Боровиковскій, выступившій на литературномъ поприщѣ нѣсколько ранѣе, именно въ 1829 г., помѣстилъ въ Альманахъ малорусскую піэсу свою „Козакъ“. Евг. Гребенка напечаталъ въ Альманахѣ русскую піесу „Рогдаевъ пиръ“—это его первое напечатанное произведеніе [1]); впослѣдствіи оно было перепечатано въ сочиненіяхъ Гребенки, т. V. стр. 413—416 въ полномъ спискѣ печатныхъ сочиненій Е. П. Гребенки; въ этотъ списокъ, а не въ текстъ, оно вошло, какъ произведеніе „весьма слабое по исполненію“; „не желая начинать отдѣла мелкихъ стихотвореній такой слабой піесой, говоритъ Н. В. Гербель, редакторъ собранія,—я помѣщаю ее здѣсь,“ т. е. въ спискѣ. Имена другихъ сотрудниковъ мало извѣстны: Иноземцевъ, вѣроятно, тотъ самый, который издалъ въ 1833 г. въ Харьковѣ повѣсть „Ссыльный“ [2]), участвовалъ въ Альманахѣ, изданномъ И. Петровымъ „Утренняя звѣзда“ и былъ учителемъ русской словесности въ Харьковской гимназіи. Далѣе, приняли участіе въ Украинскомъ альманахѣ: Е. Бурковъ, В. Граевичъ, А. И. Яковлевъ, Г. Крылова, А. Г. Шпигоцкій, и лица, псевдонимовъ которыхъ мнѣ не удалось раскрыть: А. Ч., NN (можетъ быть, одинъ изъ братьевъ Евецкихъ), Украинскій Пустынникъ. Вообще составъ сотрудниковъ былъ совершенно случайный. Вотъ напримѣръ, что читаемъ въ одномъ изъ писемъ Росковшенка Срезневскому: „Третьяго дня былъ у меня Яковлевъ, но ничего не привезъ [3]), а далъ слово чести на будущей неделе [4]) доставить вотъ что: Бандуристъ; отрывокъ изъ поэмы: Любовь и геній; Искатель кладовъ (повѣсть); письма (онъ говоритъ, что они скучны) и еще кой-что изъ прозы и стиховъ. Я же досталъ стихотвореніе *Тоска* какого-то А.

---

[1]) Піеса подписана „Евгеній Гребенкинъ“; такъ Гребенка подписывался до 1834 г.; подъ этою фамиліею онъ былъ извѣстенъ въ Гимназіи Высшихъ наукъ кн. Безбородко, гдѣ онъ воспитывался (Воспоминаніе учителя И. Г. Кулжинскаго. Москвитянинъ, 1854. т. VI. № 21 отд. V с. 5).

[2]) Ссыльный, Русская повѣсть, соч. Павла Иноземцева. Харьковъ. 1833 Университетская типографія.

[3]) Росковшенко почему то очень усердно добивался сотрудничества Яковлева; пьеса, имъ доставленная для альманаха (Чигринскій козакъ)—слабое подражаніе извѣстному отрывку изъ Полтавы („Кто при звѣздахъ и при лунѣ“).

[4]) При печатаніи писемъ привожу ихъ совершенно буквально.

Кремницына, который подарилъ моей родственицѣ... (приводится плохое стихотвореніе).... Годится ли для Украинскаго Альманаха или нѣтъ? Мнѣ оно не очень понравилось, рѣшай ты. Яковлева пьесы на будущей или предбудущей почтѣ непремѣнно доставлю. Онъ тебѣ кланяется, его сочиненія ходятъ по рукамъ"... (Письмо 10 іюля 1830 г.). Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Вчера я былъ у Яковлева, онъ или по безъпечности (sic) или не знаю по чему, до сихъ поръ не выполняетъ даннаго слова, говоритъ, что еще не собралъ всѣхъ статей, которыя не у него. Онъ только мнѣ и далъ Чигринскаго Козака, вновь исправленнаго, котораго перепишу и съ слѣдующею почтой ты получишь. Завтре ко мнѣ пріѣдетъ Яковлевъ и привезетъ 2 главу изъ поэмы: Любовь и геній. А къ отъѣзду обѣщался приготовить: Искатель кладовъ или ночь противъ свѣтлаго воскресенія и быть можетъ что небудь (sic) еще, какъ то: Бандуристъ etc. Я надѣюсь еще достать нѣсколько піесъ слѣдующимъ образомъ: я познакомился съ офицеромъ Арзамасскаго Кон. егер. полку; онъ обѣщался мнѣ достать отъ военныхъ литераторовъ для Укр. Аль. отъ какихъ то: Сол....ова, Маркова, Ознобишина и, можетъ быть, Краинскаго и Башилова, который юнкеромъ въ Переяславскомъ Кон. егер. полку". (1830. 19 іюл.).— Такъ любопытно подбирались сотрудники.

Шпигоцкимъ доставлены для альманаха отрывокъ русскаго перевода Конрада Валенрода, напечатаннаго впослѣдствіи цѣликомъ [1]), Малороссійская баллада, малорусскій переводъ отрывка Полтавы подъ заглавіемъ „Марія" и др. Переводъ Полтавы Шпигоцкаго немного предупредилъ отрывки перевода Гребенки, напечатанные въ 1831 г. въ Московскомъ Телеграфѣ (1831 г. 41. № 17, стр. 128—129) и въ альманахѣ „Утренняя звѣзда" (1833); Переводъ Шпигоцкаго, какъ и слѣдовало ожидать, многимъ уступаетъ переводу Гребенки.

Кромѣ сочиненій постороннихъ лицъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, въ альманахъ вошли статьи самихъ издателей

---

[1]) Конрадъ Валленродъ. Историческая повѣсть изъ Литовскихъ и Прусскихъ событій. Перевелъ съ Польскаго Афанасій Шпигоцкій. Москва 1832. 8°.

Срезневскаго и Росковшенка. Сочиненія Срезневскаго представляютъ собою много любопытнаго, какъ первый его литературный опытъ, первое проявленіе работы его мысли. Особый интересъ заключаютъ въ себѣ его „Мысли и замѣчанія", подписанныя Х. Х. Х. Давно забытыя, даже не прочтенныя большинствомъ лицъ, интересующихся дѣятельностью Срезневскаго, они не могутъ не обратить на себя ихъ вниманія. Считаю по этому возможнымъ сдѣлать изъ нихъ нѣкоторыя выписки.

„Грамматика есть Статистика языка; она схватываетъ и рисуетъ искусною кистью одну минуту жизни его. Соединеніе сихъ картинъ въ одно цѣлое составитъ исторію языка...

„ Мысль—духъ; слова—тѣло, въ которое облекается духъ; выраженіе—форма его тѣла. Тѣло и его форма составляютъ видимое проявленіе духа, отъ котораго онѣ зависятъ, и съ которымъ должны быть въ совершенной и безусловной связи и гармоніи...

„Чувствованія, понятія, сужденія, умствованія: вотъ подлинникъ, который должно срисовывать слово человѣческое. Чѣмъ вѣрнѣе срисованный снимокъ, тѣмъ онъ изящнѣе. Сдѣлать два снимка съ одинаковою точностью и совершенно сходныхъ между собою не возможно. Всѣ они будутъ разниться между собою, и, съ этимъ вмѣстѣ, всѣ будутъ сходны съ подлинникомъ.

„Живописецъ, дѣлая снимокъ съ какого нибудь вида природы, составляетъ прежде легкій очеркъ, далѣе набрасываетъ краски, наконецъ располагаетъ тѣни. Снимокъ—оканчивается; улучшить его невозможно; если же и возможно, то развѣ въ такомъ только случаѣ, когда гдѣ нибудь тѣнь недостаточна. Излишнее увеличеніе тѣней портитъ картину.—То же дѣлается и съ языкомъ какого нибудь народа: въ началѣ своемъ онъ состоитъ изъ малыхъ, но сильныхъ, краткихъ, но рѣзкихъ очерковъ; далѣе постепенно появляются на немъ краски,—онъ улучшается, наконецъ краски въ языкѣ получаютъ оттѣнки,—языкъ совершенствуется; еще одинъ шагъ—и онъ начинаетъ портиться.

„Въ образованіи языка есть три періода. Первый періодъ—время нуждъ, языкъ выражаетъ одно необходимое, которое ограничивается матеріяльнымъ. Второй періодъ—время поэзіи и перваго появленія наукъ. Третій періодъ—время, въ которое

языкъ, совершенствуясь, стремится къ усовершенствованію наукъ.

„Поэзія—одна и есть три поэзіи. Поэзія—духъ; поэзія—чувство, оживленное духомъ; поэзія—выраженіе чувства, оживленнаго духомъ.

„Есть люди великіе по размышленію, хотя рождены слабыми по характеру; сіи люди будутъ производить великія дѣла, если будутъ занимать мѣсто столь высокое въ отношеніи подобныхъ себѣ, что будутъ совѣтоваться только сами съ собою; если же будутъ окружены льстецами,—они сдѣлаются людьми обыкновенными. Пока Цицеронъ слушалъ только самого себя,—онъ былъ мужественъ и великъ; когда же онъ ввѣрился людямъ слабымъ,—сдѣлался робкимъ и малодушнымъ. Страхъ и жажда почестей внушили ему рѣчь pro Marcello; сердце, одно только благородное сердце, могло внушить ему похвалу Катону. Впрочемъ есть люди совершенно иной природы. Они слабы, если они трудятся или вообще дѣйствуютъ уединенно. Они велики,—(странное дѣло) если окружены льстецами, которыхъ каждое слово взвѣшивается ими по достоинству. Тогда всѣ дѣла ихъ совершаются превосходно.

„Великіе умы постигаютъ высокія идеи, люди слабые—о нихъ мечтаютъ; люди безпокойные—ихъ ищутъ; одни геніи—исполняютъ.

„Что настоящая Русская поэзія?—Корабль, имѣющій много, по большей части неопытныхъ матросовъ и ни одного—кормчаго“.

Особенный интересъ въ этихъ „Мысляхъ и замѣчаніяхъ“ представляютъ собою замѣтки о языкознаніи, такъ напоминающія нѣкоторыя страницы другихъ *Мыслей* И. И. Срезневскаго, обратившихъ на него въ первый разъ вниманіе, какъ на филолога: „Мыслей объ исторіи русскаго языка“. Нельзя не отмѣтить, что „Мысли и замѣчанія“ писаны, когда ихъ автору было всего 18 лѣтъ. Другія произведенія Срезневскаго, помѣщенныя въ Украинскомъ Альманахѣ, слѣдующія: „Море“—стихотвореніе подъ псевдонимомъ А. Погорѣльцева [1]), Мысли Саади—

[1]) Отмѣчено уже въ отчетѣ II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1880 годъ, гдѣ помѣщена составленная А. Ѳ. Бычковымъ замѣтка о жизни и трудахъ И. И. Срезневскаго.

стихотвореніе подписанное буквою *и*, Молдавскія пѣсни, числомъ двѣ, подписанныя также буквою *и*. Срезневскимъ же были доставлены для Альманаха нѣкоторые матеріалы по народной словесности, именно малорусскія думы (стр. 119—131).

Росковшенко помѣстилъ въ Альманахѣ пять своихъ стихотвореній и одну „сцену изъ комедіи: Провинціалы". Эти произведенія его довольно слабы, очень наивны и написаны напыщеннымъ тономъ. Одно изъ нихъ, именно стихотвореніе подъ заглавіемъ „Къ Тавридѣ", обратило на себя вниманіе Телескопа, помѣстившаго замѣтку объ Украинскомъ Альманахѣ (1831. 104); въ этой замѣткѣ между прочимъ читаемъ: „Изъ остальныхъ стихотвореній, въ коихъ Украинцы принимаютъ языкъ и тонъ Москалей, нѣкоторыя очень недурны. Таково на примѣръ поэтическое возваніе къ Тавридѣ" (слѣдуетъ стихотвореніе). „Это стихотвореньице, продолжаетъ критикъ, не сдѣлало бъ стыда никакому столичному альманаху".—Стихотворенія Росковшенка подписаны или буквами: И. Р. или: И. Р—въ.=Росковшенковъ, по бывшему тогда въ ходу обыкновенію прибавлять *въ* къ малорусскимъ фамиліямъ, оканчивающимся на *енко*. Сцена подписана ***.

Я позволю себѣ въ заключеніе коснуться вопроса, какая цѣль руководила издателей альманаха и что послужило поводомъ къ этому изданію. Въ одномъ изъ писемъ къ Срезневскому Росковшенко говоритъ: „Судьба нашего альманаха очень плачевна. Онъ не избѣжалъ холеры, и, кажется, Москва несравненно отъ нея больше потерпѣла нежели Харьковъ. Ты совершенный прожектеръ: 50 подписчиковъ, 150 р., альманахъ напечатанъ и дѣло въ шляпѣ. Ты безкорыстная душа; я признаюсь, я грѣшенъ, мнѣ бы не такъ хотѣлось"... (1830 г. 31 окт.). Едва ли такимъ образомъ была, по крайней мѣрѣ у Срезневскаго, денежная цѣль. Какъ онъ, такъ и Росковшенко, я думаю, прежде всего хотѣли литературной славы, и это было ихъ основное стремленіе. Оба они были молодые люди лѣтъ восемнадцати, девятнадцати, только что вышедшіе изъ университета, честолюбивые и увлеченные Украиной. Это увлеченіе, можетъ быть, тоже способствовало выходу въ свѣтъ альманаха: выше приведенное письмо Срез-

невскаго показываетъ желаніе сдѣлать альманахъ исключительно Украинскимъ по содержанію. Кружокъ сблизившихся на университетской скамьѣ молодыхъ людей—Боровиковскій, Джунковскій, Росковшенко, Ф. Каразинъ, Срезневскій, Тихановичъ и др. съ любовью вникали въ малорусскую рѣчь, слушали и записывали пѣсни, думы, обряды, бродя изъ хутора въ хуторъ. Эти этнографическія путешествія дали много матеріала для извѣстнаго изданія Срезневскаго „Запорожская Старина“. Пріятели и „благопріятели“, какъ когда-то онъ выразился [1]), очень сочувствовали его идеѣ этнографическаго и историческаго сборника, и въ письмахъ ихъ то и дѣло попадаются то списки пѣсенъ и пословицъ, то описанія обрядовъ, то указанія на различныя повѣрья, существовавшія въ Малороссіи въ 1830-хъ годахъ [2]).

Украинскій Альманахъ, по предположенію Срезневскаго долженъ былъ послужить только началомъ и повлечь за собой изданіе другихъ подобныхъ альманаховъ. Аѳ. Гр. Шпигоцкій въ 1831 г. писалъ Срезневскому: „поздравляю, душевно поздравляю тебя, юный орленокъ, съ первымъ порывомъ крылъ твоихъ, смѣлымъ розмахомъ сулящихъ многое со временемъ. Но съ нетерпѣніемъ жду и не дождуся твоего милаго дитяти—

---

[1]) См. Переписку А. Х. Востокова (СПБ. 1873), стр. 462.

[2]) Характеръ увлеченія Украйной очень любопытно высказывается въ одномъ изъ писемъ къ Срезневскому лица, принадлежавшаго къ Харьковскому кружку и уѣхавшаго на службу въ Москву. „На постылой Московщинѣ мнѣ добрая доля сулила увидѣть Украинца (т. е. Украинскій Альманахъ). Какъ всѣ воспоминанія Харьковскаго слились въ немъ одномъ, моемъ ненаглядномъ! Какіе новые виды онъ открылъ мнѣ! Какія надежды онъ чаровникъ вселилъ въ грудь мою! Какъ сладко мечтаю о славѣ нашей Украины, родной матери моей! О другъ, ревнуй, ревнуй о пробужденіи Малороссійскаго генія и вѣрь мнѣ: твои труды будутъ оцѣнены. Молю только тебя, какъ можно болѣе будь недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, будь всегда недоволенъ собою—и всѣ будутъ довольны тобою; унижай самъ себя въ своихъ глазахъ и будешь превознесенъ другими; работай въ тиши, въ глуши: и пламень духа, всегда стремящійся вынырь, прокрадется, прожжетъ самъ завѣсу безвѣстности и вспыхнувъ, разольетъ румяное зарево, вѣнокъ твой, вѣнокъ твоему самоотверженію для славы тебя питающей и поящей Украины. Миновалось ея козакованіе на поляхъ бранныхъ; не полагать уже козаку меча своего на вѣсы судебъ; закозакуе же онъ теперь на поляхъ сладкаго пѣснопѣнія“... (Письмо Шпигоцкаго. 1831 г. 14 сент.).

родного мнѣ Альманаха Украинскаго. Радостно для меня увидѣть его, *еще радостнѣе слышать, что его братецъ готовъ гулять по бѣлу свѣту.* Послушай же, когда ты его составишь, не подумаешь ли прислать ко мнѣ. Въ Москвѣ можно пріискать всѣ пособія и эти хлопоты я взялъ бы на себя. Ты, вѣдь знаешь, что для альманаха непремѣнное условіе—красивое изданіе, а средствъ для сего въ Харьковѣ нѣтъ. Какова тебѣ покажется моя мысль: что бы придать уже и въ наружномъ видѣ болѣе національности Альманаху 1) попросилъ бы ты у Ольгинштета его видъ Харькова, который велѣть вылитографировать для альманаха [1]). Не правда ли это хорошо? 2) Избрать бы самое любопытнѣйшее о какомъ нибудь нашемъ Сковородѣ и тому подобномъ, составить изъ этого серьозную статью и приложить портретъ; также коснуться малороссійскихъ миѳовъ. Пиши ко мнѣ объ этомъ и скажи свое мнѣніе. Кажется, едва ли ты приберешь достаточныхъ опроверженій моихъ совѣтовъ" (1831 г., 14 сент.). Альманахъ, о которомъ здѣсь говорится, изданъ не былъ. Статьи предназначавшіяся для него, частью остались неизданными, частью, вѣроятно, вошли въ „Очерки Россіи" В. В. Пассека, частью въ альманахъ „Утренняя Звѣзда", изданный Петровымъ въ 1833 г. Въ этомъ альманахѣ между прочимъ есть статья И. И. Срезневскаго о Сковородѣ подъ такимъ заглавіемъ: „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ (sic) Сковородѣ", подписанная буквами: И. С. р. з. к.; здѣсь же помѣщены Срезневскимъ „Украинскія пѣсни съ переводомъ и историческими примѣчаніями". Мысль издать новый альманахъ долго была лелѣема Срезневскимъ. Отказавшись отъ нея въ мелочахъ, онъ не отказался въ общемъ и въ 1838 г. приступилъ къ печатанію Украинскаго Сборника, который долженъ былъ представлять собою видъ повременнаго изданія. Украинскій Сборникъ, по словамъ Срезневскаго, долженъ быть „собраніемъ всякого рода памятниковъ народности Украинской".

---

[1]) Этотъ самый вѣроятно рисунокъ былъ помѣщенъ г. Петровымъ въ его альманахѣ „Утренняя Звѣзда". И. И. Ольгенштетъ былъ учителемъ рисованья въ Харьковѣ въ 1830-хъ гг.

Каждая книжка сборника, по предположеніямъ издателя должна была составить сама по себѣ особенное цѣлое и такимъ образомъ не имѣть уже характера, присущаго альманахамъ. Въ первой книжкѣ была помѣщена извѣстная опера Котляревскаго „Наталка Полтавка“ съ присоединеніемъ введенія, послѣсловія и объяснительнаго словаря, составленныхъ Срезневскимъ. Въ слѣдующихъ книжкахъ издатель обѣщалъ помѣстить: „Выборъ Украинскихъ пѣсень и думъ, Выборъ стихотвореній Артемовскаго-Гулака, Боровыковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженёвскаго и проч., Жизнь и сочиненія Сковороды, Украинскія пословицы и загадки, Москаль Чаравикъ (sic) И. П. Котляревскаго, Грамматическій разборъ Южно-Русскихъ нарѣчій, Украинскія лѣтописи и проч.“—Матеріала, такимъ образомъ, у Срезневскаго было много, но ему не удалось напечатать предполагаемый сборникъ; часть этого матеріала, впрочемъ, была помѣщена въ Запорожской Старинѣ. Украинскій Сборникъ между тѣмъ заглохъ на второй книжкѣ, выпущенной въ Москвѣ уже послѣ отъѣзда Срезневскаго заграницу.

Украинскій Альманахъ, какъ я уже указалъ выше, былъ замѣченъ столичной критикой; она привѣтствовала его довольно ободрительно для его издателей. Статья „Телескопа“ [1]) отмѣтила въ Альманахѣ то достоинство, что онъ „не заключаетъ въ себѣ ничего посторонняго, ничего чужого“. „Украинскій Альманахъ, говоритъ критикъ, составленъ изъ однихъ чисто-украинскихъ произведеній. Въ него не брошено ни одной крупицы аристократическою гордостью столичныхъ писателей: на его страницахъ не сверкаетъ ни одного знаменитаго имени. Это конечно не обѣщаетъ ему блестящей участи: его не замѣтили и не замѣтятъ на шумныхъ литературныхъ торжищахъ. Но за то онъ тѣмъ любопытнѣе для спокойныхъ наблюдателей, коимъ пріятно видѣть въ немъ домашніе, такъ сказать, плоды украинскаго образованія“. „Итакъ Украинскій Альманахъ,—заканчиваетъ замѣтка Телескопа,—можно прочитать и теперь съ удовольствіемъ: но мы большаго ожидали отъ Украинцевъ. Имъ принадлежитъ высшее

[1]) Телескопъ 1831 г. № 17. стр. 104—106.

назначеніе: быть для насъ органами своей поэтической родины, обильной свѣжими, драгоцѣнными остатками русской, общей намъ, древности. Пусть займутся они прилежной разработкой этой богатой почвы, подъ браздами коей найдутся воспоминанія собственнаго нашего младенчества, застуженныя въ насъ сѣвернымъ холодомъ. Мы обѣщаемъ имъ за то и нашу сердечную благодарность".

Вс. Срезневскій.

Малороссійская обитель на Аѳонѣ.

Далеко отсюда, подъ яснымъ сводомъ южнаго неба, глядящагося въ лазурныя волны Архипелага, въ глубокомъ лѣсистомъ ущельи, сплошь заросшемъ почти дѣвственными чащами лавра, горнаго дуба и дикихъ розъ, изъ роскошнаго хаоса полуденной растительности подымаются купола уединенной обители.

Темныя стѣны мощной зелени обступили ее, словно укрывая отъ міра, заслонивъ ее съ юга, съ запада и съ сѣвера; только къ востоку широко раздались онѣ, на встрѣчу восходящему солнцу и сверкающей морской дали, на легкой, воздушной синевѣ которой вырѣзываются суровыя очертанія византійскихъ башенъ и бойницъ древняго монастыря Пантократора. Живительное дыханіе моря доносится въ дикую, лѣсную глушь, играя трепетными листьями раинъ; въ знойномъ воздухѣ, наполненномъ запахомъ цвѣтущей лаванды и дикаго меда, разносятся густые, гармоническіе удары колокола.

Что-то близкое, родное чудится въ этомъ привѣтномъ благовѣстѣ, встрѣчающемъ путника за тысячи верстъ отъ родины, въ безмолвіи лѣсной аѳонской пустыни; какимъ-то живымъ напоминаніемъ вѣетъ отъ бѣлыхъ ея стѣнъ, прячущихся въ яркой зелени: и знакомый, стародавній типъ церквей и зеленыя маковки колоколенъ и шумящія вокругъ пирамидальныя тополи, съ мелькающими за ними крыльями вѣтряной мельницы [1]), и от-

[1]) Единственной на всей Аѳонской горѣ.

куда-то доносящійся скрипъ колодезнаго „журавля“, вмѣстѣ со звуками родной рѣчи, такъ странно и неожиданно звучащей подъ чуждымъ ей небомъ Македоніи,—все это внезапно охватываетъ мысль и переноситъ ее далеко на сѣверъ, подъ иныя небеса, къ мирнымъ хуторамъ Малороссіи.

Этотъ живой уголокъ далекой Украйны, со всѣми ея характерными особенностями, съ ея традиціоннымъ радушіемъ и старинным малорусскимъ гостепріимствомъ, цѣликомъ пересаженный на легендарную почву Аѳона, къ священнымъ источникамъ, дубравамъ и скаламъ, гдѣ классическій миѳъ о Дафнэ и Аполлонѣ живетъ рядомъ со сказаніями о высокихъ подвигахъ христіанскаго смиренія и самоотреченія,—эта укромная обитель въ теченіе полутора вѣка мирно развивавшаяся на сѣверо-восточномъ склонѣ святой горы,—извѣстна у насъ не многимъ. Мало кому приходилось интересоваться историческими судьбами Малороссійскаго Ильинскаго скита, духовнаго дѣтища запорожскаго козачества, возникшаго на мусульманскомъ востокѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Основатель его, извѣстный Паисій Величковскій, принадлежалъ къ той плеядѣ замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей, коими такъ была богата Старая Малороссія, и изъ которой вышли почти всѣ знаменитые русскіе іерархи XVIII вѣка. Не призванному, подобно Стефану Яворскому, св. Димитрію Ростовскому, І. Кроковскому, Ѳ. Прокоповичу, Р. Заборовскому и Іоасафу Горленку, на духовное служеніе Государству,—Паисію достался болѣе скромный и безвѣстный удѣлъ—аскетической и подвижнической жизни.

Уроженецъ Полтавы, сынъ настоятеля мѣстной соборной церкви, воспитанникъ Кіевскаго духовнаго училища, юный Величковскій съ ранняго возраста обнаружилъ непреодолимое влеченіе къ созерцательной, затворнической жизни. Съ 17 лѣтъ онъ уже числился среди послушниковъ Любечьскаго монастыря, а два года спустя былъ принятъ въ иноческій чинъ, въ Медвѣдовскомъ Николаевскомъ монастырѣ Кіевской Епархіи.

Вскорѣ, однако, гоненіе, воздвигнутое противъ православія поборниками Уніи, заставило новопостриженнаго Платона

искать убѣжища въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Здѣсь Величковскій оставался не долго. Жажда уединенія и духовныхъ подвиговъ не нашла себѣ полнаго удовлетворенія и побудила молодаго отшельника удалиться сперва въ Валахію, а, затѣмъ, въ 1746 г. на Аѳонъ. Красоты южной природы и плѣнительная тишина рощъ и заливовъ, блещущихъ всѣми переливами полуденныхъ красокъ, произвели на него неизгладимое впечатлѣніе. Подобно пр. Антонію Печерскому, онъ рѣшилъ остаться на Аѳонѣ, чтобы, въ полномъ уединеніи, предъ лицемъ необъятнаго неба, таинственно сливавшагося съ безпредѣльнымъ моремъ,—всецѣло отдаться своему идеалу отшельнической жизни. Поселившись въ одной изъ заброшенныхъ келій, принадлежавшихъ греческому монастырю Пантократора, Величковскій принялъ здѣсь второе постриженіе съ именемъ Паисія.

Строгая жизнь и нравственное обаяніе малорусскаго подвижника не замедлили привлечь къ нему учениковъ. Уступая ихъ просьбамъ, онъ оставилъ уединенное свое жилище и вмѣстѣ съ новыми послѣдователями переселился сначала въ общежитіе во имя св. Равноапостольнаго Императора Константина, а вскорѣ затѣмъ въ 1757 г. приступилъ, съ разрѣшенія властей Пантократора, къ устройству небольшаго скита во имя св. пророка Иліи, въ живописной лѣсистой мѣстности.

Положенный въ основаніе обители строго общежительный уставъ дѣйствуетъ въ ней и понынѣ: имъ предписывается одинаковая для всей братіи трудовая и дѣятельная жизнь и полное равенство, какъ въ одеждѣ, такъ и въ исполненіи общихъ послушаній, на которые выходятъ всѣ, отъ настоятеля и до послѣдняго послушника, общихъ обязанностей, соединяющихся съ тяжелымъ физическимъ трудомъ—рубкой лѣса, воздѣлываніемъ земли и т. п.

Возникновеніе малорусскаго скита на Аѳонѣ совпало съ временемъ тяжкихъ испытаній для правобережной Украйны. Покрытая сѣтью висѣлицъ и тюремъ, она задыхалась подъ двойнымъ гнетомъ Польши и іезуитовъ, достигшимъ наибольшей силы въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка и завершившимся страшнымъ взрывомъ „Коліивщины“.—Тогда многіе изъ злопо-

лучныхъ ея обитателей, бросая все, семью и родину, по примѣру отцовъ, бѣжали на волю, въ „Великій лугъ“, въ „Сичъ-Маты“, чтобы, вернувшись оттуда, огнемъ и мечемъ, въ потокахъ крови, мстить за поруганную вѣру и попранныя права; иные же болѣе робкіе искали за монастырской оградой спасенія и выхода изъ невыносимой неволи и бдѣніемъ и постомъ старались вымолить лучшую долю несчастной родинѣ. И тѣ, и другіе, въ концѣ концевъ, изнемогали въ непосильной борьбѣ и безплодномъ ожиданіи: отчаявшись въ лучшемъ будущемъ, гонимые отовсюду, стекались они въ глухія пустыни и скалистыя Ѳиваиды Востока, съ тѣмъ, чтобы, въ дали отъ міра и людей, въ глубокомъ уединеніи обрѣсти забвеніе и душевный покой. Подъ монашеской власяницей и веригами схимника равно хоронились и кровавое, темное прошлое, и разбитыя, свѣтлыя упованія.

Такихъ бѣглецовъ „изъ міра“, выброшенныхъ жизненной волной на скалистые берега Аѳона, набиралось все болѣе вокругъ о. Паисія. Они шли изъ предѣловъ Россіи, съ польскихъ окраинъ и съ границъ Молдавіи, отъ Днѣпра и отъ Дуная. Вскорѣ число братіи на столько увеличилось, что новоустроенный скитъ не былъ въ состояніи прокормить ее на свои скудныя средства. Не видя иного выхода, Паисій съ горестью рѣшился оставить Аѳонъ: онъ раздѣлилъ иноковъ на двѣ части и съ большинствомъ ихъ отправился искать новаго пріюта въ Молдовалахію. Онъ скончался въ 1794 г. въ званіи настоятеля знаменитой Нямецкой лавры, обязанной его управленію особеннымъ своимъ процвѣтаніемъ.

Съ 1764 г., впродолженіе почти ста лѣтъ, осиротѣвшая малорусская обитель не находила достойнаго замѣстителя Паисію. Оставшаяся въ ней братія состояла почти исключительно изъ малороссіянъ, къ которымъ прибавилось немало старыхъ „сѣчевиковъ“, разбредшихся по бѣлу свѣту по раззореніи ихъ роднаго гнѣзда. Болѣе чѣмъ когда либо ощущалось теперь отсутствіе твердой, непреклонной воли и громаднаго нравственнаго авторитета основателя обители, сдерживавшихъ доселѣ разнородные и нерѣдко безпокойные элементы пришлой братіи, па-

мять о которыхъ была еще свѣжа у ихъ бывшихъ „куренныхъ братчиковъ“ на Дунаѣ и на Черноморьи. Конецъ прошлаго и первая треть этого вѣка были эпохой упадка монастыря, не смотря на посильную помощь, оказываемую ему селившимися въ предѣлахъ Турціи и на Кубани запорожцами, особенно излюбившими Ильинскую обитель. Отъ нихъ въ пользованіе ея перешли рыбныя ловли по Дунаю; ихъ же иждивеніемъ былъ сооруженъ въ началѣ этого столѣтія соборный монастырскій храмъ, а въ ризницѣ его хранятся богатыя приношенія доблестнаго войска черноморскаго [1]). Къ своимъ покровителямъ на Черноморье бѣжалъ, захвативъ съ собой монастырскую сокровищницу и святыни, и игуменъ Парѳеній, когда, въ 1822 г., обитель подверглась разгрому турокъ, въ теченіе восьми лѣтъ разорявшихъ св. гору. Лишь по заключеніи мира Россіи съ Турціей, въ 1830 г. разсѣянная братія вернулась въ свой разоренный, запустѣлый скитъ. Въ густой, одичавшей растительности, запутавшей непроходимой чащей всѣ горные проходы и тропинки, ильинскіе монахи едва могли найти слѣды своего прежняго пепелища.

Любовь малороссіянъ къ родной обители подняла ее изъ развалинъ и ея обновленныя стѣны стали опять наполняться козацкими выходцами съ придунайскихъ и черноморскихъ береговъ. Но не прекратились внутреннія неурядицы въ скиту; онѣ продолжались и по смерти о. Парѳенія, ставшаго жертвой занесенной на Аѳонъ чумы, до самаго появленія у власти старца Паисія II, въ 1841 г.

Родиной этого достопамятнаго въ монастырскихъ лѣтописяхъ лица была Бессарабія. Получивъ образованіе въ Кишиневѣ, онъ рано поступилъ въ монашество и за три года до своего избранія удалился на Аѳонъ, гдѣ и проживалъ въ глубокомъ уединеніи.

Не однимъ только именемъ, но и пламенными качествами духа напоминалъ новоизбранный игуменъ перваго основателя

[1]) Старинныя превосходной парчи облаченія, шитая золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями плащаница, большія и малыя евангелія въ серебряныхъ окладахъ, священные сосуды и т. д.

скита. Его свѣтлая личность была какъ бы подтвержденіемъ пророческихъ прощальныхъ словъ Паисія Величковскаго: „Со временемъ будетъ въ скиту другой Паисій и при немъ обитель устроится, возвеличится и прославится".

Дѣйствительно, за тридцатилѣтнее управленіе втораго Паисія, Ильинская обитель переродилась и нравственно, и матеріально: Его трудамъ и неусыпнымъ заботамъ скитъ обязанъ обновленіемъ зданій, разведеніемъ виноградниковъ и масличныхъ рощъ, проложеніемъ и открытіемъ новыхъ дорогъ. Не менѣе благотворно было его вліяніе и внутри обители, гдѣ строгая дисциплина умѣрила все еще жившій въ козацкихъ сердцахъ братіи духъ стараго своевольства и строптивости.

Преемникомъ тихо-угасшаго въ 1871 году старца, и въ особенности уважаемому *О. Гавріилу*, нынѣ стоящему во главѣ скита, выпала болѣе благодарная задача продолженія начатаго имъ дѣла; этому способствовало и увеличившееся благосостояніе монастыря. Посѣщеніе его великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ было первымъ толчкомъ къ пробужденію участія къ судьбамъ Ильинской обители на сѣверѣ Россіи. Въ то время какъ любители и покровители украинской исторіи и старины, казалось, и не подозрѣвали о запорожской святынѣ на Аѳонѣ, щедрая и добровольная помощь не разъ приходила къ ней изъ далекихъ великороссійскихъ губерній. Въ спискахъ ктиторовъ и ревнителей *малороссійскаго* скита за истекшее пятидесятилѣтіе значатся имена московскихъ и петербургскихъ благотворителей,— малороссіянъ же—ни одного!

Желательнымъ было бы, чтобы и наши украинцы вспомнили, наконецъ, о существованіи обители, родственной имъ и по преданіямъ, и по происхожденію [2]), и *именно въ настоящее время*, когда малороссійскій Ильинскій скитъ нуждается въ новомъ храмѣ, въ замѣну стараго, маловмѣстительнаго и грозящаго разрушеніемъ. Не одинъ южно-русскій паломникъ, особенно глубоко чувствующій свою живую, нравственную связь съ родиной,

---

[2]) Братія и теперь почти исключительно состоитъ изъ Малороссіянъ, а почтенный ея настоятель, о. Гавріилъ—кровный Черноморецъ.

при посѣщеніи этого далекаго, оторваннаго уголка Малороссіи, скажетъ имъ за это спасибо.

Раннимъ, весеннимъ утромъ, до разсвѣта, разстался съ радушнымъ кровомъ Ильинской обители. Въ недвижномъ, еще спавшемъ, воздухѣ, словно замерли темные кипарисы; кругомъ—ни звука, ни шелеста. Только на днѣ глубокихъ овраговъ, еще подернутыхъ ночными тѣнями, въ сырой прохладѣ зеленыхъ тайниковъ, звенѣли родники. Холодный утрѣнній туманъ клубился въ разсѣлинахъ скалъ; по природнымъ ихъ уступамъ отчетливо и увѣренно ступали цѣпкія копыта румелійскихъ горныхъ лошадокъ, вслѣдъ за мелькавшими въ кустахъ орѣшины и „суссуры“ [1]) бѣлой фустанелой и турецкимъ ружьемъ проводника-арнаута.

Сильнѣе курились смолистые ароматы дикихъ цвѣтовъ и травъ, все гуще и роскошнѣе сплетался надъ головой зеленый сводъ каштановъ и липъ, а сквозь увитыя плющемъ и виноградомъ вѣтви цвѣтущихъ миртъ и гранатъ — величественно выплывало изъ моря, въ пурпурно-фіолетовомъ сіяніи, лучезарное солнце,—солнце новой эры плодотворной русской духовной дѣятельности на старомъ Эллинскомъ Аѳонѣ.

Князь Александръ Дабижа.

Аѳонъ 15-го мая 1892 г.

[1]) Хвойное растеніе въ изобиліи растущее на Аѳонѣ.

Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка.

(ПИСЬМА В. И. ЧАРНЫША, А. И. ЧЕПЫ, В. Г. ПОЛЕТИКИ И ЗАМѢТКИ КЪ НИМЪ).

Печатаемая ниже переписка сохранилась въ архивѣ князя Николая Васильевича Репнина въ м. Яготинѣ полтавской губерніи, откуда и заимствована съ благосклоннаго разрѣшенія владѣльца. Въ архивѣ она составляетъ часть бумагъ А. И. Чепы, бывшихъ въ пользованіи Бантышъ-Каменскаго во время составленія имъ „Исторіи Малороссіи". Извѣстно, что въ изданіи этой исторіи живое участіе принималъ малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Бумаги Чепы, жившаго въ томъ же пирятинскомъ уѣздѣ, гдѣ было и главное имѣнье князя, добыты были вѣроятно имъ же, а потому и возвращены Бантышъ-Каменскимъ Репнину, по минованьи въ нихъ надобности. Повидимому, онѣ отданы были наслѣдниками послѣ смерти Чепы, такъ какъ въ числѣ бумагъ оказалась и его частная переписка.

Дошедшая до насъ то въ самыхъ письмахъ, то (со стороны Чепы) въ черновыхъ „отпускахъ", эта переписка выводитъ на сцену выдающихся лицъ тогдашняго общества. Завязавшись по поводу общаго вопроса, она кладетъ начало сближенію двухъ замѣчательныхъ людей того времени, до тѣхъ поръ другъ друга не знавшихъ,—Адріана Ивановича Чепы и Василія Григорьевича Полетики, на почвѣ общихъ стремленій, взглядовъ, занятій и упованій, и кончается тою близостью, какая вызывается общностью мыслей и идеаловъ. Въ своихъ письмахъ эти лица рисуются сами собою; подробно разсказывается и за-

нимающее ихъ сначала дѣло объ утвержденіи въ дворянствѣ малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ. Записка по этому предмету В. Г. Полетики печатается въ Приложеніи къ нашей статьѣ. Приведемъ немногія извѣстныя біографическія данныя объ участникахъ переписки, необходимыя для ея ясности.

Возбудившій переписку Василій Ивановичъ Чарнышъ былъ первымъ маршаломъ полтавской губерніи. Въ 1802 году, при генералъ-губернаторѣ князѣ А. Б. Куракинѣ, прежде бывшая одна малороссійская губернія распалась на двѣ—Черниговскую и Полтавскую (состоявшую тогда изъ десяти уѣздовъ). Дворянскіе выборы происходили въ іюнѣ 1802 года, но въ должности маршала или губернскаго предводителя остался избранный уѣздными предводителями въ декабрѣ 1801 года, при предварительномъ съѣздѣ ихъ въ Полтавѣ передъ открытіемъ губерніи, В. И Чарнышъ. Въ 1803 году онъ назначенъ былъ въ генеральные судьи перваго департамента, и на мѣсто маршала избранъ С. М. Кочубей. Въ 1809 году Чарнышъ снова выбранъ былъ маршаломъ и оставался имъ до 1812 года, когда уступилъ свой постъ Д. П. Трощинскому. Къ этому времени относится возбужденное имъ дѣло о малороссійскихъ чинахъ и настоящія письма. Въ третій и послѣдній разъ Чарнышъ занималъ должность маршала съ 1818 по 1820 годъ. Его смѣнилъ авторъ „Ябеды“ В. В. Капнистъ [1]).

Объ Адріанѣ Ивановичѣ Чепѣ сообщались уже въ „Кіевской Старинѣ“ имѣющіяся скудныя свѣдѣнія [2]). Уроженецъ полтавской губерніи, онъ началъ свою карьеру въ качествѣ подписка при земскомъ судѣ Роменскаго повѣта, откуда переведенъ въ канцелярію правителя Малороссіи П. А. Румянцева въ 1779 году. Если припомнить, какъ рано начинали вообще служебное поприще въ ту пору, то можно предположить, что Чепѣ, при переходѣ его на службу къ Румянцеву, не было и двадцати лѣтъ и что родился онъ, значитъ, въ началѣ 760-хъ

---

[1]) „Памятная книж а полтавской губерніи на 1865 г.“, изданная П. М. Бодянскимъ.

[2]) „Кіевск. Стар.“ 1890. № 5 и 1891 г. № 1. Двѣ замѣтки г. А. Л.

годовъ. При Румянцевѣ, какъ сообщаетъ онъ самъ въ одномъ изъ писемъ къ Полетикѣ, онъ служилъ девятнадцать съ половиною лѣтъ, значитъ оставилъ службу въ началѣ 1799 года, т. е. вскорѣ послѣ смерти Румянцева (1796 г.). Впослѣдствіи онъ жилъ въ пирятинскомъ уѣздѣ, въ основанномъ имъ или родовомъ селѣ Чепурковкѣ, нынѣ носящемъ другое названіе. Собираньемъ историческихъ документовъ и изученіемъ прошлыхъ судебъ Малороссіи онъ сталъ заниматься, еще служа при Румянцевѣ. Онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми, кто посвящалъ въ ту пору свой трудъ разработкѣ мѣстной исторіи, былъ друженъ съ Яковомъ Марковичемъ, Ригельманомъ, Берлинскимъ, подъ конецъ жизни съ В. Г. Полетикой, знакомъ съ Бантышъ-Каменскимъ и, вѣроятно, Репнинымъ. Умеръ во второмъ десятилѣтіи настоящаго вѣка, во всякомъ случаѣ ранѣе 1822 года,—времени выхода перваго изданія „Исторіи Малороссіи“ Бантышъ-Каменскаго, въ примѣчаніяхъ къ которой авторъ называетъ Чепу уже умершимъ.

Судьба собраній документовъ, составленныхъ Чепой, была, какъ извѣстно, печальна. Четырнадцать большихъ сборниковъ переданы были имъ въ Петербургѣ Якову Михайловичу Марковичу, приступившему къ сочиненію книги о Малороссіи, которой имъ издана была только первая часть [1]). За смертью Марковича сборники эти были потеряны, и впослѣдствіи Чепой найдены были только два изъ нихъ. Бумаги Чепы называетъ Бантышъ-Каменскій въ перечисленіи матеріаловъ своей исторіи. Въ Яготинскомъ архивѣ князя Репнина сохранилось много отдѣльныхъ документовъ, писанныхъ рукою Чепы. Нѣкоторые изъ нихъ были заимствованы оттуда и разновременно напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“.

Что касается нравственной личности Чепы, то она рисуется въ печатаемыхъ теперь письмахъ. До желанныхъ новыхъ откры-

[1]) „Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ“. Спб. 1798 г. Часть I. Въ историческомъ обзорѣ здѣсь бѣгло разсматриваются судьбы Южной Руси до нашествія Батыя; второй отдѣлъ посвященъ прошедшему и современному автору состоянію гражданскаго строя страны. Далѣе идутъ: общее физическое описаніе Малороссіи, характеристики малороссіянъ, малороссійская гидрографія и исчисленье минераловъ, открытыхъ до тѣхъ поръ въ Малороссіи. Всего около ста страницъ.

тій, это пока единственныя свидѣтельства объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что много писемъ его, а можетъ быть и сообщенныхъ имъ документовъ, погибло въ домашнемъ архивѣ Полетикъ, разновременно подвергавшемся потерямъ и дошедшемъ только въ незначительныхъ остаткахъ.

Василій Григорьевичъ Полетика (1765—1845) былъ сыномъ Григорія Андреевича Полетики, извѣстнаго депутата отъ шляхетства Лубенскаго полка въ Екатерининскую коммиссію сочиненія новаго уложенія [1]). Отцемъ онъ былъ воспитанъ въ духѣ любви къ родинѣ, въ гуманитарномъ и возвышенномъ направленіи и съ юныхъ лѣтъ сталъ усерднымъ начетчикомъ и собирателемъ книгъ и рукописей, продолжая дѣло отца, владѣвшаго замѣчательнымъ ихъ собраніемъ, почти цѣликомъ погибшимъ въ пожарѣ въ 1761 году.

Онъ получилъ образованіе въ Виленскомъ университетѣ, куда опредѣленъ былъ по рекомендаціи Георгія Конискаго, учителя его отца. Кромѣ наукъ „математическихъ, физическихъ, нравственныхъ и словесныхъ“, онъ ознакомился тамъ съ языками латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ. Дѣтство провелъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ инспекторомъ морскаго шляхетскаго корпуса. По окончаніи университета въ Вильнѣ, онъ поступилъ въ военную службу съ чиномъ „капитана Виртембергской арміи“, безъ сомнѣнія купленнымъ. Въ отставку изъ русской военной службы онъ вышелъ маіоромъ и переселился навсегда на родину въ Малороссію, гдѣ, послѣ смерти отца, ему достались обширныя имѣнія. Они находились въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (села Коровинцы и Оксютинцы, слободка Раковая Сѣчь и хуторъ Переточанскій), стародубскомъ черниговской (села Юдоновъ и Чеховка, слободка Прилепова и земли въ заштатномъ городѣ Погарѣ) и въ путивльскомъ уѣздѣ курской губерніи (села Николаевка и Мануховка)

---

[1]) Наиболѣе точныя біографическія свѣдѣнія о Григоріи Полетикѣ сообщены недавно А. М. Лазаревскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 № 4, въ статьѣ „Отрывки изъ семейнаго архива Полетики“.

и населены были 520 душами крѣпостныхъ людей. Поселившись въ селѣ Коровинцахъ, въ двадцати верстахъ отъ Ромна, гдѣ еще отцемъ и дѣдомъ его была устроена прекрасная усадьба, Полетика вскорѣ выбранъ былъ уѣзднымъ роменскимъ „маршаломъ", но первый разъ оставался имъ не долго. Выбранный снова въ 1805 году, онъ оставался маршаломъ семь лѣтъ, по 1812 годъ, былъ попечителемъ роменскихъ богоугодныхъ заведеній, въ основаніи и судьбѣ которыхъ принималъ горячее участіе. О дѣятельности его какъ маршала роменскаго повѣта напоминаютъ нѣсколько рѣчей его, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы". Еще кое-что изъ писаннаго имъ помѣщено Воейковымъ въ книгѣ „Образцовыя сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей". Большую часть жизни онъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, ревностно занимаясь хозяйствомъ и научными работами. Умеръ въ 1845 году восьмидесяти лѣтъ и похороненъ въ Коровинцахъ. Таковы внѣшніе факты его жизни.

Письма его, печатаемыя теперь, относятся къ тому времени, когда ему было сорокъ четыре года и прошло двадцать шесть лѣтъ со дня смерти его отца. Его равно занимаетъ тогда и дѣло малороссійскаго дворянства, которое онъ стремится поставить на историческую почву, и какой то самостоятельный историческій трудъ, матеріаловъ для котораго онъ ищетъ въ сборникахъ Чепы. Только ему одному изъ трехъ участниковъ переписки довелось увидѣть окончательное разрѣшеніе дѣла о малороссійскихъ войсковыхъ чинахъ, послѣдовавшее лишь въ 1835 году[1]). Объ историческомъ трудѣ Василія Полетики можно дѣлать лишь предположенія на основаніи собственныхъ его словъ, общему направленію его ума и убѣжденій, тону и слогу его писемъ и всему складу его личности и характера. Нижеслѣдующая переписка, касаясь вообще значительныхъ общественныхъ явленій начала нашего вѣка, представитъ къ тому нѣкоторыя данныя и послужитъ опорой для нашихъ предположеній объ этомъ историческомъ трудѣ.

---

[1]) Законъ 20 марта 1835 года, опредѣлившій окончательно, какіе малороссійскіе чины даютъ право на дворянство.

А. И. Чепѣ отъ В. И. Чарныша.

Милостивый государь Андріанъ Ивановичъ! Дворянство поручило мнѣ ходатайствовать, чтобы прежніе малороссійскіе чины, о которыхъ герольдія по несравненію ихъ противу армейскихъ и другихъ чиновъ судитъ, что съ ними не соединено дворянское достоинство, признаваемы были доказательствомъ дворянства.

Составивъ о семъ записку для представленія моего, я имѣю честь препроводить оную къ вамъ, милостивый государь мой, на усмотрѣніе.

Извѣстно, что вы изобилуете матеріалами къ предмету сему относящимись. Знаю опять, сколь много любите націю свою, и слѣдовательно мнѣ остается только просить васъ покорнѣйше о принятіи на себя труда пополнить (и) исправить прилагаемую записку во всемъ по собственнымъ мыслямъ вашимъ.

Къ запискѣ сей прилагается и выписка изъ положеній на счетъ прежнихъ чиновъ, хотя впрочемъ оная, какъ мнѣ кажется, будетъ излишнею при изобиліи у васъ свѣдѣній по сей части.

Ласкаюсь надеждой, что вы не оставите дать у себя мѣсто моей покорнѣйшей просьбѣ. Я имѣю честь ожидать возвращенія отъ васъ за поправкою прилагаемой бумаги въ Гадячъ ко мнѣ, бывъ всегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь мой, вашего высокородія покорнѣйшій слуга *Василій Чарнышъ*.

Февраля 2 дня 1809 года,
Полтава.

В. И. Чарнышу отъ А. И. Чепы.

Милостивый государь мой Василій Ивановичъ! Покорно благодарю вамъ за оказанную мнѣ честь препорученіемъ пополненія записки о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ.

Сколько по усердію и любви къ націи, столько и во угодность вамъ, милостивый государь мой, я оную записку дополнилъ сколько могъ, переписалъ и при семъ возвращаю со всѣми

приложеніями. Прошу покорно извините недостатки въ оной встрѣтиться могущіе [1]).

Впрочемъ сіе важное обстоятельство [2]) достойно всего вашего попеченія. Я имѣю честь быть въ числѣ чиновъ малороссійскихъ и искренно порадуюсь успѣху благотворительнаго вашего для земляковъ нашихъ подвига.

Прошу продолженія давней вашей благосклонности ко мнѣ и честь имѣю быть и проч. *Андріянъ Чепа.*

Февраля 18 дня 1809 года
Чепурковка.

А. И. Чепѣ отъ В. И. Чарныша.

Милостивый государь мой Андріянъ Ивановичъ! Возвратясь изъ вояжа моего, я имѣлъ честь получить вмѣстѣ всѣ четыре ваши письма съ приложеніями по предмету уничиженія герольдіею національныхъ нашихъ чиновъ. При совершеннѣйшей признательности къ трудамъ принятымъ вами въ дѣлѣ семъ, приношу вамъ за оные всепокорнѣйшую мою благодарность.

Сими чувствованіи не одинъ я всегда преисполненъ буду къ вамъ, милостивый государь мой, но вмѣстѣ и благородное дворянство, коему столь ощутительно упослѣженіе достоинства предковъ. Основательная и обильная ваша мысль въ семъ дѣлѣ будетъ моимъ руководствомъ. И какой ни будетъ успѣхъ мой въ порученномъ ходатайствѣ, я не премину въ свое время учинить почтенному дворянству извѣстнымъ толико значущее участіе ваше въ совѣтѣ и пособіи мнѣ.

Прошу покорнѣйше не лишить меня еще дополненій, если какіе къ сообщенной уже мысли вашей изобрѣсть изволите, адрессуя оные по прежнему. Прежде трехъ недѣль я не войду еще къ начальству съ моимъ представленіемъ, между симъ честь

---

[1]) Зачеркнуто: „Потому что я человѣкъ не ученый, а былъ приказнымъ запроста". Далѣе зачеркнуто еще: „Я не могъ повѣрить прописанныхъ въ запискѣ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ; отдалъ оные одному пріятелю къ сочиненію малороссійской исторіи".

[2]) Зачеркнуто: „Повидимому еще никогда въ подробности наразсматриванное".

имѣю на вопросъ вашъ отвѣтствовать, что дворянство точно назначило васъ къ балатированію въ генеральные судьи второго департамента, но какъ при семъ случаѣ избранъ нынѣшній генеральный судья г. Каніевскій и кандидатъ по немъ г. статскій совѣтникъ Тарновскій, то по воли дворянства оставлено продолженіе балатированія другихъ.

Не могу указать на лица, пропозировавшіе васъ въ званіе оное.

Сколько могъ я замѣтить обще отозвались съ требованіемъ балатировать васъ, такъ какъ обще требовали и оставить балатированіе, ограничиваясь избраніемъ двухъ кандидатовъ.

Имѣя честь и т. д. *Василій Чарнышъ.*

16 марта 1809 года,
Полтава.

В. И. Чарнышу отъ А. И. Чепы.

М. Г. мой Василій Ивановичъ! Письмо ваше отъ 16 числа истекшаго марта я имѣлъ честь получить. Благодарю вамъ покорнѣйше, что вы мѣлочную мою услугу, которою вы мнѣ же доставили удовольствіе сдѣлать собраніе.—.—. и сочиненіе записки о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ,—приняли сверхъ чаянія моего толь благосклонно и намѣрены оную учинить извѣстною почтенному дворянству. Честь лестная и безцѣнная, которую я много почитаю!

Въ угодность вамъ препровождаю еще нѣсколько обстоятельствъ, написанныхъ на особой бумагѣ. Впрочемъ знаю, что вы въ изготовляемой вами для поднесенія начальству запискѣ разставите обстоятельства въ приличнѣйшей связи, нежели я могъ то сдѣлать, и дополните многое изъ записки Василія Григоріевича господина Полетики, который сдѣлалъ мнѣ честь присылкою оной для прочету и которая заключаетъ въ себѣ много важныхъ обстоятельствъ въ дѣлѣ справедливомъ и основательномъ. Милостивый Государь, вы начали подвигъ благодѣтельный для всего благороднаго сословія. Я осмѣливаюсь предсказать вамъ успѣхъ въ вашемъ ходатайствѣ.

Я думаю что вы снабдите [1]) — — безъ сомнѣнія, чтобы въ Петербургѣ сократить или облегчить справки о документахъ, упоминаемыхъ въ запискѣ; одни будете имѣть въ справочныхъ копіяхъ о другихъ призапастесь свѣдѣніями, въ какихъ книгахъ они напечатаны или въ какихъ правительствахъ [2]) въ Петербургѣ оные отыскать можно. Не излишнее было бы имѣть хронологическій перечень отъ 1654 года походовъ и службъ толь обидно приниженныхъ малороссійскихъ чиновъ. Честь имѣю и пр.

А. Чепа.

Апрѣля — дня
1809 года.

Замѣтка В. Г. Полетики, вложенная въ письмо къ А. И. Чепѣ неизвѣстнаго лица.

26 марта 1809 г. „Записку г. Чепы о малороссійскомъ дворянствѣ вами ко мнѣ доставленную, читалъ я съ особымъ удовольствіемъ. Отгадывая-жъ что сей любитель отечества своего желалъ того, я прошу васъ препроводить къ нему при семъ прилагаемую мою. Примѣчанія его на оную прійму я съ благодарнѣйшею признательностію. Душевно при томъ радуюсь, что въ кругѣ предводительствуемаго мною благороднаго общества нахожу я въ одной особѣ г. Чепы дѣлающаго оному честь своимъ расположеніемъ и своими знаніями сочлена".

„Вотъ отзывъ нашего г. маршала по прочтеніи вашей записки. Пріятно для меня слышать таковыя мнѣнія о людяхъ, которыхъ я самъ душевно почитаю. Онъ просилъ меня къ вамъ препроводить его сочиненія таковую записку, но объ возвращеніи ничего не упоминалъ".

В. Г. Полетикѣ отъ А. И. Чепы.

Милостивый Государь мой Василій Григорьевичъ! Поставляю себѣ въ особенную честь то, что вы соизволили прочитать

---

[1]) По смыслу пропущено, должно быть: „кого нибудь порученіемъ".

[2]) Очевидно въ смыслѣ „правительственныхъ учрежденій".

мою записку о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ, удостоили оную и вашего одобренія и толь благосклонно сообщили мнѣ таковую же вашего сочиненія. Я читалъ оную не одинъ и не два раза, а нѣсколько. Безъ лести долженъ вамъ сказать, что она изобилуетъ самыми фундаментальными документами, въ коихъ я имѣлъ недостатокъ и преосновательными мыслями для меня новыми. Господинъ губернскій маршалъ, конечно, воспользуется оною, благородное сословіе будетъ вамъ признательно, а мнѣ позвольте (присланный) списокъ положить въ мою библіотеку, въ коей нѣтъ и не было подобныхъ свѣдѣній.

Во время службы моей при покойномъ Задунайскомъ въ теченіи девятнадцати лѣтъ съ половиною, я собралъ было многіе документы, касающіеся нашего отечества, политическіе и историческіе и прочая, общіе и частные, въ томъ числѣ нѣкоторыя сочиненія, рѣчи произнесенныя въ собраніи шляхетства малороссійскаго и достопамятныя письма незабвеннаго защитника малороссійскихъ преимуществъ, покойнаго родителя вашего. Все это составляло у меня четырнадцать книгъ въ листъ. Я желалъ сохранить оныя отъ ѣдкости времени, отдалъ оныя земляку нашему Якову Михайловичу Марковичу, находившемуся въ Петербургѣ въ канцеляріи Совѣта экспедиторскимъ помощникомъ, который началъ было писать Исторію Малой Россіи; нечаянно (онъ) тамъ умеръ и я лишился [1]) моихъ манускриптовъ.

Вижу что вы оными изобилуете и осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ одолжить мнѣ оные для переписанія, какіе именно я написалъ въ подносимой при семъ запискѣ. Ежели угодно, я взаимно служить вамъ буду нѣкоторыми документами изъ оставшихся у меня, коимъ я намѣренъ написать реестръ и къ вашему назначенію представить.

Прошу вѣрить, что я доброе ваше мнѣніе о мнѣ и благоволеніе поставляю безцѣнными, почитая ваши достоинства и добродѣтели и пребуду къ вамъ съ совершеннѣйшею преданностью навсегда, милостивый государь, и проч. [2]) *Андрѣянъ Чепа.*

---

[1]) Зачеркнуто: „моего безцѣннаго собранія“.

[2]) (Года, мѣсяца и числа не означено).

Отъ В. Г. Полетики къ А. И. Чепѣ.

Милостивый Государь мой Андріанъ Ивановичъ! Желая приближить себя наилучшимъ образомъ къ знакомству и благосклонности вашей, съ досадою измѣряю я разстояніе, раздѣляющее насъ на тверди любезнаго отечества нашего. Давно уже ищу случая пользоваться лестнымъ для меня знакомствомъ вашимъ и ожидаю отъ онаго новыхъ и такихъ въ жизни моей удовольствій, какими я въ здѣшнемъ кругу мало наслаждаюсь. Въ отвѣтѣ моемъ на письмо ваше, которымъ вы меня отъ 2 сего апрѣля почтили, впервыхъ препоручаю себя вамъ. Я всегда стараться буду сдѣлаться достойнымъ благорасположенія вашего и тѣмъ оправдать ваши обо мнѣ мнѣнія. Записка ваша о правѣ на благородное достоинство согражданъ нашихъ открыла мнѣ любовь вашу къ отечеству и привязанность къ нимъ, ваши дарованія и знанія. Словомъ сказать все то, что въ глазахъ усердныхъ сыновъ отечества есть безцѣннымъ, все то, что можетъ связать меня съ вами тѣснѣйшими узами дружбы, какъ съ ревностнымъ любителемъ онаго, имѣвшимъ случай узнать многія, до отечественной исторіи нашей принадлежащія и отъ насъ сокрытыя обстоятельства. Вотъ что доставило вамъ долговременное служеніе ваше при покойномъ Задунайскомъ, жизнь котораго съ сей стороны для меня крайне любопытна; но мнѣ неизвѣстна. Есть ли не предначинанія, то по крайнѣй мѣрѣ дѣянія, мнѣнія и распоряженія его имѣли важное вліяніе на страну нашу и на послѣдніе въ ней перевороты, чего никто лучше васъ не знаетъ, и современникамъ открыть не можетъ. При всемъ томъ вы были не только очнымъ свидѣтелемъ, но и, сколько всѣмъ намъ извѣстно, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Познавая васъ, я не думаю, чтобъ вы отъ насъ скрыли истину, и унесли ее съ собою въ вѣчность, смертнымъ непроницаемую. Жаль, что рукописи собранныя вами, послѣ Якова Михайловича г. Марковича, съ которымъ познакомился было я въ С.-Петербургѣ, находя въ немъ умъ и душу, остались, можетъ статься, въ такихъ рукахъ, которыя не могутъ ихъ употребить въ общую пользу. Мнѣ кажется что вамъ еще бы легко можно

было отъискать ихъ, употребивъ къ тому всѣ способы и старанія. Поставляйте ихъ всегда между лучшими вашими и такими для отечества драгоцѣнностями, каковыя рѣдкіе изъ насъ имѣютъ. Записку мою вы можете оставить у себя. Она для васъ и послана. Но какъ я имѣю здѣсь въ исправныхъ даже перепищикахъ великій недостатокъ, то извините только меня за то, что оная худо и ошибочно переписана. Между моими жъ рукописями я нахожу лучшими писанныя покойнымъ отцемъ моимъ. Въ нихъ блеститъ вездѣ умъ человѣка ученаго, говоритъ духъ патріота великодушнаго. Отъ него учусь я любить людей и отечество и черпаю по большой части нужныя къ защищенію ихъ познанія. Лестно и пріятно для сына имѣть въ отцѣ своемъ такого учителя и наставника! Непростительно бы было погребти во прахѣ посильные труды его для отечества и соотчичей. Малороссіяне, васъ вѣчная любовь должна соединять съ нимъ. Онъ достоинъ вашихъ памятниковъ, и лучшіе будутъ для него, когда вы станете всегда носить его въ благодарныхъ сердцахъ вашихъ. Но для меня то удивительно, что его помнятъ здѣсь немногіе. Отъ Россіянъ, знавшихъ его, слышу то. Вы согласитесь, что я не льщу ему, ни себѣ, какъ сыну его. Я охотно доставляю вамъ имѣющіеся у меня документы по запискѣ вашей, но только возьмите на нѣкоторое время терпѣніе. Ихъ надобно отъискивать во многихъ переплетеныхъ книгахъ, и переписывать здѣсь на мѣстѣ, чѣмъ я готовъ къ удовольствію вашему въ свободное для меня время заняться. Съ нетерпѣливостью ожидаю отъ васъ оглавленія вашихъ рукописей, изъ которыхъ желалъ бы я имѣть тѣ, которыхъ у меня нѣтъ.

Вездѣ стараюсь я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской исторіи относящіяся, но мало оныхъ нахожу. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего. Вѣрные и важнѣйшіе слѣды оныхъ теряются по примѣчанію моему столько жъ почти въ нещастныхъ опустошеніяхъ края нашего и истребленіяхъ оныхъ, сколько и въ самыхъ запущеніяхъ. Писатель сей исторіи находитъ для себя препоны сіи и бросаетъ перо свое. Кромѣ того что безпристрастнаго будетъ

только читать потомство. Малая способность, слабыя знанія мои и то, отвлекаютъ меня отъ труда сего, сколько я о предпріятіи его ни думаю. Какъ бы я доволенъ былъ естьли бы вы, бывая здѣсь близко, удостоили меня посѣщенія своего и со мною больше познакомились. Въ скромномъ сельскомъ уголку своемъ часто скучаю я, не имѣя съ кѣмъ бесѣдовать, предъ кѣмъ излить сокровенныя чувства сердца моего. Это удовольствіе далеко еще отъ насъ. Его находятъ съ людьми просвѣщенными. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою жъ преданностію Вашъ, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшій слуга *Василій Полетика.*

Коровинцы
апрѣля 23 дня 1809.

Отъ А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ.

6 мая (1809 г.) Письмо ваше отъ 23 истекшаго апрѣля я имѣлъ честь получить. Заслужить благосклонность и дружбу вашу есть и будетъ для меня пріобрѣтеніе безцѣнное, событіе счастливое! Я почиталъ за долгъ, за честь и за особливое удовольствіе посѣтить васъ. Сіе исполню за симъ въ скорости.

Ежели вы пріймете великій трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—Исторію Малороссіи, то тѣмъ совершите дѣло достойное васъ, одолжите современниковъ, а потомство, коему предоставлена честь воздать должное добродѣтелямъ, достоинствамъ и заслугамъ покойнаго родителя вашего, съ прочими подвижниками нашего отечества не забудетъ и васъ [1]). По моему заключенію, вы имѣете многіе матеріалы къ сему прекрасному зданію потребные. Хотя я (никакъ) не могу уже имѣть всѣхъ тѣхъ документовъ, которые потерялъ, однако могу еще служить остающимися у меня. Жалѣю что не успѣлъ сдѣлать реестра для представленія вамъ и явлюсь къ вамъ безъ онаго. Но возвратившись сюда надѣюсь немедля представить оный вамъ.

---

[1]) Зачеркнуто: „Къ сему сочиненію вы имѣете много матеріаловъ“.

Вы ни мало не польстили въ скромномъ изображеніи достоинствъ почтеннаго родителя вашего. Кто знаетъ его скажетъ о немъ больше. Его сочиненія будутъ вамъ великимъ пособіемъ.

О послѣднемъ великомъ преобразованіи въ Малороссіи [1]) стоитъ только намекнуть, привѣдши на память нѣкоторыя изъ сочиненій родителя вашего, и вы тотчасъ увидите всѣ истинныя причины, всѣ пружины. Тутъ нѣтъ уже тайны...

Кажется мнѣ вы сами знаете подробно всѣ истиныя причины и дѣйствія. Вамъ извѣстны изображенья, дѣланныя покойнымъ родителемъ вашимъ о преимуществахъ шляхетства малороссійскаго? Извѣстны и тогдашніе ограниченные права дворянъ русскихъ до 1762 года! Разность немалая! Сія разность всегда была причиною многихъ противорѣчій, раздоровъ и кровавыхъ произшествій. Послѣдняя сцена также вамъ извѣстна. Когда малороссійскому шляхетству сказали о сочиненныхъ новыхъ законахъ: изъ нихъ стародубовскіе и нѣжинскіе, опасаясь, повидимому неосновательно, подвергнуться состоянію русскихъ дворянъ, почли за лучшее быть въ оковахъ, чѣмъ согласиться на оные. Но когда поступили съ ними по разуму и изданъ указъ Государя Императора Петра Третьяго о вольностяхъ дворянъ и Высочайшая грамота о дворянствѣ, когда (эти) двѣ эпохи поровняли русскихъ дворянъ въ преимуществахъ съ малороссійскихъ шляхетствомъ, тогда малороссіяне начали смѣло вступать въ россійскую службу, скинули татарскія и польскія платья, начали говорить, пѣть и плясать по русски...

Отъ А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ.

Милостивый Государь мой Василій Григорьевичъ! Я имѣлъ честь быть въ вашемъ домѣ. По недовѣдомымъ судьбамъ случилось путешествіе мое къ вамъ, которое я предпринялъ съ великимъ удовольствіемъ, во время вашей отлучки изъ дому. Однакожъ въ домѣ вашемъ былъ принятъ и мнѣ оказано го-

---

[1]) Зачеркнуто: „О послѣднихъ переворотахъ въ Малороссіи“.

степріимство. Вашъ Мойсей съ нарочитою вѣжливостью предложилъ мнѣ хлѣбъ, соль и вино. Я въ саду, въ прекрасной бесѣдкѣ вашей обѣдалъ изобильно и отдыхалъ прохладно. Гостепріимство въ домѣ въ отлучку хозяина и хозяйки есть особливая черта добродѣтели. Пріимите мою искреннюю признательность и благодарность. Я много потерялъ не увидѣвшись съ вами, но ласкаю себя надеждою, что въ будущемъ времени можно наградить теперешнюю неудачу съ избыткомъ.

Можетъ быть случится мнѣ пріѣхать на Ильинскую ярмонку, изъ которой въ нѣсколько часовъ я въ вашемъ домѣ. Можетъ быть вы пріимите путешествіе въ Кіевъ къ дѣтямъ вашимъ. Вы ѣдете чрезъ Тепловку. Оттуда до Чепурковки двадцать верстъ. Покорно прошу васъ и почтеннѣйшую супругу вашу сдѣлать мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ. Ежели вы поѣдите столбовою дорогою отъ Прилуки мимо Пирятина чрезъ Ташань на Переяславъ, то не будетъ примѣчательнаго кругу противъ прежней вашей дороги. Кажется что на Переяславъ дорога выгоднѣе. Я живу надъ самою дорогою.

Я теперь же, пріѣхавши въ Чепурковку постараюсь неукосня написать реестръ историческимъ піесамъ и оный представить вамъ.

Побывавши у васъ въ домѣ я любовался прекраснымъ мѣстоположеніемъ вашей селидьбы. Должно похвалить вкусъ хозяина, любителя мудрости и флоры.

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда *Андрѣянъ Чепа*.

Іюня 2 дня 1809
изъ Полтавы.

А. И. Чепѣ отъ В. Г. Полетики.

Милостивый Государь мой Андріанъ Ивановичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 9 минувшаго генваря читалъ я съ несказаннымъ удовольствіемъ, находя въ немъ новыя доказательства дружбы и привязанности вашей ко мнѣ, на которыя я не имѣю еще никакого права и которыя даетъ мнѣ одна благосклон-

ность ваша. Вы меня извините за то, что я рукописи ваши, каковыхъ между многими моими по сличенію ихъ съ сими не отъискалось долго еще удержу у себя до переписки оныхъ для моего книгохранилища чемъ уже занимаются три переписчика. Послѣ чего я доставлю вамъ ихъ съ благодарностію въ цѣлости, пріемля съ особенною признательностію безцѣнное для меня одолженіе ваше чрезъ умноженіе отечественныхъ преданій. Къ тому жъ времени надѣюсь я доставить вамъ съ моей стороны и все то изъ оныхъ, чего вы отъ меня требуете. Хотя я и имѣю у себя довольно малороссійскихъ лѣтописцевъ на природномъ нашемъ и иностранныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и огромный рукописный Самойла Величка; но собираю и всѣ какія въ руки мои ни попадуться. Жаль что я нахожу въ нихъ однѣ и тѣ-же повторенія и мало ясной истины. Со всѣмъ тѣмъ я почитаю ихъ какъ отечественныя драгоцѣнности; и такихъ, естьли обстоятельства не перемѣняться скоро у насъ не станетъ. Недавно насладился я пріятною вѣстію, что Государь Императоръ по докладу нашего генералъ-губернатора повелѣлъ герольдіи признавать малороссійское дворянство по чинамъ нашимъ и другимъ доказательствамъ въ древнемъ благородномъ его достоинствѣ. Вѣсть сія сладка сердцу моему. Вѣрьте тому что я люблю отечество,—люблю соотчичей моихъ больше самого себя. Одинъ частный человѣкъ пишетъ ко мнѣ удостовѣрительно о семъ изъ Полтавы, читавъ тамъ письмо о семъ князя Якова Ивановича къ Семену Михайловичу Кочубею. Однако жъ я за точность сего еще не отвѣтствую. Естьли это справедливо, то труды наши не пропали. Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества! Собственныя чувства наши, чувства что мы въ нѣдрѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества. Здѣсь сверхъ сего носится слухъ, что предъ обнародованіемъ и введеніемъ въ употребленіе первой уже вышедшей части новаго государственнаго уложенія призваны будутъ въ конгрессъ россійскихъ на особыхъ правахъ состоящихъ губерній обитатели для изъявленія своего согласія на принятіе для себя сего уложенія. На

семъ поприщѣ возобновится память прежнихъ незабвенныхъ во вѣки нашихъ патріотовъ. Щастливы будемъ ежели увидимъ новыхъ, защищающихъ съ такимъ же усердіемъ права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротивъ сего должны мы отвратить взоръ свой съ омерзеніемъ отъ пагубоностныхъ предателей отечества, вредныхъ себялюбцевъ. Пожалуюсь вамъ при семъ на свои несносныя семейныя заботы. 12 ноября минувшаго года я имѣлъ несчастіе лишиться послѣдняго изъ четырехъ родныхъ моихъ братьевъ Андрея Григорьевича, скончавшагося въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Этотъ ударъ такъ поразилъ меня, что я отъ скорби души не имѣю покою и теряю остатокъ моего и безъ того уже слабаго здоровья. Сближаясь къ могилѣ его не рука а сердце мое написало ему надгробную:

Здѣсь сердце лишъ поставитъ знакъ горести своей;
Оно къ нему прибавитъ слезу души моей.

Сей братъ мой былъ юнѣйшею отраслью дома отца моего. Утѣшьте того своимъ отвѣтомъ, который за честь и долгъ почитаетъ всегда быть съ безпредѣльною преданностію и таковымъ же почтеніемъ вамъ Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга *Василій Полетика.*

Коровинцы 2 февраля 1810.

В. Г. Полетикѣ отъ А. И. Чепы.

17 февраля 1810 г. [1]). Милостивый Государь мой Василій Григорьевичъ! Письмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца я получилъ. Пожалуйте прочтите терпѣливо мой отвѣтъ который будетъ обширенъ можетъ быть съ излишествомъ.

Самъ Богочеловѣкъ плакалъ надъ гробомъ друга своего и вы воздаете должную дань покойному брату вашему, переселившемуся въ другую, лучшую жизнь. Я по дружбѣ моей къ вамъ

---

[1]) Текстъ этого письма напечатанъ съ бѣловаго списка г. А. Л. въ „Кіевск. Стар.“ 1890 г. № 5. Черновой набросокъ заключаетъ нѣкоторыя подробности, опущенныя въ послѣднемъ спискѣ но нелишенныя значенія для знакомства съ личностью А. И. Чепы.

принимаю въ печали вашей искреннее участіе. Богъ со временемъ ниспошлетъ вамъ утѣшеніе.

Одно изъ лучшихъ моихъ занятій есть мысли о безсмертіи души, о будущей жизни и особливо когда услышу о переселеніи въ вѣчность подобнаго мнѣ человѣка. Нѣкоторыя сочиненія о сей матеріи читаю и утверждаю себя въ той надеждѣ, что я не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня. Болѣе всѣхъ мнѣ по душѣ доказательства Гердерна, изъ патуры почерпнутыя. Благодаря Бога я могу понимать всѣ бредни и излишнія тонкости матафизическія духовидца Шведенборга, подобнаго ему Штилинга, Экартгаузена и прочая. И такъ я вѣрю, что ежели я въ сей жизни наслаждаюсь вашею дружбою, вашею пріязнію, удивляюсь вашимъ достоинствамъ, то и въ будущей, лучшей жизни увижусь съ вами и съ братомъ вашимъ, котораго вы теперь оплакиваете.

Въ истекшемъ генварѣ мѣсяцѣ возвратились ко мнѣ мои двѣ книги изъ пропадшихъ по смерти покойнаго Я. М. Марковича. Позвольте описать вамъ сокращенно подробности сего для меня случая.

Нѣкто коллежскій ассесоръ Пироцкій-Кудановичъ, служившій въ Петербургѣ, недавно поселился въ Черниговскомъ околодкѣ возлѣ деревни друга моего Аркадія Александровича Ригельмана который, разговаривая, узналъ отъ него что онъ былъ при смерти Я. М. Марковича и что нѣкоторые изъ моихъ фоліантовъ, данные ему для прочета, у него остались. Я писать къ нему и молить его и, по убѣдительной моей и г. Ригельмана просьбѣ, онъ прислалъ мнѣ двѣ не такъ рѣдкія книги, о прочихъ же сказалъ что они можетъ быть въ Петербургѣ у г. Гетуна, Статскаго Совѣтника, или у Ивана Ивановича Покорскаго или же у г. Маковскаго. Правда въ не худыхъ рукахъ, всѣ говорятъ это люди ученые, но мнѣ незнакомые. Я принялъ нѣкоторыя средства къ освѣдомленью о книгахъ, хотя и не надѣюсь возвратить ихъ.

Изъ сихъ одна книга содержитъ договорныя статьи, начиная съ гетмана Многогрѣшнаго и прочія мелочи. Другая же содержитъ въ себѣ списки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ документовъ

коихъ я просилъ у васъ для списанія, яко-то: съ привилегіи 1563, 1568 и 1569 годовъ. Но какъ онѣ въ сей книгѣ съ описками, то я покорно прошу васъ одолжить мнѣ вашихъ, кои, уповаю, вѣрнѣе переведены и исправнѣе списаны. Или не прикажите ли сію книгу къ вамъ доставить? Для чего и реестръ оной при семъ подношу.

Я занимаюсь собираніемъ всякихъ бумагъ до Малороссіи касающихся, не только историческихъ документовъ, но всякихъ до правъ обстоятельствъ и состоянія народа касающихся піесъ. Бумаги мои о Малороссіи привожу въ порядокъ, удобный къ пріисканію. Я сдѣлалъ нѣкоторое систематическое расположеніе [1]). Недостающее стараюсь отыскать, заимствовать у знакомыхъ, но еще съ малымъ успѣхомъ. Думаю чтобы сколько можно дополнить историческими, политическими и прочими документами, указами напечатанными въ газетахъ и въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ статьями (до Малороссіи касающимися), не исключая, публично произнесенныхъ рѣчей и разныхъ примѣчательныхъ писемъ. (Рѣчи покойнаго родителя вашего и ваши, кои я надѣюсь получить отъ васъ кромѣ напечатанныхъ

---

[1]) Въ черновыхъ наброскахъ А. И. Чепы сохранилось нѣсколько проэктовъ такого расположенія, изъ которыхъ представляемъ наиболѣе полный сводъ, дающій понятіе о ихъ составѣ: *Планъ какъ расположить свѣдѣнія и документы къ исторіи малороссійской.* 1. Общія привилегіи, договорные пункты, грамоты, указы, универсалы. 2) Привилегіи, грамоты и универсалы частныхъ людей. 3) Лѣтописи. 4) Географическія свѣдѣнія. 5) О службахъ, повинностяхъ, податяхъ и доходахъ. 6) О ученыхъ заведеніяхъ для просвѣщенія народа. 7) О публичныхъ строеніяхъ. О запасномъ хлѣбѣ. О соли, о монетахъ, ассигнаціяхъ. О банкахъ и банковыхъ конторахъ. 8) О учрежденіяхъ канцелярскаго порядка. 9) Милостивые манифесты. 10) О нѣкоторыхъ общихъ россійскихъ законахъ и указахъ присвоенныхъ Малороссіи въ объясненіе, поправленіе, дополненіе, измѣненіе, умноженіе и умягченіе правъ малороссійскихъ. 11) О классахъ народа. О монастыряхъ и церквахъ, о духовенствѣ и причетникахъ, о шляхетствѣ и чинахъ, о козакахъ подъ разными именованіями, о артилеріи и о преобразованіи ихъ въ регулярные, о поданныхъ или крестьянахъ. О вольныхъ людяхъ, о вольныхъ земледѣльцахъ, о городахъ и обывателяхъ ихъ, купцахъ, мѣщанахъ и прочихъ, о иностранцахъ въ Малороссіи поселившихся. 12. О земледѣліи, скотоводствѣ, заводахъ, фабрикахъ, ремеслахъ и рукодѣліяхъ. 13) Письма. 14) Рѣчи въ собраніяхъ произнесенныя разными особами, по разнымъ обстоятельствамъ. 15) Стихотворенія. 16) Разные анекдоты и служащія къ онымъ піесы. 17) Записка о суевѣріяхъ, нашептываніяхъ и проч.

въ „Вѣстникѣ Европы“ займутъ первое мѣсто). Я знаю что вы изобилуете матеріалами къ намѣренію моему потребными. Прошу одолжить меня оными для списанія. Можетъ быть не мнѣ а послѣ меня кому нибудь случится мое собраніе употребить въ пользу для отечества нашего.

Мнѣ никогда не случалось читать и видѣть Лѣтописца Самойла Величка. Буди можно покорно прошу одолжить мнѣ оный будущей весною для прочету, а когда оный мнѣ покажется и для списанія.

Покорно благодарю вамъ за пріятное извѣстіе о Высочайшемъ утвержденіи малороссійскихъ чиновъ въ благородномъ достоинствѣ. Это должно быть вѣрно и я радъ всею душею.

Не странно ли я думаю? Новые русскіе законы будутъ то самое, что наши старые малороссійскіе...

(Конецъ письма о М. Ѳ. Берлинскомъ совершенно сходенъ съ напечатаннымъ уже текстомъ).

Приведенная выше переписка представляетъ много данныхъ для характеристики времени, общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ выдающихся людей тѣхъ годовъ и самихъ участниковъ ея. Оставляя въ сторонѣ эти ея части, какъ матерьялъ для болѣе искуснаго изслѣдователя, мы хотимъ заняться однимъ лишь вытекающимъ изъ нея историко-литературнымъ вопросомъ объ историческомъ трудѣ Василія Григорьевича Полетики, для котораго онъ ищетъ данныхъ въ собраніяхъ Чепы и о которомъ говоритъ въ своихъ письмахъ. Что это за трудъ?

По сходному съ нею вполнѣ тону писемъ, по духу ихъ, по времени появленія, по одному и тому же индивидуальному отпечатку, трудъ этотъ не можетъ быть никакимъ другимъ, какъ извѣстною и загадочною до сихъ поръ „Исторіей Русовъ“. Когда эти письма вывезены были нами въ 1886 году изъ архива князя Н. В. Репнина, мы высказывали это предположеніе нѣкоторымъ интересующимся вопросомъ лицамъ. Нѣсколько позже въ „Кіевской Старинѣ“ напечатаны были замѣтки А. М. Лазаревскаго о Полетикахъ, гдѣ, какъ догадка, высказано было

предположеніе о принадлежности „Исторіи Русовъ“ Григорію Андреевичу Полетикѣ. Для выясненія вопроса и подкрѣпленія нашего предположенія нѣкоторыми доказательствами, прослѣдимъ литературную исторію знаменитой книги и отмѣтимъ нѣкоторыя ея частности, какъ бы обличающія автора.

Время появленія въ обращеніи рукописи „Исторіи Русовъ“, можетъ быть теперь установлено. Она неизвѣстна была Бантышъ-Каменскому при первомъ изданіи его „Исторіи Малороссіи“ въ 1822 году и указывается какъ одинъ изъ источниковъ во второмъ изданіи 1830 года. (Цензурное разрѣшеніе этого изданія помѣчено 1829 годомъ). По свидѣтельству г. Ханенка рукопись „Исторіи Русовъ“ найдена была впервые около 1828 г. въ библіотекѣ с. Гринева стародубскаго уѣзда черниговской губерніи (К. Стар. 1891. № 4 стр. 113). Максимовичъ, въ отзывѣ своемъ объ „Исторіи Русовъ“ [1]), говоритъ, что въ 1830 году „Исторія“ эта *„была уже въ ходу во многихъ спискахъ“*. Такимъ образомъ появилась она въ обращеніи между 22 и 29 годомъ, около 1825 года, и къ тому же времени, какъ мы думаемъ, только и была окончена авторомъ.

Въ исторіи всѣхъ литературъ есть примѣры сочиненій, по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ распространявшихся предварительно въ рукописи, и такіе примѣры особенно численны въ литературѣ русской, по ея спеціальнымъ условіямъ. И всегда судьба этихъ сочиненій одинакова: они распространяются *вскорѣ послѣ окончанія ихъ авторами* и распространеніе ихъ отвѣчаетъ живому интересу современниковъ, которые, а отнюдь не сами авторы, и суть ихъ распространители. Это понятно. Писатель не живетъ внѣ времени и пространства. Дѣятельность его напротивъ вызывается временемъ и, если встрѣчаетъ успѣхъ, значитъ—его мысль находитъ почву и сочувствіе у современнаго общества. Трудно, чтобы такой живой успѣхъ встрѣтила старая, рукопись, писанная пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а не произведеніе въ которомъ общество слышитъ какъ бы формулировку своихъ еще смутныхъ думъ и стремленій. Вѣдь даже Саги Оссіана,

[1]) „Историческія письма о козакахъ приднѣпровскихъ“. Сочиненія т. I. стр. 305.

такъ угодившія романтизму, оказались сочиненными въ угоду общественному настроенію. Всѣ же сочиненія, интересъ къ которымъ доходилъ до распространенія ихъ въ спискахъ, всегда распространялись въ Россіи этимъ путемъ непосредственно за созданіемъ ихъ авторами. Достаточно вспомнить „Горе отъ ума“, „Войнаровскаго“, нѣкоторыя пьесы Пушкина и Шевченка и въ наши дни „Крейцерову Сонату“.

Распространившись въ спискахъ (съ именемъ Конискаго, присвоеннымъ ей очевидно составителемъ, а не издавшимъ ее впослѣдствіи Бодянскимъ), „Исторія Русовъ“ дѣлаетъ время отъ времени опыты проникновенія въ печать, то въ отрывкахъ, то въ видѣ матерьяла. Послѣ указанія Бантышъ-Каменскаго, отрывки изъ нея появляются въ 1834 году въ „Запорожской Старинѣ. Здѣсь, въ книгахъ I—III, напечатано Срезневскимъ нѣчто въ родѣ сводной малороссійской лѣтописи („сказанія лѣтописцевъ и преданія о лицахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запорожьи отъ смерти Баторія до Богдана Хмельницкаго“). Во главѣ источниковъ этой компиляціи показана „Исторія Русовъ“. На страницахъ 102 и 103 помѣщены цѣликомъ два отрывка: „Повѣсть Конискаго о слѣдствіяхъ смерти Наливайки“ и „Повѣсть Конискаго о слѣдствіяхъ Брестскаго Собора“, послѣ которыхъ напечатано слѣдующее: „Помянутое посланіе уніатовъ помѣщено въ „Ист. Рус.“ цѣликомъ и цѣликомъ также внесено въ „Исторію Малой Россіи“. *Нѣкоторые* (курсивъ подлинника) думаютъ, что оно не подлинное, а создано смѣлою фантазіей въ послѣдующее время, что будто бы даже есть и подлинное гдѣ то, въ какой то иностранной книгѣ. *Какъ бы то ни было „Исторія Русовъ“ любопытна какъ собраніе подобныхъ документовъ*“. Высказанное сомнѣніе не мѣшаетъ Срезневскому, очевидно по тому же источнику, *составить* яко бы народную пѣсню о сожженіи Могилева, помѣщенную въ той же книгѣ. Еще печатаетъ онъ изъ „Исторіи Русовъ“ сказаніе о гетманѣ Гулакѣ и, въ слѣдующей части своей сводной лѣтописи, опять ставитъ „Конискаго“ во главѣ рукописныхъ источниковъ.

Въ началѣ же тридцатыхъ годовъ познакомился съ „Исторіей Русовъ“ и Гоголь, несомнѣнно пользовавшійся ею при соз-

даніи „Тараса Бульбы“ [1]). Какъ думаетъ г. Тихонравовъ и какъ видно по тожеству заимствованій Гоголя съ отрывками, помѣщенными въ „Современникѣ“, „Исторію Русовъ“ Пушкину и сообщилъ Гоголь, и высокое мнѣніе объ этомъ произведеніи, высказанное Пушкинымъ въ своемъ журналѣ въ 1836 г., было мнѣньемъ обоихъ поэтовъ. Объ „Исторіи Русовъ“ Пушкинъ заговорилъ по поводу изданія сочиненій Конискаго. Отзывъ поэта, всѣмъ извѣстенъ и не нуждается въ повтореніи. Пушкинъ восторгается горячимъ тономъ Исторіи, ея патріотизмомъ и называетъ „Конискаго“ *великимъ живописцемъ*. Въ авторство его онъ твердо вѣритъ и повторяетъ по этому поводу то, что говорится о сочиненіи книги Коніскимъ для Григорія Полетики въ предисловіи, извѣстномъ по печатному изданію. Нельзя при этомъ не подивиться критической проницательности великаго поэта, когда онъ говоритъ: „сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою“ и объясняетъ эту черту происхожденіемъ Конискаго. Увѣренность въ авторствѣ послѣдняго скоро была поколеблена, но мнѣнье о талантѣ его оставалось незыблемымъ, пока, послѣ Пушкина и Гоголя, усомнился въ немъ г. Геннадій Карповъ. Въ „Современникѣ“ изъ „Исторіи Русовъ“ напечатаны были „Введеніе Уніи“ и „Казнь Остраницы [2])“.

Въ своей „Исторіи Малороссіи“, вышедшей за четыре года до появленія въ печати „Исторіи Русовъ“, Маркевичъ совершенно обобралъ этотъ источникъ. Послѣ появленья печатнаго текста псевдо-Конискаго, „Исторія“ Маркевича сохранила интересъ только своими приложеніями, текстъ же ея, какъ почти цѣликомъ заимствованный, утратилъ значеніе.

Въ это время пресловутая рукопись ходила уже по Малороссіи въ множествѣ списковъ, попадающихся иногда въ глуши и теперь. Она хранила характеръ какой то таинственности; читая ее, запирали въ комнатѣ двери. Популярность ея была ве-

---

[1]) Въ послѣднемъ, десятомъ изданіи его сочиненій, редакторъ изданія г. Тихонравовъ дѣлаетъ интересный анализъ вліянія этого источника на „Тараса Бульбу“ и заимствованій изъ него. (Т. I, стр. 661—664).

[2]) „Исторія Русовъ“ стр. 40—42, 53—57.

лика. Интересное свидѣтельство объ этомъ значеніи рукописи можно встрѣтить въ прозаической повѣсти Шевченка „Близнецы“.

Также велико было ея вліяніе и въ литературѣ. Мы говорили уже о Гоголѣ. Шевченко въ первые годы своего творчества былъ подъ ея очевиднымъ вліяніемъ. Срезневскій, Кулишъ (въ „Михайлѣ Чернышенкѣ“), Костомаровъ (утерянная драма „Косинскій“ и стихотворенія), Гребенка („Иванъ Золотаренко“) и много писателей меньшаго значенія были увлечены талантомъ неизвѣстнаго автора. Попытки напечатать его книгу цѣликомъ дѣлались неоднократно. Наконецъ въ 1846 году она появилась въ московскихъ „Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей“, редактировавшихся О. М. Бодянскимъ.

Суровый критикъ этой „Исторіи“ г. Карповъ, вооружаясь противъ этого сочиненія съ неподходящей къ научной оцѣнкѣ страстностью, упрекалъ впослѣдствіи Бодянскаго даже тѣмъ, что онъ ее напечаталъ. Спокойно возражая на это, что онъ далъ тѣмъ самымъ Карпову возможность судить объ этой „Исторіи“, Бодянскій, въ своемъ объясненіи [1]) припоминаетъ, какъ стояло дѣло съ „Конискимъ“ въ моментъ появленья его въ свѣтъ. „Въ тѣ поры, пишетъ онъ, то и дѣло слышались разсказы, какъ тотъ, другой, третій пытались издать „Исторію Русовъ“, но безуспѣшно, а между тѣмъ особенности этой Исторіи заставляли всѣхъ, кто имѣлъ случай читать ее въ ходившихъ по рукамъ спискахъ, желать ея оглашенія; выставлялись въ такомъ заманчивомъ свѣтѣ особливо смѣлость сужденій сочинителя о событіяхъ и двигателяхъ событіями, равно какъ и самый языкъ его, вовсе не похожій на языкъ прочихъ подобныхъ исторій, что естественно было отважиться, нельзя ли этотъ запретный плодъ сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, а не однимъ только тѣмъ кому выпадало такъ или иначе на долю вкусить его. Къ этому присоединялась еще баснословная цѣна за переписку этой исторіи, равномѣрно и требовавшаяся за готовые уже списки ея людьми промышлявшими тѣмъ... Изданіе „Исторіи Русовъ“, чего

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.“ 1871 г.

напрасно добивались Устряловъ, Пушкинъ, Гоголь, удалось Обществу, не смотря на то, что съ каждой книжкой „Чтеній" больше и больше стращали печатавшаго разными страхами. Такъ появилась „Исторія Русовъ".

Сдѣлавшись всѣмъ доступною, таинственная „Исторія" стала доступною и для научной критики, подвергнувшей провѣркѣ и опроверженію ея промахи и ошибки и выдѣлившей то, что оставалось въ ней цѣннаго. Нѣсколько фактическихъ поправокъ сдѣлалъ къ ней на основаніи документовъ Бантышъ-Каменскій еще въ 1830 году [1]). Подробнымъ же ея разсмотрѣніемъ занялось вскорѣ новое поколѣніе историковъ, которому дало оружіе въ руки значительно подвинувшееся уже къ тому времени изученіе и обнародованіе историческихъ источниковъ, актовъ, бумагъ государственныхъ и частныхъ архивовъ, появленіе изданій ученыхъ обществъ и коммиссій и т. п.

Первымъ въ ряду этихъ критиковъ выступилъ Соловьевъ, въ статьѣ „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу" [2]). Здѣсь указано много фактическихъ невѣрностей „Исторіи Русовъ", какъ напримѣръ—вымышленный разсказъ о смерти осужденнаго и казненнаго будто Косинскаго, который убитъ въ сраженіи подъ Пяткою, задолго до Брестскаго Сейма и Уніи; невѣрность въ описаніи шведскаго нашествія (битва подъ Лѣснымъ была 26 сентября, а Мазепа переправился черезъ Десну, послѣ чего козаки оставили его, 26 октября), противорѣчіе показаній о дѣятельности и судьбѣ Ниливайки у „Конискаго" и въ лѣтописи самовидца и у Ригельмана, разсказы о Тарасѣ Трясилѣ, Павлюгѣ, Перевязкѣ и прочія мало обоснованныя показанія. Максимовичъ въ своихъ маленькихъ, но глубокихъ изслѣдованіяхъ—первыхъ камняхъ въ зданіи достовѣрной малороссійской исторіи,—не разъ останавливался на погрѣшностяхъ „Исторіи Русовъ", „весьма замѣчательной въ отношеніи художественномъ, но преисполненной свѣдѣній невѣрныхъ и сбивчивыхъ". Въ брошюркѣ „Первыя

[1]) „Исторія Малороссіи". Т. I, примѣчанія къ стр. 72, 316 и 317.

[2]) „Отечественныя Записки" 1848 г. №№ 11 и 12, 1849 № 2.

времена кіевскаго богоявленскаго братства", онъ останавливается, напримѣръ, на показаніи „Исторіи Русовъ" о Сагайдачномъ и кіевскомъ братскомъ училищѣ (стр. 24. Примѣчаніе), заключающемъ невѣрныя и голословныя данныя, и говоритъ: „Неужели это написано перомъ Георгія Конискаго? Самое лицо гетмана Жицкаго, яко бы строившаго братскую церковь, принадлежитъ „Исторіи Русовъ". Еще болѣе рѣзкому осужденію подвергаетъ онъ фактическую сторону этой Исторіи въ статьѣ „Историческія письма о козакахъ приднѣпровскихъ".

Частныя поправки къ „Исторіи Русовъ" встрѣчаются и въ сочиненіяхъ Костомарова. Въ статейкѣ „Говорилъ ли Полуботокъ Петру I, рѣчь приводимую Конискимъ" [1]) Лазаревскій подвергаетъ сомнѣнью фактъ произнесенья популярной впослѣдствіи рѣчи Полуботкомъ въ присутствіи Петра. На этомъ фактѣ не настаивалъ бы впрочемъ, вѣроятно, и самъ авторъ книги, вложившій мнѣнія Полуботка въ форму рѣчи просто въ качествѣ литературнаго пріема, къ которому онъ прибѣгаетъ во многихъ мѣстахъ сочиненія. Въ примѣчаніи къ переводу „Описанія войны Ивонія, господаря волошскаго" 1574 Леонарда Горецкаго Антоновичъ обличаетъ выдумки „Исторіи Русовъ" о гетманѣ Свирчовскомъ, вызвавшія впослѣдствіи и поддѣльныя думы въ этнографическихъ Сборникахъ [2]). Самый обширный, но и самый пристрастный разборъ „Исторіи Русовъ" сдѣланъ въ книгѣ Карпова „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до Исторіи Малороссіи относящихся за время: 8 генваря 1654 г.—30 мая 1672 года".

Разборъ свой Карповъ начинаетъ съ того мѣста книги, на которомъ остановился Соловьевъ. Помимо фактическихъ поправокъ, въ разборѣ Карпова царитъ мало приличное историку раздраженіе и, главнымъ образомъ, недовольство духомъ „Исторіи Русовъ". „Исторія, говоритъ этотъ авторъ въ другомъ своемъ сочиненіи [3]), есть ничто иное какъ борьба, а стало быть судеб-

[1]) „Основа" 1861 г. № 8.

[2]) „Кіевск. Стар." 1889 г. № 10.

[3]) Вступительная рѣчь въ харьковскомъ университетѣ. „Харьковскія Университетскія Извѣстія".

ный процессъ о томъ, которой сторонѣ жить, которой умереть". Сообразно съ этимъ взглядомъ, онъ вноситъ какое-то озлобленіе и задоръ въ весь свой длинный разборъ, „громитъ и разитъ, какъ говоритъ о его статьѣ Бодянскій, въ пухъ и прахъ то самое въ подсудной ему сторонѣ, что въ неподсудной находитъ въ порядкѣ вещей" и въ сужденіяхъ своихъ настолько переходитъ чувство мѣры, что явно обнаруживаетъ свое пристрастіе. Для фактическихъ поправокъ озлобленіе его излишне, а значеніе „Исторіи Русовъ", какъ явленія общественнаго и литературнаго, не умалилось послѣ его разбора ни на волосъ.

Сомнѣнья въ принадлежности „Исторіи Русовъ" Конискому укрѣплялись болѣе и болѣе съ развитіемъ знакомства съ малороссійской старой письменностью и историко-литературныхъ изученій. Опубликованье подлинныхъ его сочиненій, историческихъ и драматическихъ, анализъ самыхъ ошибокъ „Исторіи", окончательно подорвали эту увѣренность и въ настоящее время въ авторство Конискаго не вѣритъ никто. Вообще, съ самаго появленія „Исторіи Русовъ" въ обращеніи, авторство это выставлялось только какъ отводъ на первой страницѣ рукописи, а сейчасъ же вслѣдъ, въ самомъ текстѣ предисловія, о такомъ авторствѣ не говорилось ничего. Предисловіе утверждаетъ только что „Исторія" *передана* Конискимъ ученику своему Григорію Полетикѣ, съ увѣреніемъ въ ея достовѣрности, велась же она, будто бы, какъ лѣтопись при каѳедральномъ могилевскомъ монастырѣ „искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами кіевской академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей". Объясненіе это, конечно, не болѣе какъ мистификація, за которою желаетъ скрыться авторъ. Вся книга проникнута слишкомъ личнымъ отпечаткомъ, въ ней выясняется слишкомъ ярко авторское міровоззрѣніе, и о трудѣ собирательномъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но кто этотъ авторъ? Покойный Костомаровъ неудачно видѣлъ въ немъ одного изъ новыхъ малороссійскихъ дворянъ, созданныхъ Екатериной [1]), Нѣмецъ Кооль, разсказывая въ своемъ путешествіи

[1]) Статья „Поѣздка въ Батуринъ" въ газетѣ „Порядокъ".

о распространенности „Исторіи“ въ Малороссіи, называетъ автора Каневскимъ, конечно, ошибочно только искажая фамилію Конискаго [1]). Всѣ указанія, прямыя и косвенныя, приводятъ изслѣдователей къ дому Полетикъ, откуда несомнѣнно вышла эта Исторія [2]). А. М. Лазаревскій въ замѣткѣ своей „Догадка объ авторѣ „Исторія Русовъ“ авторомъ этимъ считаетъ депутата Екатерининской Комиссіи Григорія Андреевича Полетику. Мнѣнье Максимовича по этому вопросу иное. Вотъ что пишетъ онъ объ авторѣ таинственной исторіи въ статьѣ „О козакахъ приднѣпровскихъ“, уже нами указанной,—начиная съ стараго утвержденія авторства Конискаго: „Я долженъ заявить свое сомнѣніе объ „Исторіи Русовъ“: въ самомъ ли дѣлѣ она есть сочиненіе Георгія Конискаго? Не напрасно ли помыкается имя его за недостатки ея со стороны фактической и превозносится за ея достоинства со стороны художественной? Достопамятный мужъ знакомъ былъ хорошо съ старинными актами, относящимися къ исторіи церкви въ западной Россіи, и обладалъ большою начитанностью польскихъ историческихъ писателей: о томъ свидѣтельствуетъ намъ его книга *Prawa i Wolnosci*, изданная въ 1767 году въ Варшавѣ и небольшое сочиненіе его объ уніи, изданное въ „Чтеніяхъ“. Да и могъ ли Конискій безъ историко-фактическаго запаса вступить на то поприще, на которомъ подвизался съ такой славой! Его историческое познаніе неизбѣжно отозвалось бы въ сочиненной имъ исторіи, какого бы ни была она направленія и духа. А въ „Исторіи Русовъ“ совсѣмъ не видно близкаго знакомства ни съ современными актами, ни съ польскими историками, ни съ главнѣйшими малороссійскими лѣтописями: все взято не изъ первыхъ рукъ, а какъ будто по наслышкѣ и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта. Не по характеру Конискому, мнѣ кажется, было сочинять такую исторію и предлагать ее депу-

---

[1]) „Reisen im Inneren fon Rusland und Polen“ fon I. G. Kohl, II Theil, 321.

[2]) Между прочимъ, напримѣръ, восхваленія въ „Исторіи Русовъ“ Многогрѣшнаго и вымыселъ о его смерти, указанные Карповымъ и разъясненные Лазаревскимъ. Полетики оказываются родственною Многогрѣшному фамиліей. (Кіев. Стар. 1891 года № 4).

тату Полетикѣ на то важное дѣло, на какое она требовалась, и съ тѣми архипастырскими увѣреніями, о которыхъ говорится въ предисловіи неизвѣстнаго намъ лица. О Конискомъ извѣстно то, что онъ сообщилъ краткій лѣтописецъ Вас. Рубану, который и напечаталъ его въ 1773 году съ дополненіями написанными А. А. Безбородкомъ. Сомнительнымъ кажется мнѣ и то, чтобы Григорій Андреевичъ Полетика, человѣкъ ума положительнаго, знакомый съ лучшими малороссійскими лѣтописями въ томъ числѣ и съ Величковою, могъ предпочесть имъ неисправную со стороны фактической „Исторію Русовъ“ и придержаться ее въ своихъ дѣловыхъ справкахъ, какъ это въ наше время сдѣлалъ авторъ „Украинскихъ мелодій“ въ своей „Исторіи Малороссіи“... Мнѣ сдается, что „*Исторія Русовъ*“ *сочинена неизвѣстнымъ для насъ авторомъ, укрывшимъ свое имя подъ двумя малороссійскими знаменитостями*, дабы сказать въ предисловіи, что „прошедшая черезъ эти отличные умы исторія“ должна быть достовѣрной!

Не есть ли этотъ авторъ, — сынъ и преемникъ Григорія Полетики въ собираніи историческихъ матеріаловъ и въ изученіи малороссійской исторіи, Василій Полетика? Въ предположеніи нашемъ мы основываемся не столько на исторической критикѣ, сознавая недостаточность для нея нашихъ силъ, сколько на помѣщенныхъ выше документальныхъ данныхъ, случайно попавшихъ въ наши руки.

Въ первомъ изъ печатаемыхъ нами писемъ В. Г. Полетики къ Чепѣ онъ говоритъ: „Вездѣ стараюсь я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской исторіи относящіяся, но мало оныхъ нахожу. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего. Писатель сей исторіи находитъ для себя препоны сіи и бросаетъ перо свое. Малая способность моя, слабыя знанія мои и то отвлекаютъ меня отъ труда сего, *сколько я о предпріятіи его ни думаю*“.

Въ раньше напечатанномъ письмѣ его къ Румянцеву, онъ пишетъ [1]): „Собранныя съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцомъ моимъ (книги и рукописи) *въ послѣднихъ дняхъ жизни его* († 1784

[1]) „Кіев. Стар.“ 1891 № 4, стр. 105.

года) и напослѣдокъ мною и присовокупленныя къ первымъ, относятся по большей частью къ исторіи малороссійской, *начертаніе которой* было его, а наконецъ *сдѣлалось моимъ предметомъ*".

Вотъ, кажется, прямыя указанія на то, что исторію Малороссіи, которая вышла изъ дома Полетикъ и которая есть „Исторія Русовъ", сначала собирается писать, а потомъ пишетъ одно изъ лицъ этого дома, Василій Полетика.

Первое изъ приводимыхъ нами писемъ относится къ 1809 году. Въ то время историческій трудъ Василія Полетики еще не былъ написанъ; онъ только подготовлялся къ нему и собиралъ матеріалы, ища ихъ и въ чепинскихъ сборникахъ. Почтенному А. И. Чепѣ трудъ этотъ не былъ знакомъ до самой его смерти, иначе въ бумагахъ его нашлось бы какое нибудь свидѣтельство о немъ, а при посредствѣ этихъ бумагъ, узналъ бы объ этомъ трудѣ и Бантышъ-Каменскій и упомянулъ бы о томъ въ первомъ изданіи своей „Исторіи".

Въ приложеніяхъ къ этой книгѣ мы печатаемъ переданную Чепѣ В. Полетикой „записку о малороссійскомъ дворянствѣ". Сравните эту записку и тѣ страницы „Исторіи Русовъ", гдѣ говорится о происхожденіи и историческихъ правахъ малороссійскаго шляхетства (стран. 5—8 и 21 „Исторіи Русовъ"): тѣ-же ссылки, тѣ-же даты, тотъ же тонъ, почти тѣ-же выраженія. И тутъ и тамъ цитуется одна и та-же привилегія Сигизмунда Августа 1569 года шляхетству русскому, напоминается одинаково уравненіе литовскаго и русскаго шляхетства съ польскимъ въ 1563 г. при *Венжикѣ* Хмельницкомъ. Очевидно только, что „Исторія" писана потомъ. Въ ней все отдѣлано и сведено въ стройное зданіе.

Вотъ рѣчи Вас. Григ. Полетики, которыя онъ любилъ говорить въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ [1]). Тѣ-же идеи дворянскаго достоинства и понятіе о дворянствѣ какъ о передовомъ, просвѣщенномъ классѣ. Одна рѣчь 1802 года произно-

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ своевременно напечатаны были въ „Вѣстникѣ Европы". Списки ихъ, равно и ненапечатанныхъ, сохранились въ полетикинскихъ бумагахъ, нынѣ принадлежащихъ В. В. Тарновскому.

сится Полетикой въ Полтавѣ по поводу предложенія генералъ-губернатора князя Куракина объ открытіи училища для дворянъ. Горячо отзываясь на этотъ призывъ и видя въ заботахъ о просвѣщеніи первый долгъ и благороднѣйшую заслугу, Полетика взываетъ къ тѣнямъ Конашевича-Сагайдачнаго и Могилы, прославляя ихъ память за ихъ просвѣтительныя заботы, точно такъ, какъ прославляетъ ее въ „Исторіи Русовъ“ [1]).

Во второй половинѣ „Исторіи Русовъ“, наиболѣе цѣнной и достовѣрной, есть описаніе бѣдствій, испытанныхъ Ромномъ и роменцами послѣ удаленія Шведовъ. (Стр. 213). Этотъ параграфъ, написанный съ большою горечью и съ подробностями, очевидно взятыми изъ преданій, могъ написать только мѣстный человѣкъ, долго тамъ жившій и слышавшій разсказы старыхъ людей.

Изъ двухъ Полетикъ такимъ постояннымъ жителемъ той мѣстности былъ Василій Григорьевичъ. Тоже можно сказать и объ эпизодѣ казни Лебединцевъ, подвергнутомъ сомнѣнію Ко-

---

[1]) „Конашевичи и Могилы! Вы первые на отечественной тверди нашей воздвигли храмы наукамъ. Съ жадностію ищу я на ней тѣхъ точекъ и стремлюсь къ нимъ, на коихъ нынѣ покоится прахъ вашъ, дабы надъ могилами вашими преклонить колѣни сердца, пролить слезы благодарности и сказать изъ глубины онаго да будетъ между нами свята, да будетъ благословенна память ваша! Въ вихрѣ восхищенія я могу только жить между вами, когда съ соболѣзнованіемъ вижу, что труды и жертвы ваши для отечества не приносятъ нынѣ плодовъ своихъ. Вы были творцами, а Кіевъ колыбелью немногихъ нашихъ любителей наукъ, нашихъ сыновъ отечества, но не вы, не вы великіе мужи причиною, что насажденія ваши не возродили между нами ни Кодровъ, ни Леонидовъ, ни Фокіоновъ, ни Эпаминондовъ въ любви къ отечеству, ни Гомеровъ, ни Виргиліевъ, ни Демосѳеновъ, ни Цицероновъ, ни Невтоновъ, ни Бюфоновъ въ учености. Мы были ко всему способны. Просвѣщенные народы всегда находили насъ таковыми. Но недѣятельность наша отнимала у насъ мѣсто между ими, отнимала, можно сказать, славу быть извѣстными свѣту. Великіе умы подобно нѣкоему призраку между нами являлись и, не находя для себя у насъ поприща безсмертныхъ дѣлъ, тутъ исчезали. По крайней мѣрѣ теперь изгладимъ, сограждане, сіе справедливое на насъ рода человѣческаго нареканіе и покажемъ свѣту, что и въ Малой Россіи въ девятомъ на десять вѣкѣ жили благородные, не столько по имени, сколько по дѣламъ своимъ люди, любили отечество свое, помнили благо общее, пеклись о потомствѣ и человѣчествѣ“. О просвѣтительной дѣятельности Сагайдачнаго и Могилы „Исторія Руссовъ“, стр. 1 и 48.

стомаровымъ, но нашедшемъ подкрѣпленіе въ преданіи, записанномъ г. Ефименкомъ въ самомъ Лебединѣ [1]).

Обратимся къ доводамъ такъ сказать психологическимъ. Вас. Григ. Полетика бесѣдуетъ съ Чепой о необходимости появленія малороссійской исторіи—тотъ и другой собираютъ матеріалы для нея и горячо желаютъ освѣтить ими мракъ прошедшаго. Возможно-ли, чтобы при такомъ настроеніи, въ перепискѣ интимной и искренней, онъ ни слова ни сказалъ о такой „Исторіи“ еслибъ она написана была его отцомъ и безъ сомнѣнія была бы ему извѣстна? При томъ культѣ, который онъ питаетъ къ памяти отца, такой трудъ, о которомъ мечтаетъ и самъ, онъ поставилъ бы ему съ радостью въ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ и ужъ, конечно, подѣлился бы свѣдѣніемъ о немъ съ человѣкомъ, глубоко преданнымъ тому же дѣлу. При несомнѣнной честности и благородствѣ его характера, нельзя допустить также, чтобъ онъ скрылъ трудъ отца и воспользовался имъ для обработки. Нѣтъ, во время переписки его съ Чепой, писанной въ домѣ Полетикъ малороссійской исторіи еще не существовало. „Начертаніе ея“, т. е. мысль о томъ и подготовка къ дѣлу, было заботой отца и „наконецъ стало предметомъ“ сына.

Писанная при иномъ режимѣ, „Исторія Русовъ“ кончена, надо думать, въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда появленіе ея, особенно послѣ 1825 года, было уже невозможно и самое сочиненіе требовало авторской тайны. Авторъ или друзья его поставили ее тогда подъ защиту духовнаго имени Конискаго, которое такъ долго и оставалось при книгѣ.

Сохранились фамильные портреты обоихъ Полетикъ, Григорія и Василія, одинъ изъ которыхъ есть почти несомнѣнно авторъ занимающей насъ таинственной книги. Портретъ Григорія Полетики, уже знакомый читателямъ „Кіевской Старины“ [2]), изображаетъ красиваго, энергическаго человѣка, съ полнымъ жизни взглядомъ. Такой человѣкъ стремится привести свои

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1884 № 4. Лебединъ находится въ недалекомъ разстояніи отъ Коровинецъ, гдѣ жилъ В. Г. Полетика.

[2]) Портретъ „Кіев. Стар.“ реставрированъ. Вполнѣ сохранившійся портретъ Г. А. Полетики находится въ с. Юдиновѣ старод. уѣзда, черниг. губ.

мысли въ дѣйствія, играть въ современной ему жизни личную, активную роль. Изъ этой категоріи людей выходятъ общественные дѣятели, ораторы, которые производятъ впечатлѣніе личностью своей и слово которыхъ идетъ всегда параллельно съ дѣломъ. Публичныя рѣчи, политическія записки, или же переводы, гдѣ личность писателя стушевывается, были именно тѣми формами, въ которыя выливалась мысль Григорія Полетики. Служебная и общественная дѣятельность, масса дѣловыхъ хлопотъ и процессовъ наполняли его жизнь.

Портретъ Василія Полетики дошедшій до насъ писанъ въ старости. Тѣмъ не менѣе спокойствіе лица, глубокій и грустный взглядъ говорятъ о человѣкѣ сосредоточенной мысли, внутренней жизни, о томъ, что называется человѣкомъ „кабинетнымъ“. Мысль такого человѣка стремится полно и всесторонне знать предметъ, знать его подробности, *изслѣдовать* его. Общественная, шумная дѣятельность не соотвѣтствуетъ такому складу ума. А если этотъ человѣкъ обладаетъ литературными задатками, инстинктомъ писателя, то заботы о гармоніи, о формѣ изложенія также присущи ему. Все это требуетъ характера сосредоточеннаго, спокойнаго. Но подъ этимъ спокойствіемъ, необходимымъ для работы ума, таится часто горячая мысль, страстный темпераментъ. Самые горячіе лирики—Дантъ, Руссо, Жоржъ Зандъ были по внѣшности людьми спокойными, и самые краснорѣчивые писатели—людьми молчаливыми и почти всегда плохими ораторами. Параллельно съ работою мысли у такихъ людей идетъ всегда обработка формы (приданіе мысли большей выпуклости, ясности) и одно замедляетъ другое. Сосредоточенное спокойствіе — первая характерная черта физіономіи писателя. Этому впечатлѣнію отвѣчаетъ и внѣшность предполагаемаго нами автора „Исторіи Русовъ“.

Въ настоящихъ строкахъ мы не могли сдѣлать даже и бѣглаго наброска этой замѣчательной личности. Для біографіи В. Г. Полетики, труда заманчиваго и требуемаго его благородной памятью, въ настоящее время не найдено еще достаточно матеріаловъ. Случайно уцѣлѣвшія бумаги его въ двухъ собраніяхъ (кн. Репнина и нынѣ г. Тарновскаго) слишкомъ отры-

вочны и сбивчивы. Мы пытались въ нихъ искать нити его авторства. Во всякомъ случаѣ онѣ избѣгнутъ теперь уничтоженія или забвенія. Наткнувшись на первую серію ихъ въ яготинскомъ архивѣ, намъ довелось потомъ предпринять поѣздку и на родину Полетикъ въ с. Коровинцы роменскаго уѣзда полт. губ., откуда г. Тарновскимъ, наканунѣ ликвидаціи этого „дворянскаго гнѣзда", куплены были фамильные портреты, мною—уцѣлѣвшая часть книгъ и г. Тарновскимъ-же—остатки семейнаго архива [1]).

Въ первый пріѣздъ мой въ Коровинцы усадьба Полетикъ хранила еще нѣкоторый отпечатокъ прошедшей жизни. Домъ, хотя и передѣланный, сохранялъ свой старинный пошибъ. Со стѣнъ комнатъ глядѣли портреты Полетикъ и лицъ родственныхъ съ ними фамилій (Ильяшенокъ, Гамалѣевъ, Тихорскихъ). Большая люстра стиля Людовика XVI какимъ то призракомъ былого выглядывала среди новѣйшей обстановки. Совершенно сохранилъ физіономію данную ему насадителями, стародавними хозяевами, небольшой размѣрами, но типичный и на рѣдкость старинный садъ.

---

[1]) Рукописныя и книжныя собранія Полетикъ и самыя имѣнія ихъ разбрелись по свѣту и растаяли подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Наиболѣе значительная часть рукописей была продана сыномъ В. Г. Полетики Судіенку въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ числѣ ихъ находились „Лѣтопись Велички", „Лѣтопись Грабянки" (см. предисловіе къ печатному изданію этой лѣтописи), бумаги составившія два тома изданныхъ Судіенкомъ „Матеріаловъ", а также „Наказы депутатамъ", изданные „Кіевской Стариной". Въ пожарѣ старой полетикинской библіотеки, собранной Григоріемъ Полетикой, погибло, надо думать, множество невознаградимыхъ драгоцѣнностей. Вторая библіотека, собиранье которой начато отцомъ и продолжалось всю жизнь сыномъ, по смерти Вас. Вас. Полетики была расхищена разными лицами и продана частью въ Кіевѣ. Какъ заботился о ней хозяинъ ея и составитель В. Г. Полетика, видно изъ завѣщанія его, сохранившагося въ бумагахъ, купленныхъ Тарновскимъ, гдѣ говорится: „Библіотека моя вся, состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ тако же и всѣ записки, письма и извѣстія, подлинныя и копіи, касающіяся до ученыхъ дѣлъ и исторіи, покойнымъ отцомъ моимъ Григ. Андр. Полетикою собранныя и одному мнѣ изъ сыновъ его отказанныя, а мною послѣ него умноженныя, отказываются и мною одному-жъ сыну моему Григорію. Если-же онъ не женатъ или бездѣтенъ умретъ (что и случилось), то можетъ оную отказать меньшему сыну моему, а своему брату, Василію Полетикѣ, а сей тому изъ наслѣдниковъ своихъ, кто лучше оную въ свою и общую пользу употребить можетъ Я сверхъ сего желалъ бы, чтобы сіе книгохранилище было въ родѣ моемъ не только

Такихъ гигантскихъ кедровъ, какіе осѣняли этотъ почтенный домъ, я не видѣлъ нигдѣ въ Малороссіи ни прежде, ни послѣ. За ними, по склону, къ омывавшему садъ и нынѣ высохшему пруду, расходились радіусами короткія, но страшно высокія липовыя аллеи. Верхушки деревъ сплетались и солнечный свѣтъ дробился въ просвѣтахъ круглыми пятнами. Въ сторонѣ, болѣе низкой массой, разстилалась зелень фруктоваго сада. По стѣнамъ дома вился полузасохшій виноградъ, какъ говорили мнѣ, очень тонкихъ сортовъ, о возрастѣ котораго можно было судить по толщинѣ сучьевъ. Культура и тутъ, по мысли старыхъ хозяевъ усадьбы, какъ въ сферѣ духовной такъ и физической, могли вызвать къ жизни все полезное въ этомъ краѣ. Въ промежутки деревьевъ виднѣлись луга надъ Сулой, когда то здѣсь многоводной и чистой, а теперь высохшей и заросшей. На сѣверъ земли Полетикъ соприкасались съ маіоратнымъ имѣньемъ графовъ Головкиныхъ (бывшимъ Мазепы), Константиновомъ.

Въ двухъ шагахъ отъ усадьбы стоитъ сельская церковь, въ оградѣ которой находится могила Вас. Григ. Полетики, ря-

---

для умнѣйшихъ и достойнѣйшихъ потомковъ моихъ наслѣдственнымъ, но и будучи отъ времени до времени, при невозбранномъ чтеніи и употребленіи книгъ и рукописей ими и даже посторонними людьми и при исправномъ и цѣлостномъ однакожъ возвращеніи ихъ всегда въ оное, умножаемо всѣми ими, такъ сказать, семейственнымъ и общественнымъ, хранилищемъ ихъ душевной пищи, просвѣщенія и нравственности, въ которомъ они, взирая на ликъ перваго основателя онаго, безсмертнаго въ родѣ нашемъ и незабвеннаго въ отечествѣ своемъ Малой Россіи отца моего, а ихъ дѣда Григорія Андреевича Полетики, назидаться будутъ изъящными его добродѣтелями и воспламеняться истинною любовію къ отечеству и согражданамъ, прославившимъ имя его въ свѣтѣ, но не воздвигшимъ еще ему никакихъ тлѣнныхъ, кромѣ вѣчныхъ на благодарныхъ сердцахъ достойнѣйшихъ соотчичей его памятниковъ. Мнѣ кажется, что священная тѣнь его будетъ тамъ находиться между потомками его, оживотворяя и поощряя ихъ къ великимъ дѣяніямъ".—Это любимое дѣтище В. Г. Полетики не просуществовало въ своемъ полномъ составѣ послѣ его смерти (1845 г.) и десяти лѣтъ. Купленный мною остатокъ ея въ нѣсколько сотъ томовъ, преимущественно періодическихъ изданій, пожертвованъ мною Кіевской Публичной Библіотекѣ. Имѣнія Полетикъ, розоренныя послѣ смерти Вас. Вас. опекой, распроданы нынѣ по частямъ, въ томъ числѣ и усадьба въ с. Коровинцахъ. Эта старинная и просвѣщеннѣйшая въ томъ краѣ фамилія исчезла оттуда, и новое поколѣніе дворянъ совершенно иного типа, не знаетъ и не помнитъ ея заслугъ.

домъ съ могилой его жены. Въ духовномъ завѣщаніи онъ велѣлъ похоронить и погребсти себя съ величайшей простотой и желанье его исполнено. Надъ нимъ высится длинная земляная насыпь, на которой лежитъ чугунная доска. На доскѣ, послѣ именъ и годовъ, читаемъ сочиненную имъ надпись:

Отечество, воззри! здѣсь сынъ твой погребенъ;
Любя тебя онъ жилъ. Въ семъ гробѣ теперь онъ.

Мысль, что я стою надъ могилою автора „Исторіи Русовъ“ не оставляла меня. Пусть ложна идея этой книги, идея отождествленія стараго козацкаго порядка съ понятіемъ о „вольности“ и взглядъ на представителей „старины“ какъ на творцовъ „самобытности“. Наука и факты исторіи выяснили фальшь этого взгляда, показали истинный характеръ малороссійской исторіи и ея демократическія начала. Но за этой книгой остается горячая любовь къ родинѣ, живость и блескъ разсказа, подробности, взятыя изъ неписанныхъ источниковъ и преданій, которыя служили подспорьемъ цѣлой серіи историковъ. За авторомъ неотъемлемо остаются возвышенность мысли и талантъ,—и эти черты сохранятъ навсегда „таинственной книгѣ“ ея историческое значеніе.

В. Горленко.

Псарь Севастьянъ.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Хороша Малороссія въ лѣтнюю пору; хороша подъ осень, когда пожелтѣвшій листъ придаетъ особую красу деревьямъ; хороша и зимой, когда предъ вами разстилается безпредѣльная даль открытаго поля, кой-гдѣ отѣненнаго синевой лѣсовъ, селъ, хуторовъ и хуторковъ. Хороша она во всѣ періоды года; но въ особенности хороша весной, когда свѣжая зелень покрыла поля, когда лѣсъ началъ одѣваться, и рѣки, выступивъ изъ своихъ береговъ, разлили воды и стоятъ, какъ зеркало недвижимою гладью. Особенно величественно въ эту пору Приднѣпровье: лодочки рѣютъ въ дали; на луговой сторонѣ избенки позалиты водой подъ самыя крыши; видны только верхушки деревъ, точно кусты на зеркальной поверхности водъ. А за этой гладью далеко, далеко, чорная, какъ ночь, полоса: то лѣсъ и гора по ту сторону Днѣпра. Катитъ Днѣпръ свои воды въ даль безпредѣльную, къ морю глубокому, и не вернется къ нему ни одна волна, ни одна струя! А онъ, кормилецъ, раскинулъ величаво свои воды въ ширь, какъ гривой трясетъ волнами своими и принимаетъ въ свои объятія, словно дѣтей своихъ, Пселъ и Сулу. А сколько на этомъ пространствѣ реченокъ слилось и образовало острова и островочки; сколько заливовъ, полныхъ рыбы! Сколько звѣрья въ лѣсахъ, окруженныхъ водою, и перелетныхъ птицъ!... Роскошь охотнику!

Домъ бабушки-генеральши на горѣ, надъ самой Сулой, во время разлива представлялъ оживленную картину. Съ третьяго этажа въ ширь и въ даль видно, сколько она захватитъ. Нѣтъ предъ нимъ ни горы, ни лѣса дремучаго: съ одной стороны безпредѣльное море воды, съ другой—открытое поле то рѣетъ бархатомъ зеленой озими, то перемежается черною пахотью. У самаго дома бѣготня прислуги, веселый говоръ, крикъ суетливаго приказчика, а у берега рѣки—цѣлая флотилія: нѣсколько большихъ лодокъ совершенно готовы къ отплытію, гребцы на своихъ мѣстахъ, невода, ружья, гончія, лягавыя собаки, псари—все уже готово. И смѣхъ, и говоръ, и развеселыя шутки, и визгъ собакъ, и плескъ волны о борта лодки,—все слилось въ одинъ звукъ; всѣ чувствуютъ себя хорошо, свободно; даже псарь Севастьянъ, обыкновенно только въ лѣсу заливавшійся звонкой пѣсней, теперь весело поглядывалъ и улыбался.

— Что, Савоська, небось соскучился? Радъ, что вывелъ дѣтокъ погулять?—

Савоська, не отвѣчая на вопросъ, погладилъ по головѣ одного пса, оскалившаго къ нему свои зубы, вѣроятно тоже отъ радости; другому, нетерпѣливо визжавшему, сочувственно заглянулъ въ глаза, и самъ, горя нетерпѣніемъ, перемѣнилъ свою веселую улыбку, апатично сплюнулъ и, какъ бы нехотя, вынулъ трубку и закурилъ. А въ это время господа уже сходили съ крыльца. Двѣ лодки нагрузили собаками, въ другія двѣ усадили господъ, двѣ—заняли люди, необходимые для охоты и рыбной ловли, и наконецъ еще въ двѣ сложили невода, сѣти, провизію. Всѣ разомъ отчалили, всѣ разомъ ударили веслами, и дружная пѣсня эхомъ своимъ отдалась по лугамъ, понеслась волною вдоль по рѣкѣ. Подулъ слегка попутный вѣтерокъ, распустили паруса и при помощи веселъ понеслись быстрѣе птицы. Часъ спустя причалили къ обширному острову, покрытому густымъ лѣсомъ. Кучи валежника, громоздясь одна на другую, въ иныхъ мѣстахъ дѣлали лѣсъ непроходимымъ: овраги, рытвины, полусвалившіеся громадные вѣковые дубы, зеленыя ели, бѣлокудрявыя березы слились своими вѣтвями; на нихъ еще ни листочка, но среди лѣса тѣнь. Вѣ-

теръ не шелохнетъ, и самый высокій дубъ не шевельнетъ своими вѣтвями; только изрѣдка мертвая тишина нарушается плескомъ волны, и то у берега, да подъ часъ крикъ журавля или перелетнаго гуся пронесется по воздуху. Взглянете вы—плывутъ странники повыше дубовъ могучихъ; нѣтъ имъ преграды, не достать ихъ пулей, и никому не посягнуть на ихъ вольную волю.

Лодки съ собаками должны были обогнуть островъ и, приставъ у крутого берега со стороны Днѣпра, выгрузиться; остальные всѣ причалили къ отлогому берегу съ противоположной стороны острова. Картина острова быстро измѣнила свой видъ: люди, молча, не производя ни малѣйшаго шума, разбивали палатки, выносили изъ лодокъ складные стулья, столы, ковры; рыболовы разбирали сѣти, забрасывали ихъ въ заливъ; поваръ уставлялъ походную желѣзную печку, поваренокъ разбиралъ кастрюли; кто чистилъ, кто заряжалъ ружье. Здѣсь уже всѣ смѣшались и перемѣнились до того, что только по костюмамъ можно было отличить баръ. У всякаго было свое дѣло, и только Андрей Романовичъ похлопывалъ самъ себя по рукамъ ниже плечъ и, почесывая съ наслажденіемъ въ затылкѣ, суетился около повара: воображаемая уха съ жирными животрепещущими окунями уже рисовалась ему въ тарелкѣ и разливала свой ароматъ у самаго носа. Андрей Романовичъ былъ лакомка и такъ любилъ покушать, что за тарелку лакомаго блюда отдалъ бы все и даже кучу своихъ дѣтокъ, въ которыхъ бабушка-генеральша не чуяла души. Андрей Романовичъ отошелъ было уже совсѣмъ отъ повара; но потомъ, что-то вспомнивъ, вернулся назадъ. „А что, Лобко, если попадется щука икрянка! Смотри, приготовь икорку съ перчикомъ, съ лукомъ и сдѣлай ксеники подъ соусъ!.. Эхъ, судакъ хорошо-бы подъ яички съ масломъ!“—добавилъ онъ. Конечно, не пересказать намъ всѣхъ любимыхъ блюдъ его, и долго бы пришлось повару выслушивать и наблюдать, какъ Андрей Романовичъ смаковалъ въ своемъ воображеніи,—но вдругъ по ту сторону острова раздался рогъ Севастьяна и пронесся въ воздухѣ надъ самымъ ухомъ Андрея Романовича. То былъ сигналъ стрѣлкамъ занимать

свои мѣста. Въ минуту всѣ бросились къ лѣсу, а на берегу остались только любители рыбной ловли да поваръ съ поваренкомъ.

Севастьянъ всегда угрюмый, всегда суровый, былъ ласковъ только среди своей собачьей семьи, да среди суроваго, угрюмаго лѣса, гдѣ онъ чувствовалъ вполнѣ свою свободу, гдѣ онъ сознавалъ себя старше всѣхъ, гдѣ ему никто, и даже самъ Андрей Романовичъ, не смѣлъ ничего указать. А какая у него послушная стая, какъ они всѣ до одной идутъ за нимъ смирно; ни одна не выкажетъ своего жгучаго нетерпѣнія; и пока Севастьянъ не крикнетъ, пока его голосъ не отдастся эхомъ по лѣсу, пока, взвизгнувъ въ воздухѣ, не щелкнетъ его кнутъ,—до тѣхъ поръ ни одна не пойдетъ, хотя-бы звѣрь передъ носомъ порвался. Севастьянъ зналъ, куда подвести стаю, и насадилъ ее прямо на матку. Соловей первый подалъ голосъ, къ нему подвалили всѣ остальные; голоса слились въ одинъ непрерывный звукъ и погнали цѣлое гнѣздо волковъ, выставивъ ихъ прямо на стрѣлковъ. Пальба сдѣлалась общая. Севастьянушка метался по лѣсу съ неутомимымъ проворствомъ, крикомъ своимъ подохочивалъ стаю, обнадеживалъ охотниковъ: у каждаго изъ нихъ трепетала душа; но стая перевалила за ручей сажень въ пять ширины; ручей этотъ огибалъ самую густую часть лѣса и замыкалъ ее съ трехъ сторонъ. Стрѣлкамъ стоило перейти въ сторону не болѣе двухъ сотъ саженей для того, чтобы запереть выходъ, но никто не сообразилъ, а Севастьянушка далеко поотсталъ отъ стаи, и хотя сразу сообразилъ, что стая осадила волка, но густой лѣсъ, перевитый хмелемъ и лозой, затруднялъ ему путь. Къ счастію, онъ попалъ на тропинку и, упираясь на длинный шестъ, дѣлалъ неимовѣрно широкіе прыжки. Тропинка, впрочемъ, шла не къ выходу изъ острова: онъ очутился у ручья и былъ совершенно отрѣзанъ отъ стаи. Попробовалъ шестомъ—глубоко; измѣрилъ глазомъ—широко и быстрое теченіе. Плюнулъ, перекрестился, вынулъ изъ кармана трубку, заворотилъ ее въ кесетъ съ табакомъ, ощупалъ, тамъ ли огниво и трутъ, наскоро обвилъ кесетъ снуркомъ и со всего размаху швырнулъ на ту сторону ручья, замѣтивъ, гдѣ

кесетъ упалъ, отошелъ шаговъ на десять и, разбѣжавшись, изо всѣхъ силъ уперся шестомъ и сдѣлалъ гигантскій прыжокъ, но не дохватилъ до противоположнаго берега на цѣлую сажень. Берегъ былъ не глубокъ, и хотя воды было ему по поясъ, но кожаный костюмъ, сшитый вмѣтѣ съ сапогами, предохранилъ его отъ мокроты. Дѣло минуты—и Севастьянъ на берегу. Стая валила прямо на него; услыхавъ его голосъ, она ободрилась и тутъ же на виду всѣхъ стрѣлковъ осадила сѣраго. Севастьянушка—на него верхомъ; въ одну минуту схватилъ его за уши, палку въ зубы, надѣлъ намордникъ, связалъ ноги и тогда уже отбилъ разъяренную стаю.

Къ вечеру картина острова, гдѣ расположился охотничій лагерь, опять измѣнилась: въ воздухѣ была такая теплота, что, не смотря на близость воды, сырость совсѣмъ не чувствовалась; притомъ же натаскали такъ много валежника, что костры не погасали далеко за полночь. Прежде всего Севастьянъ позаботился о своихъ дѣткахъ и, накормивъ ихъ до сыта, уложилъ на заранѣе приготовленной соломѣ, оставивъ и для себя мѣстечко. Всего народа, не считая господъ, понабралось человѣкъ тридцать. Выпивъ изрядную порцію водки, всѣ съ наслажденіемъ принялись за ужинъ, позабывъ о приключеніяхъ дня, не смотря на то, что почти на долю каждаго выпалъ какой нибудь случай; разсказать о немъ такъ и забирало нетерпѣніе, но боясь поотстать отъ другихъ, всѣ поспѣшали управиться прежде съ вечерей и потомъ уже, коли въ моготу будетъ, потѣшить себя и другихъ, прихвастнувъ удалью и небывалою находчивостію. Одинъ Севастьянъ не думалъ о своихъ подвигахъ: онъ коли что и дѣлалъ, то единственно самъ для себя, да чтобъ помочь дѣткамъ-собачатамъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ все скитался по лѣсамъ: захватитъ, бывало, на людской ковригу хлѣба, да съ ней и пробавляется цѣлую недѣлю въ лѣсу; совьетъ на дубѣ гнѣздо, укроется его широкими листьями, тамъ и проведетъ ночь. Зато видитъ онъ, куда выходитъ звѣрье и чѣмъ пробавляется; видитъ какъ волчица учитъ своихъ молодыхъ дѣтенышей добычу терзать, и когда начнетъ старый волкъ выть, онъ ему въ тонъ вторитъ, да такъ удачно,

что коли вздумаетъ потѣшиться и начнетъ первый подвывать, все гнѣздо взбудоражитъ, и подымутъ тогда такую пѣсню, что у другаго волосы дыбомъ встанутъ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало. Долго мучился съ нимъ приказчикъ: нѣтъ ему удержу, ни къ какому дѣлу не хочетъ сноровки взять; зато едва псарь собралъ стаю, Савоська уже впереди его съ шестомъ ковыляетъ: потянулъ прямо къ лѣсу. „Ну, быть тому такъ!“—и назначилъ его въ помощники къ псарю. Сшили ему сапоги, куртку одѣли, а въ осень, когда ушли въ отъѣзжее поле, Савоська такъ показалъ свою удаль, что въ тотъ же годъ поручили ему всю стаю. Пріобрѣтши самостоятельность, Савоська больше ничего не желалъ: весь идеалъ его жизни былъ въ его рукахъ. Характеры, подобные Савоськину, во время крѣпостнаго права—явленіе обыкновенное; формировались они подъ разными впечатлѣніями, но больше всего подобными эксцентричностями отличались незаконно съ господами прижитыя дѣти. Выростали они среди дворни, почти безъ материнскаго ухода; за ними ухаживала сама ихъ горькая судьба; отъ всѣхъ пинки, толчки дѣлали ихъ выносливыми, до крайности терпѣливыми. Выбившись изъ дѣтскаго возраста и почувствовавъ въ себѣ кой-какую силушку, они уединялись, сначала, прячась по огородамъ, расхищали въ садахъ овощи; ихъ ловили, задавали имъ порку. Вытерпѣвъ безъ крика, пересчитавъ отъ перваго до послѣдняго всѣ удары и освободясь изъ рукъ тирана, мальчуганъ подымалъ свои ноги и летѣлъ черезъ канавы, черезъ плетни, набитые колючимъ терномъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принимался за то же дѣло въ другомъ огородѣ. Таковъ былъ и Савоська въ дѣтствѣ, и былъ такимъ до тѣхъ поръ, пока не поручили ему стаи, пока не почувствовалъ онъ своей самостоятельности. Получивъ стаю въ свое независимое распоряженіе, онъ сразу почувствовалъ себя собственникомъ и понялъ, какъ жаль своего нажитого. А онъ дѣйствительно пріобрѣлъ стаю своимъ трудомъ! Развѣ мало стоило ему силы, труда и здоровья, пока онъ усвоилъ всѣ сноровки, пока изучилъ привычки звѣря до того, что сразу угадаетъ, гдѣ онъ залегъ и куда пойдетъ, на случай его тронуть? И вотъ именно только теперь Савоська почувствовалъ призваніе къ

жизни, теперь полюбилъ ее вполнѣ и сталъ дорожить ею. Лѣтомъ, когда охота съ гончими невозможна, никто не смѣетъ послать Савоську никуда и никто ничего ему указать не можетъ,—онъ самъ себѣ господинъ. Соберетъ стаю и чинно, выстроивъ всѣхъ попарно, поведетъ къ лѣсу на выводку, и пока дѣти потѣшаются, онъ лазитъ по гнѣздамъ, подбираетъ яйца дикихъ голубей, а иногда взберется на вершину самаго высокаго дуба, что повыше всѣхъ въ лѣсу, и глядитъ—не наглядится на Божій міръ и дивуется всему, что для него въ немъ не разгадано. Слѣдитъ онъ за тучами, откуда и куда ихъ несетъ; любуется звѣздами, блѣдной луной... И что это на ней за пятна такія? И вспоминаетъ разсказъ стараго кучера, какъ Каинъ Авеля убилъ. И тутъ же приходитъ къ убѣжденію, что въ назиданіе всѣмъ людямъ Богъ изобразилъ эту картину на лунѣ. Приходятъ ему затѣмъ въ память всѣ муки, какія онъ въ дѣтствѣ вынесъ на своемъ тѣлѣ отъ истязаній ему же подобныхъ людей, и терзаетъ его мысль, почему это люди не слушаютъ Бога и безжалостно одинъ другого терзаютъ? И какъ же это такъ у всѣхъ есть родня, а онъ одинъ среди всей дворни не знаетъ ни отца, ни матери! Вотъ щенята—и тѣ родятся! Гдѣ же это я взялся?—думаетъ Савоська и отворачивается теперь отъ всѣхъ людей, такъ точно, какъ въ былое время его никто не хотѣлъ знать.

Пріѣзжіе господа на время охоты всегда вознаграждали Савоську за его усердіе. Собралъ онъ себѣ рублей тридцать чистыми рублевиками; никогда не издерживая ни на что ни одного гроша, онъ считалъ себя богачемъ. „Для чего мнѣ такое богатство?“ думалъ часто Савоська: „самъ я на свѣтѣ одинъ одинешенекъ!“

Дѣйствительно, Савоська былъ совершенно одинъ. На псарнѣ, у Персиковой могилы, съ версту отъ селенія онъ жилъ одинъ; никто къ нему не заходилъ, никто не звалъ его къ себѣ ни въ праздникъ, ни на крестины. Сходитъ бывало во дворъ, получитъ провизію для себя и для дѣтокъ собачатъ, а больше ему что? Разъ Савоська шелъ черезъ черный дворъ; смотритъ—у корыта между свиней малая дѣвчонка, лѣтъ трехъ, тягаетъ

своими пальчиками помои—и все въ ротъ: поймаетъ кусокъ сухаря и смокчетъ его съ наслажденіемъ; свинья осерчаетъ—она ее палочкой по рылу; кой-какъ помирятся—и сыты оба. Савоськѣ такъ и представилась вся его дѣтская жизнь, когда онъ пробавлялся помоями, ползая промежъ свиней, пока наконецъ въ силу убрался.

„Чья ты?“—„Не знаю!“—„А кто твоя мама?“—„Не знаю!“—„А тато?“—„Не знаю!“—„Какъ тебя звать?“—„Не знаю!“—былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Савоська, у котораго никогда ни одна слезинка не являлась на глазахъ, на этотъ разъ залился горючими. Онъ схватилъ къ себѣ на руки дѣвчонку, прижалъ къ своей груди и, осыпая ее горячими поцѣлуями, унесъ къ себѣ на псарню. Бѣдное дитя все думало, что онъ ее будетъ бить, и отъ страха дрожало: невѣдомые и никогда ни отъ кого не получаемые поцѣлуи она считала за угрозу. Савоська шелъ быстро, какъ только могъ, и скоро очутился въ своей землянкѣ на псарнѣ. Дѣвочка все еще не понимала, что съ ней будетъ, и вся дрожала, пока Савоська началъ гладить ее по головкѣ, облѣпленной струпьями. Пріятное ощущеніе вызвало на ея лицѣ улыбку, и она мало по малу успокоилась. Полно, сказалъ Савоська, пробавляться помоями! будетъ съ тебя! И съ тѣхъ поръ, какъ дѣвчонка получила пріютъ, Савоська почувствовалъ, что онъ не одинъ на свѣтѣ и что, кромѣ дѣтокъ-собачатъ, у него есть еще дитятко, которому принадлежитъ вся его жизнь.

Прошло много лѣтъ со времени описанной мною сцены на чорномъ дворѣ, а между тѣмъ никому и на мысль не приходило спросить, куда дѣвалась дѣвчонка; никому и дѣла до нея не было, и только у Савоськи щемило по ней сердце, когда онъ оставлялъ ее одну одинешеньку на псарнѣ, уходя въ отъѣзжее поле, особенно въ первые годы, когда она еще не могла сама о себѣ промышлять. Приготовитъ, бывало, ей хлѣба и воды дней на шесть, поставитъ соли на прилавочекъ, подопретъ ворота, да такъ съ Богомъ и оставитъ дитятко одно одинешенько—и хранитъ его милосердный Творецъ, и ростетъ оно, развивается, красуется, какъ маковъ цвѣтъ, утѣшаетъ Савоську; ждетъ его, какъ ясное солнце, и знаетъ, что только и есть ихъ

двое на всемъ бѣломъ свѣтѣ, одно другому дорогихъ, и что никто, кромѣ собачатъ, о нихъ не потужитъ, а коли и вспомнитъ кто, то развѣ охотники пожалѣютъ о Савоськѣ, какъ о славномъ псарѣ, какого врядъ ли послѣ него скоро можно будетъ нажить.

Пока прислуга заканчивала свой ужинъ, въ палаткѣ, убранный коврами, шла оживленная бесѣда; одинъ Андрей Романовичъ не принималъ въ ней участія,—все его вниманіе было обращено на столъ, уставленный закусками, къ которымъ еще никто не прикасался, но запахъ ихъ уже носился въ воздухѣ и возбуждалъ аппетитъ. Въ палаткѣ шла оживленная бесѣда, а Савоська лежалъ уже на мягкой соломѣ, дѣтки-собачата обогрѣвали ему спину. Хотя послѣ купанья онъ сдѣлалъ изрядный моціонъ, но все же дрожь пробирала его, усталость брала свое, и сонъ одолѣвалъ, а мысли стремились на псарню, гдѣ осталось его ненаглядное дитятко; и хотя онъ былъ совершенно покоенъ, такъ какъ теперь она уже не малый ребенокъ — ей уже пятнадцать годковъ, красива, свѣжа, русые кудри роскошно вьются и нѣтъ на головѣ ни струпика, нѣтъ ничего, что бы ее безпокоило и производило зудъ,—но все же Савоська не могъ уснуть, не подумавъ, какъ она одна одинешенька проведетъ ночь.

II.

Въ то время, когда рѣшеніе крѣпостнаго вопроса подготовлялось, когда въ умахъ народа уже бродила неясная идея воли, Савоська все еще жилъ на псарнѣ у Персиковой могилы. Дитятко его красовалось предъ нимъ въ полномъ цвѣтѣ роскошной юности, и не было у нихъ мысли о другой лучшей волѣ, чѣмъ та, какою они пользовались. И не было красивѣй во всемъ селеніи дѣвки, какъ Мотря, его ненаглядное дѣтище. Но нѣтъ такихъ радостей, которыхъ бы не смѣнило горе! Злое—оно всегда подкрадывается потихоньку, особенно тамъ, гдѣ его совсѣмъ не ждутъ! Еще съ осени баринъ задумывалъ поумень-

шить стаю; но все не рѣшался, и только когда пріѣхалъ старшій его сынъ, горный инженеръ, посовѣтовались они, поговорили о предстоящихъ реформахъ и рѣшили положить конецъ всему, что влекло за собой лишній расходъ.

Иногда день начинается хорошо, а оканчивается очень скверно: солнышко ярко взошло, освѣтило поля и луга, играетъ по снѣгу тысячью переливовъ; безпредѣльная бѣлая степь раскинулась гладью широкой; не шелохнетъ вѣтеръ: тишина... только поскрипываетъ на морозѣ снѣгъ подъ ногами, да иногда вдалекѣ каркнетъ ворона и эхо огласитъ окрестность. Гляди, къ вечеру небо покрылось тучами—и пошла по полю заверюха: куралеситъ, крутитъ, пуще голоднаго звѣря реветъ. Такъ бываетъ и въ жизни: все идетъ хорошо, да потомъ сразу невзгода за невзгодой; такъ съ ней и въ могилу пойдешь! Жилъ Савоська на псарнѣ тридцать лѣтъ, дитятко взростилъ, сколько собачатъ воспиталъ—и не зналъ никогда никакого горя! Вдругъ ночью вся стая вой подняла; да какую же тревогу въ сердцѣ бѣднаго Савоськи заронила! Ужъ онъ и грозилъ, ужъ онъ и трубилъ и Мотря къ нимъ выходила,—нѣтъ, до самаго свѣта тревога. Едва разсвѣло, спѣшно Савоська одѣлся, умылся и вышелъ осмотрѣть вокругъ—не былъ ли ночью гдѣ звѣрь? Но слѣдовъ никакихъ; даже зайчикъ нигдѣ не прошелъ. Стосковался Савоська. Не пошелъ обратно на псарню, а во дворъ—разузнать, не стряслась ли тамъ какая бѣда. Онъ такъ вѣрилъ въ дурное предчувствіе своей стаи, что никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобы она напрасно вой подняла.

Вечеромъ въ ту самую ночь молодой баринъ-инженеръ долго не могъ уснуть и позвалъ Вавилку лакея, теперь уже взрослаго парня, друга своего дѣтства. Часто говорятъ: что́ можетъ быть общаго между людьми разнаго образованія, да еще, если положеніе въ свѣтѣ совершенно различно? Не говорите этого! Люди, у которыхъ одно общее прошлое, всегда довольны встрѣчей, какая бы между ними ни была разница, и только надменные педанты, заносчивые гордецы отворачиваются отъ друзей своего дѣтства, а нашъ герой былъ не того пошиба человѣкъ. Молодые люди того времени пробовали уже попадать

въ тонъ либеральному направленію, а въ виду близкой реформы даже необходимо было призапастись друзьями изъ крестьянскаго сословія; притомъ же Вавилко не былъ такой дуракъ, чтобы не нашелъ чѣмъ поразвлечь молодого своего барина. Молодые офицеры очень часто наѣзжали къ нимъ, и Вавилка до тонкости изучилъ всѣ ихъ привычки и съ первыхъ же словъ угадывалъ дальнѣйшее направленіе разговора. Съ молодымъ своимъ барином онъ отъ души желалъ задушевной бесѣды.

Тащи-ка, Вавилка, сюда свой тюфякъ, да ложись вонъ тамъ у печки, будетъ потеплѣй! Да разскажи мнѣ кой-что!

Вавилка спѣшно втянулъ матрацъ и швырнулъ его къ печкѣ. Цыновочной пылью пахну́ло въ лицо молодого барина, да и сапоги издавали не совсѣмъ пріятный запахъ, а когда онъ развернулъ онучи и потянулъ на себя вмѣсто одѣяла старую дубленку,—ароматъ превзошелъ ожиданія. Однако носъ, какъ и всѣ прочіе органы, имѣетъ способность скоро свыкаться со всякой всячиной, а такъ какъ бесѣда обѣщала быть пріятной, то молодой баринъ охотно покорился нѣкоторымъ неудобствамъ.

— Ну! Какъ же ты поживаешь?—

„Ничего съ! днемъ, какъ видите!... поуберемся, поуправимся, а вечеромъ, когда господа поуснутъ, развлеченіе находимъ“.

— Какія же это у васъ тамъ развлеченія? —

„Всякія есть! иногда и музыка играетъ, дѣвки поютъ, а изъ насъ, кто молодецъ—комаринскаго!“

— А хорошія есть у васъ дѣвки?—

„Всякія есть!“

— А правда, что у васъ, говорятъ, съ дѣвками вольно?—

„Бываетъ! отчего-жъ! Только у насъ больше все со скромностью,—баловства никакого!“

— Шутишь, Вавилка! этому я не повѣрю!—

„Истинную правду вамъ говорю! на этотъ счетъ у насъ строгость большая“.

— А скажи, Вавилушка, есть у васъ хорошія дѣвки?—

„У, просто какъ маковъ цвѣтъ! что твоя малина!“

— Знаешь, Вавилушка! когда будутъ у васъ вечерницы, сведи меня!—

„Что вы! всѣ дѣвки поразбѣгутся!“

— Зачѣмъ? я одѣнусь парнемъ, а ты скажешь, что это пріѣзжаго барина кучеръ.—

„Обойдемся и безъ этого!... Есть у меня, баринъ, для васъ припасенъ гостинецъ, но только сплоха его не достать! не тѣ времена настали! Вотъ еслибы годика два раньше, силой бы сюда къ вамъ въ самыя хоромы притащилъ!“

— А какъ же ты говоришь, припасена! значитъ можно?

„Ни Боже мой!“...

— Эхъ ты, Вавилушка! если бы ты меня любилъ, я знаю не посмотрѣлъ бы ни на что! Вспомни-ка, какъ бывало, еще въ дѣтствѣ, сколько ты разъ мнѣ клялся, что на все для меня готовъ и никогда меня не забудешь!... А вотъ теперь то совсѣмъ не то выходитъ! Я тебя прежде вспомнилъ! И въ письмахъ бывало всегда спрашиваю: а что? каково Вавилка поживаетъ?—

„Ну да что жъ, бариночекъ мой, коли тамъ такъ ничего не подѣлаешь! Надо хитрость какую продѣлать. Дѣвка строгая, на вечерницы не ходитъ, а на домъ къ ней не доберешься! Псарня заѣстъ! Только крикнетъ Савоська, въ куски разметаютъ!“

— Да развѣ она на псарнѣ?—

„Пріемышъ Савоськи. За дочку принялъ“.

— И хороша?—

„Не то въ селѣ, а всю окружность исходи, не найдешь, чтобы и близко поставить... одно слово—красавица!“

Долго еще длилась бесѣда на эту тему; много разныхъ плановъ строили, но ни къ какому не пришли рѣшенію, только все больше и больше разгоралось воображеніе страстнаго юноши. Уже и Вавилка уснулъ, уже и храпъ его покрывалъ всѣ прочіе звуки, а молодой баринъ все повертывался съ боку на бокъ, а передъ нимъ такъ и играетъ образъ красавицы Мотри.

Вотъ почему, когда Савоська пришелъ во дворъ, молодой баринъ еще спалъ. Видитъ Савоська, что все во дворѣ благополучно, еще больше стосковался, ума не соберетъ, для чего всю ночь стая держала тревогу.

Андрей Романовичъ любилъ охоту, любилъ хорошую стаю, любилъ Савоську за его удаль; но наступало время, когда надо было положить конецъ всей барской роскоши, надо было если не совсѣмъ уничтожить, то хотя на половину уменьшить стаю. Онъ зналъ, что Савоська сильно возстанетъ; но разъ принявъ рѣшеніе, не хотѣлъ отступать, и потому былъ радъ, увидавъ Савоську въ окно. Правду сказать, когда вышелъ къ нему Савоська, онъ не безъ волненія передалъ ему свою волю, даже слезы навернулись на глаза; но Андрей Романовичъ упорно выдержалъ устремленный на него взглядъ Савоськи и подтвердилъ приказаніе сегодня же покончить со стаей.

Ни шерстинки!—сказалъ сердито Савоська. Кто бы ни пришелъ на псарню!... Съѣдятъ... Съѣдятъ!... Самъ прежде повѣшусь!... И, не обращая вниманія ни на какіе резоны Андрея Романовича, поворотился и ушелъ, повторяя „ни шерстинки“!...

Андрей Романовичъ былъ очень радъ такому строгому отпору со стороны Савоськи. Между тѣмъ Савоська, разгадавъ причину, для чего стая била всю ночь тревогу, пошелъ обратно съ твердой рѣшимостію не дать ни одной шерстинки; но все же тревожное его состояніе усилилось до того, что когда онъ пришелъ на псарню, лицо его сильно измѣнилось, а когда онъ снялъ шапку, то Мотря увидѣла его голову замѣтно побѣлѣвшею. Узнавъ въ чемъ дѣло,—Мотря тоже призадумалась, и совершенно напрасно, потому что молодой баринъ передумалъ и просилъ отца не уничтожать стаю до его отъѣзда, и тутъ же сказалъ, что поѣдетъ осмотрѣть псарню и утѣшить Савоську.

Пріѣздъ молодого барина на псарню былъ совершенно неожиданнымъ для обоихъ жильцовъ. Молодой баринъ не мало удивился аккуратности и чистотѣ, какая, видно, давно была заведена въ крошечной норѣ, гдѣ едва помѣщался большой сундукъ, служившій вмѣстѣ столомъ, а по сторонамъ стояли двѣ лавки, замѣнявшія кровати, чисто содержимыя. На стѣнахъ не было ни иконъ, ни картинъ. Савоська сидѣлъ у стола, облокотясь на руку; лицо его, полное печали, казалось мрачнѣе ночи. Мотря стояла у окна. Шитые рукава тонкой сорочки, поднятые къ локтю, обнаруживали прекрасной формы бѣлую руку; пре-

лестные глаза, черная коса, лицо бѣлѣе мрамора, съ легкимъ оттѣнкомъ румянца,—все представляло типъ совершенной красавицы; шитая плахта обхватывала стройный ея станъ и обнаруживала правильность всѣхъ остальныхъ ея формъ. Я думаю, что такая обстановка Савоськиной норы удивитъ и читателя, особенно, если онъ вспомнитъ Савоську въ прежніе годы, когда еще у него небыло дѣтища ненагляднаго, пока его дѣтище не вошло въ силу и не стало ему въ помощь. Какъ только Савоська сталъ не одинъ на бѣломъ свѣтѣ, а, кромѣ дѣтокъ-собачатъ, стала у него Мотря, онъ еще больше началъ копить и сберегать даренныя деньги пріѣзжими господами; часто и лисьи, и заячьи кожи оставались у него,—онъ ихъ берегъ, лѣтомъ выдѣлывалъ и, когда Мотря стала уже взрослой дѣвкой, такую сшилъ ей кожушанку, что любой барынѣ въ пору; а денегъ, всѣ говорили, у Савоськи не перечесть; гляди, если не болѣе тысячи будетъ!

Молодой баринъ еще не разсѣялъ впечатлѣній ночи, произведенныхъ разсказами Вавилки, и вдругъ видитъ предъ собой Мотрю, красавицу, какой еще никогда не видалъ. Дѣйствительно, Мотря была красавица. Только малороссійская природа могла копировать такіе типы. Юноша таялъ, дрожалъ и почти съ трепетомъ сообщилъ Савоськѣ, что стая не будетъ уничтожена никогда. Хотя извѣстіе насчетъ отмѣны жестокаго уничтоженія дѣтокъ-собачатъ утѣшило Савоську, но какое то тяжелое предчувствіе смущало его душу. Всѣ ласки, какія оказалъ ему молодой баринъ, казались недобрыми, всѣ взгляды, какими онъ надѣлялъ Мотрю, казались ему слишкомъ нахальными; ревнивое сердце отца-благодѣтеля строго охраняло свое дѣтище. Молодой баринъ больше часу провелъ на псарнѣ, осмотрѣлъ собачатъ, поговорилъ съ Савоськой насчетъ охоты, потолковали, какой удобнѣе взять островъ, и рѣшили въ первый день при легкой оттепели взять „Лящевку“. Зимой рѣдко выдаются хорошіе дни для охоты; но молодого барина такое нетерпѣніе забрало, что хоть по морозу веди. Однако Савоська былъ не таковъ, чтобы пустить своихъ дѣтокъ не въ пору, и потому рѣшили ждать благопріятнаго дня и ждали ровно три недѣли; а въ это время баринъ каждый день посѣщалъ псарню; Савоська

къ нему попривыкъ и даже, коли долго барина нѣтъ, будто день не такъ начался. Мотря тоже поглядывала въ окошко, что это баринъ не ѣдетъ. Кромѣ отцовскихъ ласкъ Савоськи, она не знала другихъ, и баринъ легко заронилъ ей въ душу ту нетерпѣливую тревогу, какой бьется молодое сердце, когда къ ней съ лаской прикоснется рука молодого парня. Ни Мотря, ни Савоська не подозрѣвали злыхъ замысловъ барина. Сами они были чисты, непорочны; будучи отрѣзаны отъ всего остальнаго міра, не имѣли ни съ кѣмъ никакихъ общеній, и рука гибельнаго разврата ихъ не касалась. Дѣти природы—они жили одинъ для другого, и какъ Савоська не перенесъ бы разлуки съ Мотрей, такъ и Мотря никогда не помирилась бы съ мыслью, что у ней нѣтъ Савоськи, единственнаго ея защитника, отца и покровителя.

Я уже такъ много говорилъ о красотѣ малороссійской природы, что возвращаться опять къ ней не слѣдовало-бы, тѣмъ болѣе, что зимой среди поля мертвая тишина, а мятель наводитъ тоску, и не будь здѣсь почти во ста шагахъ отъ псарни, гдѣ жилъ Савоська, рѣки, не будь луга, красиво унизаннаго серебристымъ инеемъ, а на рѣкѣ не гуляй постоянно Мотря, конечно, взглядъ молодого барина не остановился бы нигдѣ ни на одну минуту; но при этой обстановкѣ не только природа, а рѣшительно все барину очень понравилось. Любо посмотрѣть, когда Мотря, одѣвъ свою лисью шубку, крытую синимъ сукномъ, выйдетъ на морозъ. Какая непринужденная ловкость!... Какимъ звонкимъ смѣхомъ она заливается, когда молодой баринъ упадетъ на льду и она поможетъ ему привстать! И такъ ей пріятно, такъ ей легко на душѣ... Дрожитъ молодое сердце, волнуется кровь. Но это все ничего,—пройдетъ; пройдетъ незамѣтно, и даже самъ молодой баринъ, ничего не подмѣтитъ, а если бы и подмѣтилъ, что-жъ такое, развѣ она сказала или сдѣлала что лишнее? Боже сохрани! она не позволитъ ничего ни себѣ, ни ему!... А въ это время барскія губы уже прильнули къ ея щекѣ, уже его дерзкая рука съ неделикатною вольностію вокругъ шеи обвилась. Мотря разсердилась и три дня не ходила на рѣку, а на четвертый ей такъ сдѣлалось ску-

чно, такъ душно и тяжело въ землянкѣ, что она опять пришла. Между тѣмъ молодой баринъ собрался къ отъѣзду. Вавила согласился ѣхать съ нимъ, и не смотря на то, что воля вотъ-вотъ не сегодня-завтра прикатитъ на золотомъ конѣ, онъ далъ слово молодому барину не оставлять его. Ночью, наканунѣ отъѣзда, они долго о чемъ то совѣщались.

Наступили глубокіе сумерки, а Мотря все еще не возвращалась съ рѣки. Не случилось ли что? подумалъ Савоська, взялъ шестъ, кликнулъ пару лучшихъ собакъ и пошелъ къ рѣкѣ; но къ его удивленію никого не было видно. Онъ окликнулъ—эхо ему отвѣчало и съ грустью отозвалось въ сердцѣ. Савоська спустился на рѣку, осмотрѣлъ слѣдъ, окликнулъ еще разъ, прошелъ вдоль рѣки, поглядѣлъ, нѣтъ-ли гдѣ промоины; но зима стояла холодная, ледъ на всемъ протяженіи толстъ и крѣпокъ. Не прошла ли домой тѣмъ временемъ, пока я сюда брелъ?—подумалъ Савоська и воротился назадъ; но въ землянкѣ никого не было. Что за диковина?—сказалъ онъ и пошелъ обратно къ рѣкѣ, осмотрѣлъ всѣ слѣды, — никакъ кто на саняхъ проѣхалъ. Онъ этимъ слѣдомъ дальше—и только на мягкомъ снѣгу явственно разсмотрѣлъ слѣдъ тройки въ саняхъ, но слѣдъ вышелъ на дорогу, гдѣ нельзя было узнать, куда поворотили сани. Пойду во дворъ, подумалъ Савоська; не узнаю ли тамъ, кто проѣхалъ на саняхъ и чего ему по лугамъ ѣздить. Во дворѣ Савоська на счетъ Мотри ничего не узналъ, но зато узналъ, что молодой баринъ уѣхалъ, и коли слѣдъ троичныхъ саней шелъ съ рѣки, можетъ быть, подъѣзжалъ къ Мотрѣ, да чего добраго и ее увезъ съ собой, сказалъ наугадъ старый садовникъ и покачалъ своей сѣдою головой. Савоська схватилъ себя за волосы и какъ шальной бросился вонъ изъ избы. Но куда идти, гдѣ розыскать Мотрю?... А можетъ, она возвратилась?—шепнулъ ему внутреннній голосъ, и онъ бѣгомъ пустился на псарню. Глаза его блуждали, взглядъ дикій, бѣлые волосы поднялись вверхъ, походка неровная: онъ то бѣжалъ, то останавливался, осматривался кругомъ, вглядывался въ даль,

кричалъ: Мотря, Мотря!—и опять пускался бѣжать. Въ землянкѣ на псарнѣ темно и пусто; но онъ, не довѣряя самъ себѣ, вошедши окликнулъ—молчаніе; ощупалъ постель—нѣтъ; оглядѣлъ всѣ углы—нѣтъ. Мотря, Мотря!—и упалъ безъ чувствъ. Почти за полночь онъ очнулся; сильная дрожь его пронимала,—отъ непритворенной двери вѣяло холодомъ. Онъ всталъ и притворилъ ее. Всѣ предшествующія впечатлѣнія представились въ его воображеніи. Мотря, Мотря!... и залился слезами. А въ это время вся стая начала выть и подняла тревогу, какой никогда не бывало. Савоська не выходилъ ее унимать; только на разсвѣтѣ стая утихла, и Савоська уснулъ, но не тѣмъ сномъ, что приходитъ самъ собой. Его сонъ былъ болѣзненный; онъ никогда не спалъ такимъ сномъ, а когда проснулся, далеко уже минулъ полдень. Взглядъ его дико блуждалъ, нервная дрожь пробѣгала по всему тѣлу, до глубокой полночи не выходилъ онъ изъ землянки.

Въ полночь красное зарево вспыхнуло на небѣ; церковный сторожъ ударилъ въ колоколъ, и когда прибѣжалъ народъ, только груда пепла лежала на томъ мѣстѣ, гдѣ была псарня: ни Савоськи, ни дѣтокъ собачатъ уже не существовало. А въ это время Мотря, освободясь отъ своихъ злодѣевъ, опозоренная, обезчещенная бѣжала степью, рѣзалась по глубокому снѣгу, изнемогала, падала; ея не страшили ни горы, ни овраги,—она шла напрямикъ, безъ дороги и, пробѣжавъ въ полъ-сутокъ почти сорокъ верстъ, была уже почти у самой псарни, когда появилось тамъ зарево. Ужасъ дикаго отчаянія ее охватилъ, когда она услышала визгъ дѣтокъ-собачатъ и повелительный голосъ Савоськи. Она была у самыхъ дверей псарни, гдѣ Савоська заперся съ дѣтками собачатами и поджегъ крышу; но дверь, запертая съ середины, не подавалась, а голоса ея Савоська не слыхалъ.

Вотъ, вотъ крыша рухнетъ—и я его не увижу. И опять я одна сирота, сирота опозоренная!... одна одинехонькая!... Лѣсенку! лѣсенку вотъ сюда подставлю... Здѣсь меньше огня! Пламя жжетъ ей лицо; вспыхнула коса. Мотря сбросила съ крыши въ сторону нѣсколько обгорѣвшихъ кулей соломы, прыгнула въ сарай и умерла въ объятіяхъ Савоськи.

На другой день утромъ во дворѣ Андрея Романовича прозвучалъ колокольчикъ и не на золотомъ конѣ, а на пароконной обывательской подводѣ прикатила воля. Неожиданно вслѣдъ за ней произшедшая тревога надолго отстранила всѣ прочіе интересы, и происшествія на псарнѣ какъ не бывало. Если бы черезъ полъ-года Вавило не возвратился, такъ бы и кануло все въ вѣчность, никто бы и не вспомнилъ ни Мотри, ни Савоськи, ни дѣтокъ-собачатъ; а то уже Вавило все поразсказалъ, позвалъ священника и на пепелищѣ, гдѣ погребли себя невинныя души, отслужилъ панихиду. Священникъ получилъ три серебряныя монеты рублеваго достоинства, и хотя лицо его выразило удивленіе, но онъ не спросилъ, гдѣ понабралъ онъ такого добра. Впрочемъ, Вавилу часто видывали на развалинахъ Савоськиной землянки, гдѣ онъ каждый вечеръ довольно усердно рылся, и только когда пугачъ начиналъ свою пѣсню, сидя тутъ-же на столѣтнемъ дубѣ, когда эхо его сумно оглашало воздухъ, Вавило вздрагивалъ, снималъ шапку, крестился, а пугачъ все больше кричалъ, и голосъ Савоськи: „Мотря, Мотря!“, а также голосъ Мотри, когда ее схватили и положили силой въ сани: „Таточко, тато, рятуй!“ все ему слышался и наводилъ на душу все большую тоску, причемъ онъ только сильнѣе рылся въ землѣ и наконецъ расчистилъ мѣсто и вынулъ изъ подъ половицы зарытый въ землю небольшой кувшинъ, полный рублевиками.

Н. К. Велецкій.

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ.[1]

4.

Три брата въ плѣну въ Азовѣ[2].

По мнѣнію Костомарова, „въ основаніе думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова едва-ли легло въ самомъ началѣ опредѣленное, дѣйствительное событіе: скорѣе всего это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ“[3]. Но такъ какъ и въ народѣ изначальная пѣсня сочиняется обыкновенно однимъ лицемъ, то, конечно, было такое *опредѣленное* событіе, которое

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 12.

[2]) Есть довольно значительное количество варіантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія старинныхъ малорус. пѣсенъ, 1819, 21—25), Срезневскаго (Запорожская старина, 1, 34, перепечатана въ Историч. пѣсн. малорус. народа, Антон. и Драг. I, 120—124), Максимовича (Украинс. народ. пѣсни, 1834, 9—14, — Сборн. украинс. пѣсенъ, его же, 1849, 19—34, — Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг., I, 124—127); это сводный варіантъ изъ двухъ варіантовъ—Цертелева и Шпигоцкаго: послѣдній помѣщенъ былъ въ Укр. Альм. за 1831 годъ; варіантъ Максимовича напечатанъ былъ также въ Изв. Акад. Наукъ, т. II, Афанасьевымъ съ кой-какими поправками въ языкѣ, см. Памятники и образцы народ. яз. 250—251),—Кулиша (Зап. о Юж. Руси, I, 32—42, перепечатанъ въ Историч. пѣсн. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 114—120),—Русова (Зап. юго-зап. отдѣла кіевс. географ. общ., I, 6—11, перепечатанъ тамъ-же, I, 127—133),—Судовщикова (Истор. пѣс. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 332—336),—Нѣговскаго (Ibid. I, 106—113),—Иващенка (Запис. юго-зап. отдѣла кіевс. геогр. общ., II, 119—123),—Горленка (Кіевс. старина, 1882 года. Декабрь, 499—504),—Костомарова (Исторія козачества, отд. оттискъ) и, наконецъ, Котляревскаго.

[3]) Исторія возачества въ памятн. южно-рус. народ. пѣсеннаго творчества, отд. оттискъ, 95.

побудило пѣвца сочинить пѣсню. Впрочемъ, для насъ важно въ данномъ случаѣ не то или другое событіе, послужившее поводомъ къ созданію этой думы, а первоначальная редакція ея. Костомаровъ считаетъ древнѣйшими варіантами свой и Котляревскаго на основаніи цѣлесообразности нравоучительнаго конца думы съ совѣщаніемъ старшихъ братьевъ о томъ, что сказать отцу и матери на вопросъ ихъ о младшемъ братѣ. Но въ думѣ о смерти трехъ братьевъ самъ-же Костомаровъ признаетъ нравоучительный элементъ амплификаціей [1]). Какъ-же быть? Нельзяже, въ самомъ дѣлѣ, однимъ и тѣмъ-же признакомъ опредѣлять древнѣйшее и позднѣйшее время.

Чтобы разобраться въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи различныхъ варіантовъ этой думы, необходимо имѣть въ виду, что всѣ они съ одинаковою подробностію говорятъ о гибели младшаго брата. Это и есть герой думы, неповинная жертва малодушія средняго брата и безсердечія старшаго. Въ любящемъ сердцѣ этого „пишого пишеныци“ не было и капли горечи и негодованія на братьевъ за то, что они бросили его въ степи на произволъ судьбы; напротивъ того, онъ безутѣшно рыдаетъ при мысли, что ихъ настигла турецкая погоня. Симпатичный образъ этого юноши становится еще привлекательнѣе, когда мы узнаемъ объ его одинокой смерти на „Савуръ-могилѣ“, посреди волковъ да орловъ, „гостей не милыхъ“. По нашему мнѣнію, этотъ разсказъ о младшемъ братѣ и есть древнѣйшая часть думы. Въ варіантахъ Цертелева, Срезневскаго, Максимовича, Кулиша и Иващенка конные братья гибнутъ, настигнутые турецкой погоней, въ другихъ—они остаются живы, причемъ въ варіантахъ Котляревскаго, Костомарова, Нѣговскаго и Горленка представлена сцена свиданія ихъ съ отцемъ и матерью, а въ варіантахъ Русова и Судовщикова въ замѣнъ этой сцены разсказывается о томъ, что братья по возвращеніи на родину стараются искупить свой грѣхъ милостыней и проклинаютъ турецкую неволю. Вотъ эти послѣдніе варіанты мы и считаемъ наиболѣе древними. Въ варіантѣ Русова образъ старшаго брата обрисо-

[1]) Ibidem, 80.

ванъ болѣе мягкими чертами, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ варіантахъ: старшій братъ не обнаруживаетъ еще жадности по отношенію къ наслѣдству: онъ только малодушный трусъ, и больше ничего. Отсутствіе рѣзкой жестокости въ природѣ двухъ старшихъ братьевъ находится въ полномъ согласіи съ концемъ думы, гдѣ разсказывается, что по пріѣздѣ домой старшіе братья стали

«На святи церквы накладаты».

Такой-же конецъ думы и въ варіантѣ Судовщикова, но здѣсь уже есть указаніе на то, что старшій братъ отказываетъ въ помощи младшему не безъ расчета на отцевское наслѣдство. Это переходный варіантъ, отъ котораго могли пойти всѣ остальные, изображающіе старшаго брата грубымъ эгоистомъ, а средняго безхарактернымъ человѣкомъ. Распадаются эти остальные варіанты на двѣ категоріи: въ однихъ братья, не доѣхавши домой, претерпѣваютъ кару Божію:

«Туркы набигалы
И тыхъ двохъ бративъ порубалы,
Тило козацьке карбовалы,
Въ чыстимъ поли роскыдалы,
Головы на шабли здиймалы,
Довго глумовалы» [1]).

По объему это варіанты средней редакціи. Въ другихъ варіантахъ братья пріѣзжаютъ домой, старшій братъ обманываетъ отца и мать, меньшій съ сердечнымъ сокрушеніемъ разсказываетъ всю правду. Это варіанты самой полной редакціи. Если допустить, что изображеніе характеровъ двухъ братьевъ развивалось постепенно, то къ числу позднѣйшихъ нужно отнести варіанты второй категоріи. Къ нимъ принадлежитъ и варіантъ Котляревскаго, представляющій въ самомъ концѣ значительную несообразность. Онъ ничего не говоритъ о погибели двухъ старшихъ братьевъ, между тѣмъ въ заключительныхъ стихахъ читаемъ:

[1]) Варіантъ Максимовича.

«*Померла* трехъ братьевъ *голова*,
Только слава не умретъ, не поляжетъ».

Еще одна подробность. Въ одномъ изъ варіантовъ полной редакціи (Нѣговскаго) говорится о появленіи младшаго брата на родинѣ:

«А меншый сынъ, пиша-пишаныця, за гостя прынькае».

Какъ это могло случиться послѣ подробнаго разсказа въ той-же думѣ о смерти младшаго брата на Савуръ-могилѣ? Есть довольно остроумное объясненіе этого темнаго мѣста въ думѣ: „не удалось младшему брату, говоритъ М. Андріевскій, прибыть въ гости къ отцу и матери, чего онъ такъ страстно желалъ живымъ, и вотъ онъ отъ времени до времени изъ дикой степи является къ нимъ въ гости легкимъ призракомъ [1]). Можно было бы согласиться съ этимъ объясненіемъ, если-бы стихъ былъ полнѣе и выразительнѣе. Весьма можетъ быть, что этотъ стихъ сохранился изъ неизвѣстнаго намъ затерянаго варіанта, въ которомъ младшій братъ, „пиша-пишаныця“, добрался до родины позже старшихъ, къ изумленію и посрамленію ихъ.

---

1) Изъ города Азова [1]) была великая погоня,
Втикалъ полчокъ
Малый-невеличекъ,
Въ тикало (sic) три брата ридненькихъ—
5) Власно-ясны голубенки сивеньки,
Два брата конныхъ,
Межъ ними третій пѣшій-пѣшаница
За конными братами поспѣшае,
Коней за хвосты хватае,
10) На сырое коренья ноги козацкіе побиваетъ,
Кровь христіанская слѣды заливаетъ,
До братьевъ словами промовляетъ:

---

[1]) Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ, М. А. Андріевскаго. Одесса, 1884 г., 61.

[2]) Городъ Азовъ, теперь посадъ, на лѣвой сторонѣ устья Дона, занятъ былъ Турками въ 1475 году, а такъ какъ въ думѣ рѣчь идетъ о туркахъ, то есть нѣкоторое основаніе думать, что сама дума сложена не раньше конца XV вѣка.

«Братики мои ридненьки,
Якъ голубоньки сивеньки!
Добре вы, братця, дбайте,
Станьте вы, кони козацкія попасите,
А меня, найменьшаго брата, подождите,
По-пив-чтверти мыли въ городы христіянскіе подвезите».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Чи подобно то, брате, дѣло, чтобъ я тебя, ваготу,
на кони бралъ,
Свого коня томилъ?
Будетъ изъ города Азова тяжкая великая турецкая погоня,
Мы и сами не утечемъ, и тебя, брате, не вывеземъ,
А какъ ты живъ да здоровъ будешъ,
То и самъ въ землю христіанскую дойдешъ».
Тогда наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милы,
Якъ голубоньки сивы!
Добре вы, братця, уробите,
Мнѣ, найменьшему брату, сплечь головку снимите,
Мое тѣло козацкое въ степи на дорози поховайте,
Звѣрю, птицѣ, на поталу не дайте».
Средній братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Брате мой милый,
Якъ голубоньку сивый!
Наша рука козацкая на тебя не здыймется,
Сердце наше козацкое на тебя не осмѣлится,
Мечь нашъ булатный твоей шеи неймѣтъ,
На дробенъ макъ ввесь падетъ».
Наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
Дробными слезами обливае:
«Браты мои милыи,
Якъ голубоньки сивыи!
Будете вы до тернивъ, до байракивъ прибувати,
Добре вы, братця, дбайте,
Терновое вѣтьви истинайте,

Мнѣ, найменьшему брату, на признаку покидайте:
Нехай бы я могъ знати,
Куды въ землю христіанскую до отца и матери прибывати».
Якъ стали браты шестого дня до тернивъ, до байракивъ прибывати,
Стали терновое вѣтья истинати,
Своему меньшему брату на признаку козацкую покидати.
Якъ стали изъ тернивъ, изъ байракивъ выбѣгати,
Стали на зеленыя травы поглядати,
Ставъ середній братъ до старшаго словами промовляти:
«Добре мы, брате, дбаймо,
Спидъ своихъ жупанивъ червоную китайку выдираймо,
Своему меньшему брату признаку козацкую покидаймо,
Чтобъ нашъ могъ братъ знати,
Куды въ землю христіанскую прибувати».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Чтобъ я свое добро дорогое марне по шляхахъ роскидалъ?
Буду я до отца и до панимaтки въ землю христіанскую прибувати,
Будутъ меня ближныя почитати, поважати,
Будутъ противъ мене шапки снимати,
Будутъ меня на хлѣбъ, на соль зазывати».
Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе...
Назади оставае,
Спидъ своего жупана червону китайку выдирае,
Своему брату найменьшему на признаку покидае.
Сталъ меньшій девятаго дня до терновъ, до байраковъ прибывати,
Сталъ терновое вѣтьвя знахожати,
Словами промовляти:
«Я жъ то думалъ, что объ менѣ браты ничого не знаютъ,
Они на меня великое милосердіе маютъ,
Терновое ветвя стинали,
Мени, наймѣньшему брату, на признаку покидали:
Нехай бы я могъ знати,
Куды въ землю христіанскую прибывати».
Ставъ изъ тернивъ, изъ байракивъ выбигати,
Сталъ червону китайку снахожати,
Сталъ словами промовляти:

«Не дурно ся червона китайка на шляхахъ муравскихъ [1]) пробувае,
Знать, моихъ братьевъ въ живыхъ на свѣтѣ немае,—
Выдно, изъ города Азова была тяжкая турецкая погоня,
Меня на спочивку минала,
Моихъ братывъ постреляла, порубала,
Козацкую добычъ до города Азова назадъ завертала...
Колибъ мени Богъ далъ тѣло козацкое снахожати,
Могъ бы я суходолъ саблею копати,
Шапкою, приполомъ землю носити,
Могъ бы ихъ тѣло козацкое въ степу при дорозѣ поховати,
Звѣрю, птицѣ на поталу не дати».
Самъ себѣ козацѣ (sic) думае—гадае, что его безъ хлѣбья, безъ
ведья (sic) знемогае,
До Сауры могилы прибувае [2]),
Тамъ на Сауру могилу снисхожае,
Тамъ козакъ лягае, спочивае,
Самъ себѣ думае да гадае...
На очи не гляне
И на ноги не встане,
Головки козацкой не взведе:
Куды вѣтеръ повине, повинется,
Куды трава поклонитъ, туды и поклонится..
Тогда стали орлы чернокрыльцы налѣтати,
Стали въ головахъ козацкихъ сидати,
На черны кудри наступати,
Сталъ козакъ словами промовляти:
«Орлы мои чорноперы и гости невеселы!
Зождить мени малую часинку:

---

[1]) Муравскій шляхъ—это дорога, которая шла по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донецкаго бассейновъ. Отъ Перекопа направлялась она къ верхнему теченію р. Конки, близъ теперешняго села Конскіе Раздоры александр. уѣзда, — затѣмъ, пересѣкая р. Волчью и проходя по Злодійской балкѣ, близъ теперешняго села Гавриловки александр. уѣзда, пролегала мимо Гончаровой балки у села Славянки павлоградс. уѣзда, на р. Быкѣ, къ верхнему теченію р. Самары. По этой дорогѣ обыкновенно двигались крымскія орды для разоренія Московскаго государства.

[2]) „Саура могила высокая, лежащая на прямой дорогѣ въ Озовъ, теперь тамъ на вершины (sic) растетъ три куста бузиновыхъ". Это примѣчаніе вставлено въ текстъ думы тою же рукою, какою написана вся дума. Такое же названіе и теперь носитъ эта могила, находящаяся между рр. Міусомъ и Крынкой, при истокѣ р. Камышевахи: это одна изъ возвышенностей донецкаго кряжа, достигающая 50 футовъ

Якъ буде чорная хмара наступати,
Будетъ дробенъ дожчикъ накрапати,
Будетъ козацкая душа разно съ бѣлымъ тѣломъ розлучати,
Тогда вы будете въ головахъ козацкихъ сѣдати».
Уже черная хмара наступила,
Якъ душа козацкая съ бѣлымъ тѣломъ розлучила...
Стали орлы чернокрильцы налѣтати,
Въ головахъ козацкихъ сѣдати,
На черныя кудри наступати,
Изъ лоба кары очи выбирати,
Коло желтой кости тѣло козацкое оббирати,
Стали волки сирохманцы нахожати [1]),
Козацкія кости розношати
По долинахъ, по байракахъ,
По козацкихъ примѣтахъ.
Только козацкая голова на Саурѣ могилы пробувае,
Нихто той головы не дбае,
Кроме сива зозуля прилѣтала,
Въ головахъ козацкихъ сѣдала,
Жалибненько заковала,
Нибы словами промовляла:
«Голово, голово козацкая!
Якъ ты спыла и зъѣла,
Хорошенько сходила,
По чужихъ земляхъ пробувала,
Козацкіе звычаи добре знала,
Теперь ты ни о чемъ не дбаешъ,
Кроме соби правдиваго судіи господа изъ небесъ желаешъ».
Два брата ридненьки,
Власны ясны голубоньки сивеньки,
До рѣчки Самарки, до криницы Салтанки прибували [2]),
Два дни и дви ночи на попасѣ стояли,
Свого найменьшого брата поджидали.
Старшій братъ тое зачувае (sic),
Словами промовляе,
Уже дробными слезами поливае:

[1]) „Сырое ѣдатъ“—написано тою же рукою въ скобкахъ.

[2]) Рѣчка Самарка, теперешняя Самара, берущая начало свое въ изюмскомъ у. харьковской губ. и впадающая въ Днѣпръ въ новомосковс. у. екатеринослав. губ.

«Що мы, брате, будемъ думати да гадати,
Якъ будемъ мы до отца и до паниматки прибувати,
Якъ мы будемъ отцевы и маткѣ казати?
Якъ будемъ мы отцу и матцѣ по правдѣ казати,
Будетъ насъ отецъ и матка проклинати».
Середній братъ тое зочувае,
Словами промовляе,
Дробными слезами обливае:
«Будемъ мы, брате, отцу и матери по правдѣ казати,
То можетъ быть будетъ отецъ и мати на насъ великое милосердіе мати».
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Отъ такъ мы, братику, скажимо,
Что въ городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
Не одному и панови слуговали,
Мы сами—два насъ—утѣкали,
Свого наймѣньшаго брата отъ сна будили и не сбудили,—
То будетъ отецъ и мати помирати,
Будетъ худоба зоставати,
Будемъ мы худобу на двѣ части паивати,
Межъ нами третій не будетъ никто мѣшати».
То два брата ридненьки тое словами промовляли,
На кони козацкія сѣдали,
Въ землю христіанскую до отца и матери приѣжжали.
Отецъ и матѣръ на встрѣчу выхожаютъ,
Словами промовляютъ,
По дорозѣ поздоровляютъ,
Объ меньшомъ сынѣ пытаютъ:
«Сыны мои, сыны,
Какъ ясны соколы!
Вы сами приѣжали,
Свого меньшого брата, а нашаго сына гдѣ вы заподѣли,—
Чи вы его за сіи кони турецкіе вороные,
Чи за сіи шаты дорогіе,
Туркамъ-янычарамъ отдавали»?
Старшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Отецъ и мати!

Мы въ городѣ въ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
Мы сами изъ темницы утикали,
Свого брата будили отъ сна и не сбудили».
Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ грудью упадаетъ,
Дробными слѣзами обливае:
«Отецъ и мати!
Мы въ городѣ Азовѣ у одного пана въ темницѣ пробывали,
Одному панови слуговали,
Мы всѣ три разомъ изъ темницы утѣкали,
Сами себѣ коней похватали,
Своему найменьшему брату коня не ухватили,
Только недобре мы починали,
Что свого меньшого брата на кони не брали,
По пилъ-чтверти мили до отца и матери въ города
христіанскіе не подвозили.
Я добре знаю,
Что нашаго меньшого брата живого на свѣтѣ не мае:
Знать, его козацкая голова въ степи при дорогѣ полягае».
Отецъ и мати тогда добре дбали,
Середняго сына въ свой дворъ пріймали,
Старшаго изъ двора прогнали,
И лаяли, и проклинали:
«Бодай ты, сыну, себѣ щастья-доли не имѣлъ,
Что ты намъ объ меньшемъ сынѣ правды не сказалъ»!
Померла трехъ братьевъ голова,
Только слава не умретъ, не поляжетъ...
Будетъ слава славна
Помежъ друзьями козаками
И дородными головами.

5.

Три брата самарскіе [1]).

Въ нашемъ рукописномъ собраніи малорусскихъ пѣсенъ есть одна пѣсня, въ которой рѣчь идетъ о смерти двухъ род-

[1]) Дума эта напечатана у Максимовича (Сбор. украинс. пѣсенъ, 1849, 17—19) и перепечатана отсюда у Антон. и Драг. (Историч. пѣсни малорус. народа,

ныхъ братьевъ въ чистомъ полѣ [1]). Лежатъ они „у поли, край могылы“ „постриляни—порубани“. Спрашиваютъ они одинъ у другаго: какая рана болѣе тежелая—„стриляная чы рубаная“? Говоритъ одинъ изъ нихъ: „не шабли насъ порубалы, не кули насъ постриллялы, а слезы отця и неньки насъ спиткалы“. Если бы знала мать о насъ, она бы насъ „поховала, якъ зозулька закувала“. „Я вамъ буду, говоритъ имъ орелъ, отець-маты, я васъ буду доглядаты“. Умоляютъ орла умирающіе братья, чтобы подождалъ онъ часа смертнаго. „Ще жъ часъ смертный не прыпавъ, орелъ очи вытягавъ“.

Такъ заканчивается эта трогательная пѣсня, послужившая, по нашему мнѣнію, ближайшей основой для думы о смерти трехъ братьевъ на поляхъ самарскихъ. Во всѣхъ четырехъ варіантахъ этой думы нѣтъ орла, но, въ замѣнъ этого обычнаго спутника *рубаныхъ* козаковъ, обязательно присутствующаго въ лирическихъ пѣсняхъ, выступаютъ реальныя подробности, свойственныя думамъ. Во всѣхъ варіантахъ ярко обрисована сожженная степь самарская,—только „у ричкы Самаркы, у крыныци Салтанкы“, гдѣ „тры терны дрибненькыхъ, тры байракы зелененькыхъ, лежать тры браты ридненькыхъ“ и просятъ другъ друга о помощи. Большими симпатіями къ роду-племени проникнуты варіанты Метлинскаго и Котляревскаго, хотя въ послѣднемъ, какъ и въ варіантѣ Костомарова, вовсе не упоминается о нравственной причинѣ несчастія, постигшаго трехъ братьевъ. Отличіе варіанта Котляревскаго отъ всѣхъ другихъ заключается въ томъ, что младшій братъ отказывается играть въ войсковые суремки, чтобы не услышали его игры Турки и не забрали полуживыхъ братьевъ въ плѣнъ. Вообще же варіанты Метлинскаго, Костомарова и Котляревскаго мы считаемъ переходными къ варіанту Максимовича, въ которомъ умирающіе козаки выражаютъ желаніе, чтобъ ихъ похоронили не отецъ и мать, а „странни козакы“. Очевидно, въ этомъ варіантѣ гуще

I, 257—259),—у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 437—440),—у Костомарова (Исторія козачества... отд. оттискъ). Къ этимъ тремъ печатнымъ варіантамъ присоединяемъ варіантъ Котляревскаго.

[1]) Записана въ Каменецъ-Подольской губ.

наложены историческія краски, да и въ художественномъ отношеніи сравнительно съ другими онъ строже выдержанъ.

У рѣчки Самарки,
У криницы Салтанки,
Тамъ уси поля самарски пожарами погорѣли,
Только не горѣло два терны дрыбненькихъ,
Два байраки зелененькихъ,
Бо тамъ подлѣ ихъ лежало три брата рыдненьки:
То они пострѣляны,
Порубаны,
На раны смертельныя знемогали,
Що у ихъ раны рубаныя кровью изошли,
А стрѣляныя до сердца пришли.
Промовитъ старшій братъ до середульшаго словами,
Обильется дробными слезами:
«Коли бъ ты, братику, добре дбалъ,
Що бъ ты на ноги козацкія вставалъ,
Збанокъ козацкій [1]) вруки (sic) бралъ,
До криницы Салтанки прихожалъ,
Холодной воды набиралъ,
Наши бъ раны козацкія смертельныя промывалъ.
Середуншій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
Якъ же мини, брате, на ноги козацкія вставати,
Що у мене ноги козацкія порубаны,
Руки козацкія пострѣляны,
Головка козацкая моя побита?
Попросимо мы свого меньшого брата,
Нехай нашъ наймѣньшій братъ на ноги козацкія вставае,
У тонкіе войсковые суремки [2]) заиграе,
То будутъ козаки чистымъ полемъ гуляти,
Будутъ наши игры козацкія зачувати,
Будутъ они до насъ приѣжжати,
Будемъ мы добре дбати,
Отцеви и матери въ землю христіанскую поклонъ передавати,

---

[1]) „Манерка солдатская“—примѣчаніе въ текстѣ рукописи.

[2]) „Трубы“—вставка такъ-же.

Что бъ насъ отецъ и мати добре знали,
Они бъ до насъ приѣжжали,
Они бъ насъ хорошенько поховали.
Меньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Браты мои милые,
Якъ голубеньки сывые!
Чи не тѣ жъ мене сабли турецки порубали, що и васъ?
Чи не тѣ жъ мене стрѣлки-янычарки пострѣляли, що и васъ?
Якъ вамъ, братця, неможно на ноги козацкія вставати,
Такъ же и мени.
Хочь я, братця, буду въ тонкія суремки жалибненько играти,
То будутъ турки-янычари, безбожны бусурманы, чистымъ полемъ гулати,
Будутъ наши игры козацкія зачувати,
Будутъ до насъ приѣжжати,
Будутъ намъ живьемъ каторгу завдавати.
Лучше намъ, братця, отъ тутъ въ чистомъ поле помирати,
Отца и пани-матки и родины сердечной въ очи не видати»...
Стала черная хмара на небѣ наступати,
Стали козаки во чистомъ поле помирати,
Стали свои головы козацкія въ рѣчкѣ Самаркѣ покладати...
Чѣмъ тая Самарка стала славна,
Що вона много войска возацкаго у себе видала.

6.

Федоръ Безродный [1]).

Дума о Федорѣ Безродномъ возникла на той же почвѣ древнѣйшихъ пѣсенъ о „рубаныхъ“ козакахъ. Издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа справедливо видятъ въ варіан-

[1]) Мы знаемъ четыре варіанта этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народн. украинс. пѣсенъ, 1819 г., 48—50), — отсюда перепечатана она Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834, 5—7; Сборникъ украинс. народ. пѣсенъ, его-же, 1849, 25—27), изъ сборниковъ Максимовича издателями истор. пѣсенъ малор. народа (I, 248—249); второй варіантъ Метлинскаго (Нар. южнорус. пѣсни, 440—441; Историч. пѣсни малор. нар. Ант. и Драг., I, 249—251); третій—Русова (Записки юзо-зап. отд. географ. общ. I, 12—21; Историч. пѣсни малор. народа, Ант. и Драг.

тахъ Метлинскаго и Русова наслоенія позднѣйшей эпохи [1]). Въ варіантѣ Метлинскаго стихи 45—46 показываютъ, что дума исполнялась передъ козацкой старшиной. Самъ Федоръ Безродный называетъ себя паномъ. Федору-пану недостаетъ суровой простоты Федора-„атамана куринного“, о которомъ рѣчь идетъ въ варіантѣ Максимовича. Тѣ же слѣды болѣе поздняго времени видны и въ варіантѣ Русова—въ изображеніи богатаго костюма Федора Безроднаго. Поэтому варіантъ Максимовича мы считаемъ наиболѣе древнимъ и цѣльнымъ: въ сжатой формѣ онъ передаетъ всѣ главные моменты думы. Начало его переноситъ насъ въ вѣка болѣе отдаленные, когда Федоръ Безродный могъ быть жертвой неосторожности въ пограничной боевой жизни съ татарами. Варіантъ Котляревскаго мы относимъ къ болѣе позднимъ. Большое сходство онъ представляетъ съ варіантомъ Русова: и тамъ и здѣсь „товариство“ подозрѣваетъ джуру въ томъ, что онъ виновникъ смерти своего пана. Главное содержаніе во всѣхъ варіантахъ—это изображеніе смерти и похоронъ козака.

---

1) Тыей дороги (sic),
Потребы выйсковой,
Противъ земли цесарской,
Небагато выйска козацкаго понажено
5) И передъ мечемъ положено,
Ни одной души живой козацкой не оставлено,
Только подъ зеленою, похилою вербою,
Надъ днѣпровою сагою,
Надъ холодною водою,
10) Лежитъ козаче молодый,
Товарищу выйсковый,
Федоре безридный [1]),

252—255); наконецъ, четвертый варіантъ Котляревскаго. Кромѣ того, сохранились отрывки изъ этой думы, см. Метлин. 441—442: въ одномъ изъ нихъ Федоръ Безродный названъ осауломъ Богуславскимъ. Тамъ-же см. пѣсни, близко подходящія къ содержанію думы (442, 448). Одна изъ этихъ пѣсенъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сохранила форму думы.

[1]) Стр. 256—257.

[2]) Максимовичъ высказалъ предположеніе, что Федоръ Безродный есть Фома Безродный, состоявшій войсковымъ писаремъ при отважномъ гетманѣ Богданкѣ въ

Атамане куринный,
Простреляный,
Порубаный,
На раны смертельныя изнемогае,
Ни отецъ, ни мати, ни родина кревна, сердечна того не знае.
То только у его слуга сидитъ,
Изъ днѣпровой саги холодной воды набираетъ,
Раны козацкія, смертельныя промываетъ,
До Федора Безроднаго словами промовляетъ:
«Пане мый молодый,
Федоре безрыдный!
Добре мы дбаймо,
До твого отца и паниматки, до родины сердечной, выйскомъ днѣпровымъ накажимо,
Нехай твой отецъ и мати добре дбае,
Покрывало тоненькѣ (sic) тебѣ пересылае,—
Нехай бы могли знати,
Якъ тебя на чужой сторонѣ поховати».
Федоръ безродный тое зочувае,
Словами промовляе:
«Слуга мой молодый!
Не поможетъ мнѣ на чужой сторонѣ покрывало тоненьке,
Ты мени, слуга, на чужой сторонѣ отецъ и мати рыдненька,
И братъ, и сестрица вирненька:
Добре ты, слуга молодый, дбай,
Изъ мого позлочистаго комера шовкову тягиню снимай,
На добраго коня сидай,
Промежду выйскомъ козацкимъ проѣжжай:
Чи будешъ ты угоденъ выйску днѣпровому,
Али бо атаману кошевому».
Слуга молодый добре дбае,
Съ позлочистаго комера шовкову тягиню снимае,
На добраго коня ссѣдае (sic),
Между войскомъ козацкимъ поѣжжае,
Отамане кошовый тое забачае,

1576 г. (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя не собственное, а нарицательное (Исторія козачества въ памятн. народ. пѣсен. творчества, отд. оттискъ, 71).

Словами промовляе:
«Слуга молодый!
Не своимъ ты конемъ поѣжжаешъ,
Не своею сбруею выхваляешся,
Дести (sic) свого пана убилъ альбо ранилъ,
Али бо козацкой души тѣла избавилъ».
Слуга молодый добре дбае,
Съ коня вставае,
Словами промовляе:
«Отамане кошовый!
Я свого пана не убилъ, ни зрадилъ,
Ни козацкой души тѣла не збавилъ:
То жъ его турецкая булатна сабля порубала,
То жъ его стрѣлка-янычарка (sic) пострѣляла»
Отамане кошовый тое зачувае,
Словами промовляе:
«Козаки, панове-молодцы!
Добре вы дбайте,
На кони козацкіе сѣдайте,
Коло лугу Базавлугу объѣжжайте,
Федора безроднаго живого заставайте».
Козаки тогди добре дбали,
Коло лугу Базавлугу [1]) объѣжжали,
Федора безродного живого не зостали,
Саблями, надолками суходылъ копали,
Шапками, приполами землю носили,
Семиперстную могилу высыпали,
Изъ семинядныхъ пищаль пострѣляли.

7.

Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкасъ [2]).

Пѣсенные мотивы этой думы указаны нами въ IV главѣ нашего изслѣдованія. Во всѣхъ варіантахъ ея нравственныя

---

[1]) Базавлукъ—рѣчка, вытекающая изъ верходнѣпровскаго уѣз. екатериносл. губ. и впадающая въ Днѣпръ на границѣ екатериносл. ихерсонс. уѣздовъ.

[2]) По количеству варіантовъ это самая распространенная дума. Она была напечатана Цертелевымъ (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсенъ, 1819 г., 30—36)

черты козака-юноши однѣ и тѣ же. Что касается до матери его, то въ варіантѣ Максимовича она изображена нѣсколько иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Какъ и въ другихъ варіантахъ, она не желаетъ разстаться съ своимъ сыномъ, но уступаетъ его настойчивой просьбѣ и даже благословляетъ его на путь. Затѣмъ она „выглядае“ своего Ивася, узнаетъ о славной смерти его и не только не проклинаетъ полковника Хвилоненка за то, что онъ увлекъ молодаго Коновченка въ походъ, но даже даритъ ему коня. Какъ мать-козачка, не чуждая козацкаго мужества, она спокойно переноситъ свое горе. По нашему мнѣнію, это и есть основной варіантъ, свободный еще отъ вліянія пѣсенъ. Нѣтъ въ немъ ни загадочныхъ рѣчей козаковъ о судьбѣ Коновченка, обращенныхъ къ его матери, ни зловѣщаго сна ея, который разгадываютъ возвращавшіеся изъ похода козаки. Эти подробности, по всей вѣроятности, вставлены въ думу послѣ того, какъ сложилась фабула ея, при чемъ въ однихъ варіантахъ о женитьбѣ Коновченка на „туркенѣ, пышной паннѣ“, говоритъ мать его, какъ о сновидѣніи (варіанты Лукашевича и рукописные—лубенскій, харьковскій

и буквально перепечатана изъ этого изданія Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834,51 —57); затѣмъ извѣстны варіанты Лукашевича (Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни, 36, 47), Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 413—424), напечатанный въ Кіевс. Телеграфѣ (1873, № 59), Головацкаго (Народ. пѣсни галицкой и угорс. Руси, ч. I. 9—12: здѣсь она перепечатана изъ сборника Żeg. Pauli, 1839, 1, 155—158, а въ этотъсборникъ попала изъ Русалки Днѣстровой, 1837, 11), Конисскаго (Кіевс. Старина, 1882 г., августъ), Боржковскаго (два варіанта, ibidem, 1889, сентябрь). Кромѣ этихъ восьми печатныхъ варіантовъ, для ознакомленія съ думой мы пользовались шестью рукописными варіантами, записанными въ губерніяхъ Полтавской (лубенс. у.), Черниговской (черниговс. у.), Харьковской (богодуховс. у.), Кіевской (кіевс. у.), Каменецъ-Подольской и, наконецъ, варіантомъ Котляревскаго. Костомаровъ упоминаетъ еще о двухъ варіантахъ, изъ коихъ одинъ былъ записанъ имъ въ Харьковѣ, а другой былъ присланъ ему г. Морозомъ. Скудные отрывки изъ обоихъ варіантовъ напечатаны имъ въ изслѣдованіи его: Исторія козачества по памятникамъ южнорус. народ. пѣсен. творчества (Русская Мысль, 1880 г.), но на основаніи этихъ отрывковъ мы не могли составить представленія о цѣломъ. Считаемъ нужнымъ замѣтить также, что дума объ Иванѣ Коновченкѣ, помѣщенная въ Извѣстіяхъ академіи наукъ за 1853 г., т. II. (Памятники и образцы народ. языка, 206—210), составлена Афанасьевымъ-Чужбинскимъ изъ варіантовъ Максимовича и Лукашевича.

и Котляревскаго), въ другихъ говорятъ о томъ-же козаки, намекая матери на смерть сына ея (варіанты Метлинскаго, два Боржковскаго, варіантъ, напечатанный въ Кіевс. Телеграфѣ, и рукописные—черниговскій, кіевскій и подольскій). Въ этихъ послѣднихъ меньше амплификаціи, чѣмъ въ первыхъ, поэтому они, повидимому, ближе стоятъ къ варіанту Максимовича, но сонъ вдовы и рѣчи козаковъ такъ органически связаны между собою, что отсутствіе сна въ указанныхъ выше варіантахъ можно считать искаженіемъ болѣе полнаго текста. Есть и другой признакъ болѣе поздняго происхожденія этихъ варіантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (два варіанта Боржковскаго, галицкій и рукописный подольскій), независимо отъ ясныхъ слѣдовъ искаженія въ самомъ языкѣ, начинаются не съ воззванія полковника корсунскаго или черкасскаго, а съ изображенія мирной жизни вдовы Коновчихи съ сыномъ, причемъ о воззваніи Хвилоненка къ козакамъ нѣтъ ни слова,—въ другихъ (варіанты Кіевс. Телеграфа и рукописный кіевскій) мѣсто дѣйствія не въ Черкасахъ, а въ какомъ-то городѣ Копестрынѣ или Кебестрыни, и самое воззваніе идетъ отъ какого-то полковника Гниды, а въ варіантѣ Конисскаго—не извѣстно отъ кого. Рукописный харьковскій варіантъ представляетъ ту особенность, что Ивась Коновченко является иниціаторомъ похода: не его подбиваютъ козаки „на Черкень-долыну гуляты“, а онъ самъ „на выныкивъ, на броварныкивъ ставъ поклыкаты“. Это очевидное забвеніе первоначальнаго факта, за то не позабытъ въ харьковскомъ варіантѣ сонъ вдовы, что сближаетъ его съ варіантомъ средней редакціи. Къ этимъ послѣднимъ относится и варіантъ Котляревскаго. Ближе всего онъ стоитъ къ рукописному лубенскому по двумъ мотивамъ: во-первыхъ, Ивась напивается „оковытой“ тайно отъ полковника; во-вторыхъ, полковникъ принимаетъ сердечное участіе въ горѣ вдовы. Между варіантами средней редакціи варіантъ Котляревскаго, повидимому, отличается большею историческою точностію: Хвилоненко сперва обращается съ воззваніемъ къ охотникамъ въ Корсуни, затѣмъ самъ лично появляется въ Черкасахъ и обращается къ войсковой старшинѣ, наконецъ, передъ самымъ отправленіемъ въ походъ „словами промовляетъ“:

«Который будетъ козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ дожидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти».

Всѣ эти моменты или сокращены, или спутаны, или совсѣмъ опущены въ другихъ варіантахъ.

---

1) На славной Украйнѣ, въ городѣ Корсунѣ [1]),
Тамъ жилъ корсунскій полковникъ панъ Филонъ [2])...
Якъ сталъ въ охотное войско выражати,
Сталъ охотника выкликати,
5) Крикнетъ, покрикнетъ на винники, на броварники,
На пьяницы, на костерники [3]):
«Которому не хочется по винницяхъ горелокъ курити,
Которому не хочется по броваряхъ пиво варити,
Которому не хочется въ кости играти,
10) Дурно гуляти,
Идите вы со мною, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное войско гуляти,
Пидъ городъ Тягиню [4]),
На Черкень-долину,
За вѣру христіанскую одностайне стати,
15) Рыцарской славы заживати!»
То тее словами промовляе,
У пятницу до города Черкаса [5]) поспѣшае,
Въ суботу рано пораненко цвѣтную короговъ крещату выставляе.

---

[1]) Корсунь—бывшій полковой городъ, нынѣ мѣстечко на берегу р. Роси, въ 100 верстахъ отъ Черкасъ.

[2]) Полковникъ Филоненко, говоритъ Костомаровъ, дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII в. и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Остраницы въ возстаніи противъ Поляковъ: вмѣстѣ съ предводителемъ возстанія онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство (Исторія козачества.. Отд. оттискъ, 67).

[3]) „Что въ кости играютъ"—примѣчаніе записавшаго думу.

[4]) Мѣстное турецкое названіе Бендеръ—нынѣ уѣзднаго города въ Бессарабіи. Мѣстоположенія Черкень-долины мы опредѣлить не можемъ.

[5]) Черкасы—бывшій полковой городъ, нынѣ уѣздный, на берегу Днѣпра, въ 287 верстахъ отъ Кіева.

То вже крикнетъ, покрикнетъ на сотники, на полковники,
На отаманы, на осаулы,
На козаки молодые
И на слуги войсковые:
«Що вы, сотники и полковники,
Отаманы и осаулы!
Идите со мной, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное войско гуляти,
На Черкень-долину,
Подъ городъ Тягиню,
За вѣру христіянскую одностайно стати,
Будемъ рыцарской славы доставати,
Будемъ мы саньяновы боты топтати!»
То вже въ городѣ Черкасѣ жила вдова,
Старенькая жена,
По имѣнію Гриціха,
По прозванію Коновчиха,
Мала себѣ сына Ивана Коновченка,
Единаго вдовиченка.
Она его до зросту лѣтъ держала,
Въ наймы не пускала,
На стираніе чужимъ рукамъ не давала,
Она изъ его по смерти славы, памяти сподивала.
То вже Иванъ Коновченко на рынокъ выхожае [1]),
Что корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляетъ,
Въ охотное войско выкликаетъ,
То Иванъ Коновченко до матери своей старой прихожае,
Словами промовляе:
«Мати моя, старенькая жено,
Коли бъ ты, мати, добре дбала,
Четыре волы чабаныи и два коня вороныи изъ стада выручала,
До жида орондаря оттоняла,
И ще бъ стозлотыми гришмы доплатила,
Да мини доброго коня купила,
Що моя душа козацка-молодецка подобила и влюбила.
Пиду я, мати, на Черкеню-долину гуляти,
За вѣру христіянскую одностайне стати,

[1]) Здѣсь пропущенъ стихъ, который долженъ былъ оканчиваться словомъ „зачувае“.

Рыцарской славы доставати,
Козацкихъ звычаевъ добре знати».
Удова, старенькая жена, тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сыну мой, сыну, Ивась Коновченко!
Чи у тебе ничего испити або изъисти,
Чи у тебе ни въ чему хорошенько ходити,
Чи тебе мирская старшина не почитае,
Чи тебе козацкая громада зневажае?[1])
Лучше ты будешъ тіи четыре волы чабаные и два коня
вороные въ плугъ запрягати,
Будешъ по рилье хлѣба пахати,
Будешъ козаковъ и мужиковъ на хлѣбъ и на соль къ себѣ
зазывати,—
Будутъ тебя козаки войсковыхъ потребовъ, козацкихъ обычаевъ
научати».
Ивась Коновченко тое зачувае,
Словами промовляе:
«Мати моя, старенькая жено!
Не хочется мнѣ, мати,
На волы козацкимъ гласомъ гукати,
Не хочется мнѣ, мати, въ пыли китайку пылити,
Хочъ я буду козаковъ до себе зазывати,
Будутъ меня козаки домаремъ, гречкосѣемъ прозывати,—
А то лучше я, мати,
Пойду на Черкень-долину гуляти,
За вѣру христіянскую одностайне стати».
Въ недѣлю рано-поранепько
Вдова, старая жена, до Божіей церквы отходила,
Всѣ оружья въ комнату позамыкала,
Только семипядную пищаль-ружье оставляла,—
То Иванъ Коновченко изъ постели вставае,
На рынокъ выхожае,
Що корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляетъ:
«Который будетъ козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ дожидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти».

---

[1]) „Осуждаетъ“—примѣчаніе записавшаго думу.

Сусиды въ церковь уходили,
Вдовѣ сказали:
«Ты, вдова, въ церквѣ стоишъ, ничего не знаешъ,
Что твоего сына Коновченка въ дому немае».
То вдова изъ церкви приходила,
Ивана Коновченка въ домѣ не застала,
Ругала его и проклинала:
«Чтобъ ты, сынъ мой Иванъ, щастя и доли не имѣлъ,
Какъ ты меня, вдову стареньку, на господарствѣ покидалъ!»
Рано въ понедѣльникъ вдова отъ сна прочинала
И словами промовляла:
«Бѣдна, побѣдна моя вдовина голова,
Що я своего сына ругала и проклинала,
Щастье его, долю козацкую потеряла».
Тогда она добре дбала,
Четыре волы чабаные и два коня вороные изъ стада доплатила,
Своему сыну добраго коня купила,
Что его душа козацкая-молодецка сподобила та влюбила,
Ище семъ кипъ козакови на жупанъ давала,
Ище своему сыну добраго коня переслала.
То козакъ на добраго коня сѣдаетъ,
За дванадцять миль отъ города Черкаса корсунского полковника доганяе;
Скоро полковника догналъ,
Межъ пѣхоту вбѣгалъ,
Ивана Коновченка межъ пѣхотою познналъ,
Добраго коня ему въ руки подалъ.
Иванъ Коновченко на добраго кона сѣдаетъ,
То ще словами промовляетъ:
«Я жъ думалъ, братцы, что обо мнѣ мати не знаетъ и не вѣдаетъ,
Ажъ она обо мнѣ великое милосердіе маетъ,
Що мнѣ добраго коня купила,
Що моя душа козацкая-молодецкая сподобила да влюбила.
Коли бъ мнѣ Господь милосердный далъ изъ сего похода выходити,
Могъ бы я знати,
Якъ свою неньку старенькую почитати,
Могъ бы я ей 12 турокъ-янычаръ на послугу посылати!»

То ще якъ сталъ корсунскій полковникъ пане Филоне на Черкень-долину подъ городъ Тягиню
прибувати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Козаки, панове-молодцы!
Который межъ вами козакъ оберется, чтобъ на добраго коня сидати,
Чтобъ изъ Крымцами да Нагайцами на распутьи погуляти?»
То всѣ козаки замолчали,
Только обозвется одинъ Ивась Коновченко,
Единъ сынъ вдовыченко:
«Благослови ты мнѣ, панъ Филонъ, на добраго коня изсидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поединкѣ погуляти!»
То корсунскій полковникъ словами промовляетъ:
«Иванъ Коновченко!
Ты дѣтина молодая:
Ни на поле, ни на море не бувала,
Козацкой крови не видала,
Какъ ты кровъ христіанскую узришъ,
То ты самъ злякаешъ».
Иванъ Коновченко словами промовляетъ:
«Корсунскій полковнику, панъ Филонъ!
«Пойди ты на рѣку, да поймай утя старое и малое,
Та пусти ты на рѣку,—есьли не поплыветъ малое, какъ старое».
Корсунскій полковникъ отвѣчаетъ:
«Иванъ Коновченко!
Когда могъ ты мнѣ загадку такую загадати,
Благословляю тебя на добраго коня сидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поле погуляти».
Коновченко на коня сѣдаетъ,
Отъ козаковъ благословеніе принимаетъ,
Межъ Крымцы и Нагайцы вбѣгаетъ,
66 Крымцевъ да Нагайцевъ съ коней збываетъ,
Сплечъ головы снимаетъ,
14 рычарей (sic) турецкихъ на арканъ хватаетъ,
Живьемъ до козацкаго намѣту пригоняетъ.
Корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, то зобачаетъ
И промовляетъ,

Коновченка братомъ называетъ:
«Иване Коновченко, брате мой сердечный!
Коли могъ ты рыцарской славы достати,
Благословляю тебя въ своемъ намѣтѣ спочивати».
А Иванъ Коновченко тое зачувае
И великую радость мае,
Что корсунскій полковникъ братомъ его называетъ.
То винъ словами промовляетъ:
«Корсунскій полковнику, пане Филоне!
Благослови мнѣ оковитой горелки напиться,
То я могу еще и лучше съ Крымцами да съ Нагайцами побиться!»
Полковникъ словами промовляетъ:
«Иванъ Коновченко!
Я слыхалъ отъ старыхъ людей,
Что сия оковитая горелка барзо вадитъ,
Не одного человѣка съ сего свѣта збавитъ».
У той часъ и годину
Десь корсунскій полковникъ отгодився,
Иванъ Коновченко довольно горелки напився...
На добраго коня сѣдаетъ,
Саблю изъ рукъ выпускаетъ,
Межъ Крымцы да Нагайцы вбѣгаетъ,
70 человѣкъ съ коней збиваетъ,
Сплѣчъ головы снимаетъ.
Стали безбожныи бусурманы козака въ хмели познавати,
Стали отъ табора козацкаго далѣ отбивати,
Скоро отъ табору козацкаго отбавляли,
Округъ его оступали,
Тамъ его посѣкли, порубали,
Смертельными ранами даровали,
Только козацкаго коня не поймали.
Конь козацкій по табору играетъ,
Нибы ясенъ соколъ лѣтаетъ,
Корсунскій полковникъ тое забачаетъ,
И промовляетъ:
«Недармо нашего Коновченка конь по табору играетъ,
Знать, его въ живыхъ немае...
Вы, панове, сами не добре учинили,
Що пьянаго человѣка съ своихъ рукъ испустили.

Добре вы, братця, дбайте,
На кони козацкіе сѣдайте,
Козацкое тѣло позбирайте,
До козацкаго намѣту привизите».
Тогда козаки добре дбали,
Що козацкое тѣло позбирали,
Суходолъ саблями копали,
Шапками, приполами землю выносили,
Изъ оружія стрѣляли,
Козацкую славу прославляли,
Семиперстную могилу высыпали...
Въ городѣ Черкасѣ
У вдовы, старенькой жены,
По имѣнію Грицихи,
По прозванію Коновчихи,
Приснился сонъ чуденъ-пречуденъ,
Барзо дивенъ да й предивенъ...
Вдова отъ сна прочинала,
На рынокъ выходила,
Съ сосѣдами говорила:
«Приснился сонъ чуденъ да пречуденъ,
Что видится, мой сынъ въ войнѣ оженился,
Понялъ себѣ жену туркеню горду да пышну,
Въ зеленомъ сукнѣ подъ бѣлыми позументами,
Она панщины не робитъ,
Подачки не даетъ,
Никто ее въ углы не толкаетъ,
Только она себѣ правдиваго судіи Господа съ небесъ желаетъ».
Сусиды тое зачували,
Вдовѣ той сонъ отгадали,
Только правды не сказали:
«Вдова небога!
Будетъ твой сынъ изъ войска прибувати,
Будетъ тебя казацкимъ кармазиномъ даровати».
Вдова тогда не убога бувала,
4 бочки горелки и 6 меду на брамѣ становила,
На святу недѣлю козаковъ изъ похода сподѣвалась.
То козаки съ походу идутъ,
Якъ пчелы гудутъ,

То первая дивизія выступаетъ,
Вдова Ивана Коновченка, своего сына, пытаетъ.
То козаки тое добре знали,
Вдовѣ правды не сказали.
Другая дивизія наступаетъ,
И тамъ вдова сына пытаетъ,
И тамъ козаки добре знали,
Вдовѣ правды не сказали.
«Вдова небога, не журыся
Твой сынъ ввойнѣ оженился,
Понялъ себѣ жену туркеню, горду да пышну невѣсту».
Вдова тое зачувала,
Каждаго козака частовала
И словами промовляла:
«Хвалю жъ тебѣ, Господи, что я себѣ тихой да веселой невѣстки дождала!
Хоть буду козакамъ курени подмѣтати,
Аби мене могли при старости лѣтахъ у себѣ держати».
То уже третяя дивизія идетъ,
Корсунскій полковникъ коня въ рукахъ за поводы ведетъ.
То вдова, старенькая жена,
Якъ скоро тее узрила,
То барзо умлила,
На ногахъ не устояла,
Къ сырой землѣ грудью упала,
Въ гору руки поднимала,
Полковника проклинала:
«Полковникъ, панъ Филонъ!
Бодай ты счастья-доли не малъ,
Якъ ты моего сына изъ всего войска потерялъ».
Полковникъ самъ не пышенъ бываетъ,
Съ коня вставаетъ,
Вдову, старенькую жену, съ земли поднимаетъ
И промовляетъ:
«Вдова-небога!
Не проклинай меня,
Щастья моего и доли козацкой не теряй:
Ты сама недобре починала,
Что своего сына въ охотное войско не пускала,

Щастье его и долю потеряла,
Ты его проклинала»...
Тогда вдова не убога ся мала,
Сорокъ тысячъ козацкаго войска въ дворъ свой зазывала,
Трое сутокъ ни пити, ни ѣсти хлѣба-соли не поборонила,
Всѣхъ козаковъ, какъ бояръ, даровала,
Давала рушники тканы и вышиваны,
Заразомъ похороны и веселья отправляла,
Козацкую славу прославляла.

8.

Иванъ Богославецъ, гетманъ запорожскій [1]).

По мнѣнію Костомарова, въ эту думу перенесенъ изъ думы о Марусѣ Богуславкѣ разговоръ Ивана Богуславца съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣщеніе“ [2]). Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы— ничто иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ. Въ варіантѣ, напечатанномъ въ I томѣ Историч. пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, разсказывается о Богуславцѣ, что онъ сперва отказался отъ предложенія пани Кизлевской принять вѣру бусурманскую, когда же она приказала связать его „сырою сырыцею“ и положить его передъ „праведнымъ сонечкомъ“, которое „стало прыгриваты, а сырая сырыця стала ссыхаты“, тогда Иванъ Богуславецъ отрекся отъ вѣры христіанской и зажилъ

---

[1]) Дума эта дошла до насъ всего въ двухъ варіантахъ: одинъ напечатанъ въ I т. Истор. пѣсенъ малорус. народа, Ант. и Драг. 241—242, другой болѣе полный варіантъ въ рукописи Котляревскаго.

[2]) Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго пѣсеннаго творчества, (стр. 31, отд. оттискъ).

съ пани-Кизлевской. Итакъ, въ этомъ варіантѣ Иванъ Богуславецъ никто иной, какъ ренегатъ.

Ведетъ онъ себя, какъ подобаетъ ренегату, и въ думѣ Ересая о похищеніи изъ турецкой неволи [1]). По всей вѣроятности, въ то время, когда писалась извѣстная исторія Руссовъ Конисскаго, ходила въ народѣ иная дума о Богуславцѣ: изъ нея авторъ этой исторіи могъ почерпнуть извѣстіе о писарѣ Богуславцѣ, который въ концѣ XVI в. „захваченъ былъ турками въ плѣнъ при г. Козловѣ, но послѣ запорожцами былъ вырученъ помощію Семиры, жены паши турецкаго: Семира выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ Малороссію и была его женой“ [2]). Ближе всего къ этому предполагаемому нами варіанту стоитъ варіантъ Котляревскаго. Здѣсь Богуславецъ не увлекается „роскошью турецкою“ и тоже бѣжитъ на родину. Наружнымъ образомъ онъ принимаетъ вѣру бусурманскую, чтобы освободить себя и товарищей своихъ изъ неволи. Изъ ренегата онъ превращается въ героя: не только не увозитъ „Алканъ-пашевую, пани молодую“, но за оскорбленіе личной чести мститъ туркамъ, жителямъ города Козлова, и убиваетъ свою любовницу. Такимъ образомъ, если допустить, что во всѣхъ этихъ думахъ Иванъ Богуславецъ есть одно и то же лице, то мы имѣемъ предъ собою всю исторію его: въ такомъ случаѣ варіантъ Котляревскаго, какъ наиболѣе разработанный, могъ возникнуть только послѣ появленія думъ, изображавшихъ первоначальную исторію Богуславца.

---

1) Въ городѣ Козловѣ [3]) стояла темница каменая,
7 сажень въ землю въ мурованная (sic),
У той темницѣ пробувало 700 козаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ.
5) Межъ ними безъ старшины козацкои не бывало,

---

[1]) Записки юго-зап. отдѣла кіевскаго географ. общества, I, 16—18. Въ изслѣдованіи Костомарова эта дума названа думой о соколѣ.

[2]) Исторія Руссовъ, Конисскаго, 31—32.

[3]) Козловъ—нынѣшняя Евпаторія, уѣздный городъ Таврической губ.

Бувъ одинъ старшій старшиною Иванъ Богославецъ [1]),
Гетманъ запорожскій.
Они десять лѣтъ пробували въ неволи,
То Иванъ Богославецъ сидя соби думаетъ да гадаетъ,
До козаковъ словами промовляетъ:
«Козаки, панове-молодцы,
Що у насъ сегодни за день великая субота,
Завтра будетъ святый день—Великъ-день,
Будутъ наши отцы рано вставати,
До Божого дому приступати,
Божіе слово выслухати,
Насъ, бѣдныхъ невольниковъ, поминати».
То всѣ невольники тое зачували,
Дробными слезами обливали,
Иванца-Богославца лаяли-проклинали:
«Бодай ты себѣ, Иванецъ-Богославецъ, щастья и доли не малъ,
Що ты намъ сей праздникъ отказалъ».
Иванъ-Богославецъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Не лайте мене братцы, не проклинайте,
Може намъ, братцы, Богъ милосердный буде помогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати»?
То въ недѣлю рано-пораненько
Алканъ-пашева турецкая отъ мужа зоставала,
Свого мужа поховала,
До темницы прихожала,
Темницу отмыкала,
Помежъ невольниками похожала,
Иванца-Богославця за бѣлую руку брала,
Ще словами промовляла:
«Иванче-Богославче!
Коли бъ ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
А нашу бусурманску на себя бралъ,
Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ...
Я бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,

---

[1]) Согласно съ исторіей Русовъ Конисскаго, Максимовичъ думалъ, что Иванъ Богуславецъ участвовалъ въ походѣ Скалозуба противъ турокъ въ 1583 году, см. Украинс. народ. пѣсни, 1834, 8[1].

Въ землю христіанскую хорошенько провожала».
Иванецъ-Богославецъ тее зачувае,
Словами промовляе:
«Алканъ-пашова, пани молодая!
Якъ не будешъ ты мнѣ христіанскою вѣрою урѣкати,
Буду я тебя за жену до себе брати».
То вже Алканъ-пашова, пани молодая,
7 недѣль хмелю не заживала,
Христіанскою вѣрою не урѣкала,
Всѣхъ невольниковъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.
Якъ стала на восьмой недѣле хмѣль заживати,
Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
Стала Иванчевы-Богославцевы христіанскою вѣрою урѣкати:
«Дывится, панове,
Якій у мене мужъ прекрасный,
Та винъ у насъ побусурменился для роскоши турецкой».
Иванецъ-Богославецъ тое зачувае,
До Чернаго моря швиденько прибѣгае,
Въ лодку сѣдае,
Козаковъ середъ Чернаго моря догоняе,
До козаковъ въ судно вступае.
Алканъ-пашева, пани молодая, до Чернаго моря прихожае,
Иванца-Богославца въ суднѣ забачае,
Дробными слезами обливае:
«Иванче-Богославче!
Бодай тебе Господь милосердный на семъ свѣтѣ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ»!
То ще якъ стала темная ночъ наступати,
Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,
Стали на турокъ на сонныхъ набѣгати,
Стали ихъ рубати,
Городъ Козловъ огнемъ—мечемъ воевати,
Стали турецкіе лехи разбивати,
Сребро-злато, дорогую одежду забирати,—
Сталъ Иванецъ-Богославецъ Алканъ-пашевую,
паню молодую, рубати,
Стали отъ пристани Козловской поспѣшати,
И ще до свѣта до города Сѣчи прибувати,

Въ городѣ Сѣчи сокровища турецкія раздѣляти,
Стали уже козаки словами промовляти:
«Иванче-Богославче, гетмане запорожскій!
Десять лѣтъ ты въ неволѣ пробувалъ,
Ни одного козака не утерялъ»!
Вызволь, Господи, невольника изъ неволи
На край веселый,
Между миръ христіанскій!

П. Житецкій.

„Правда" о коліивщинѣ польскаго историка г. Корзона.

(По поводу его рецензіи въ № 3 «Kwartalnika historycznego» за 1892 г. на «Очеркъ коліивщины» Я. Шульгина).

Въ „Кіевской Старинѣ" за 1890 годъ былъ нами помѣщенъ „Очеркъ коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ". По окончаніи печатанія этой работы въ журналѣ она была въ небольшомъ количествѣ оттисковъ выпущена въ свѣтъ отдѣльною книгою. Въ виду интереса эпохи, затронутой въ названной работѣ, а, быть можетъ, и въ виду интереса, представляемаго документами, которыми мы пользовались и которые, какъ намъ кажется, проливаютъ нѣсколько новыхъ лучей свѣта на южно-русское народное движеніе 1768 года, нашъ „Очеркъ коліивщины" вызвалъ къ себѣ нѣкоторое вниманіе печати русской и польской.

Съ благодарностью принимая замѣчанія рецензентовъ на тѣ или другія положенія въ нашемъ „Очеркѣ" и сознавая, что нѣкоторые изъ отзывовъ были, быть можетъ, не въ мѣру благосклонны къ нашему труду (разумѣемъ отзывы въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" въ № 1 за 1891 годъ и въ „Русской Мысли" за 1890 годъ въ № 7 и за 1891 г. въ № 4), мы однако не считаемъ удобнымъ впредь до втораго изданія книги обмѣняться своими мнѣніями съ благосклонно разбиравшими нашъ трудъ. Иначе мы должны поступить по отношенію къ далеко неблагосклонной рецензіи на него г. Корзона, которая появилась въ издающемся въ Львовѣ журналѣ „Kwartalnik historyczny", органѣ историческаго общества, осно-

ванномъ Ксаверіемъ Лискимъ (Zeszyt III 1892). Въ рецензіи своей, озаглавленной „Nowa książka o koliszczyźnie“ г. Корзонъ проявляетъ такъ много страстности по поводу всего имъ высказываемаго и такъ безпощадно уличаетъ насъ и въ научномъ невѣжествѣ, и въ произвольномъ толкованіи фактовъ, что болѣе скорый отвѣтъ мы обязаны дать ему во избѣжаніе недоразумѣній со стороны читателей нашего „Очерка коліивщины“. Притомъ же пренебречь мнѣніемъ г. Корзона мы не имѣли бы права въ виду основательной популярности, какою пользуется въ исторической литературѣ его имя послѣ появленія въ свѣтъ его четырехтомнаго труда „Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794)“ и ряда другихъ его произведеній по польской и всеобщей исторіи. Если же еще принять въ разсчетъ собственныя заявленія г. Корзона о руководившихъ имъ намѣреніяхъ въ его историческихъ работахъ, то и подавно горькіе попреки его по нашему адресу не могутъ быть оставлены нами безъ возраженій. Въ самомъ дѣлѣ г. Корзонъ въ предисловіи къ своему труду „Wewnętrzne dzieje“ такъ говоритъ о себѣ: „мы были далеки, конечно, отъ всякихъ полемическихъ пререканій. Искренно, старательно искали мы только правды и ничего кромѣ правды, не взирая на то, понравится ли она кому или нѣтъ, покажется ли возвеличивающей или позорящей. Найдемъ въ себѣ довольно силы, чтобы овладѣть своими склонностями, когда идетъ рѣчь о работѣ мысли, о свѣтѣ науки. Вѣдь учимся мы для того, чтобы стать болѣе мудрыми, а какая же мудрость проявится въ результатѣ заблужденій, фальши или слабодушныхъ обходовъ истины? Если поэтому при зондированіи мною раны до дна (рѣчь идетъ о паденіи Рѣчи Посполитой) откроются здоровые соки въ организмѣ, найдутся въ народѣ симптомы жизненности—то вѣрьте такому діагнозу, ибо въ каждомъ изслѣдованіи моемъ исходнымъ пунктомъ для меня было сомнѣніе, даже подозрительность по поводу рѣшаемаго, и все это могли разогнать только очевидныя, осязательныя, непреоборимыя данныя. Никого не превозношу безъ основаній—ни отдѣльныхъ людей, ни сословія, ни народы, ни даже принципы; никого и не черню. Для соотчича и для чужеземца и

даже для самого врага у меня одна рѣчь: „вотъ правда, какъ я ее постигъ и смогъ выразумѣть!“ [1]). Преклоняясь предъ такими намѣреніями историка и нашего критика, могли ли бы мы, узнавъ его мнѣніе о нашемъ трудѣ, не свести съ нимъ счетовъ? Намъ естественно было бы или отказаться отъ тѣхъ своихъ мнѣній по вопросу о коліивщинѣ, которыя имъ опровергнуты для насъ убѣдительно, или же представить достаточныя основанія для ихъ удержанія и для непринятія противоположныхъ мнѣній авторитетнаго рецензента. Считая себя обязанными такъ поступить въ видахъ уясненія истины, мы къ сожалѣнію не имѣемъ возможности согласиться съ тѣмъ толкованіемъ коліивщины, какое даетъ г. Корзонъ, и поневолѣ должны попытаться доказать ему, что онъ не правъ, и что высказанное нами въ книгѣ должно быть признано научнымъ толкованіемъ приведенныхъ въ ней фактовъ.

I.

Наиболѣе рѣзко выступающимъ положеніемъ въ рецензіи г. Корзона является его утвержденіе, что мы ложно толкуемъ политическую сторону народнаго движенія южно-русскаго народа въ 1768 году, а равно и отношеніе къ этому движенію правительствъ Рѣчи Посполитой и Россіи.

Прежде всего по утвержденію г. Корзона движеніе гайдамацкое 1768 г. не было движеніемъ политическимъ, идейнымъ, а было только простымъ разбойничествомъ. Утвержденіе это не высказано однако рецензентомъ въ видѣ отдѣльнаго положенія, но сказалось во многихъ мелкихъ замѣчаніяхъ—и въ сравненіи Желѣзняка, бывшаго однимъ изъ видныхъ, если не самымъ виднымъ ватажкомъ движенія, съ греческимъ разбойникомъ Афанасіемъ, недавно нападавшимъ на поѣзда желѣзныхъ дорогъ и пр. [2]), и въ удивленіи по поводу нашего признанія другого ватажка гайдамацкаго, Семена Неживаго, чело-

[1]) T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanislawa Augusta (1764—1794) Przedmowa Str. 2.

[2]) Kwartalnik historyczny. Zeszyt III 1892 r. Str. 528,

вѣкомъ идейнымъ [1]), наконецъ въ томъ, что рецензенту кажется дикимъ наше неоднократное признаніе всего движенія 1768 года войной, до извѣстной степени партизанской, за свободу, вѣру, правду и народность [2]). Наконецъ, квалификація коліивщины, какъ разбойничьяго движенія, дана г. Корзономъ и въ его большемъ трудѣ. „Гайдамачество, пишетъ онъ тамъ, или по просту разбои, безпорядочныя проявленія свободы или вѣрнѣе козацкаго своевольства, выступило тутъ (въ монастыряхъ мотронинскомъ, мошненскомъ, корсунскомъ и жаботинскомъ) съ темнымъ религіознымъ фанатизмомъ и производило настоящій хаосъ въ отношеніяхъ всякаго рода“ [3]).

Въ работѣ своей мы держались иного взгляда на коліивщину, чѣмъ г. Корзонъ. Мы прямо считали это движеніе проявленіемъ самостоятельно сознаннаго протеста южно-русскаго крестьянства, угнетеннаго поляками въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи [4]). Къ такому убѣжденію привела насъ вся совокупность фактовъ, бывшихъ у насъ подъ рукою по поводу коліивщины. Не можемъ отказаться отъ своего заключенія и теперь, по прочтеніи рецензіи г. Корзона. Всѣ признаки политическаго движенія у насъ въ данномъ случаѣ на-лицо. Если обратить вниманіе на причины, которыя его вызвали, то это были не желанія личнаго обогащенія немногихъ, а мысль объ уничтоженіи условій, сживавшихъ со свѣта русское крестьянское населеніе въ предѣлахъ шляхетско-католическаго государства—Рѣчи-Посполитой. Далѣе способъ веденія возстанія, какъ бы тамъ ни было, былъ сознательно продуманъ: была и кой-какая организація военныхъ силъ, были взвѣшены и тѣ обстоятельства, въ какихъ тогда пребывала Рѣчь-Посполитая и въ частности Украина, а также то содѣйствіе, какое могли встрѣтить возставшіе за вѣру и свободу со стороны Россіи, хотя, конечно, въ этомъ послѣднемъ разсчетѣ было много ошибочнаго. Наконецъ и велось возстаніе ради осуществленія извѣстнаго идеала,

---

[1]) Ibidem, str. 531, 533.

[2]) Ibidem, str. 534.

[3]) T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za St. Aug. T. 1. Str. 183.

[4]) Нашъ „Очеркъ коліивщины“. Отдѣльн. оттискъ стр. 178.

состоявшаго если не въ обрѣтеніи полной независимости, то по крайней мѣрѣ въ подчиненіи единовѣрной Россіи, хотя опять таки разсчеты и въ этомъ отношеніи были достаточно туманны. Такимъ образомъ не своекорыстными причинами было вызвано движеніе 1768 года, придуманъ былъ способъ его осуществленія, оказывались на-лицо и идеалы, во имя которыхъ оно велось,—а все это несомнѣнно признаки движенія политическаго, идейнаго.

Въ разныхъ мѣстахъ нашей книги всѣ эти черты коліивщины были нами отмѣчены. На стр. 13—17 и 195 „Очерка коліивщины“ нами довольно подробно указано, какой удивительной вѣротерпимостью въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой пользовалось православіе, котораго держалось южно-русское населеніе; тамъ же отмѣчено, что неистовства барскихъ конфедератовъ надъ православными были послѣднимъ поводомъ, вызвавшимъ народное возстаніе, причемъ, вопреки утвержденію г. Корзона [1]), будто въ „Очеркѣ“ нашемъ не было приведено ни одного факта въ подтвержденіе неистовствъ тогдашней конфедераціи, мы должны указать на стр. 41 нашей книги, гдѣ приведена жалоба потерпѣвшихъ отъ такихъ неистовствъ. Думаемъ затѣмъ, что много достаточныхъ причинъ для возстанія южно-русскаго народа противъ Рѣчи-Посполитой въ защиту своей вѣры авторъ найдетъ и въ собственномъ сочиненіи. У него есть указанія на то, что терпѣло православное населеніе Рѣчи-Посполитой послѣ Андрусовскаго договора, примѣрно съ 1668 года и особенно послѣ 1686 года. „.... съ 1668 г., пишетъ онъ, вмѣсто того, чтобы умиротворить послѣдователей греческой вѣры, предоставивъ равныя права обѣимъ церквамъ, греческой и уніатской, принята была въ основаніе забота о приведеніи православія къ единенію съ католичествомъ. Фатальныя послѣдствія дала эта забота, какъ и вездѣ, гдѣ правительства принимали на себя апостольскія обязанности въ дѣлахъ вѣры! Не помнящая или не свѣдущая о грозныхъ историческихъ свидѣтельствахъ фанатизированная въ іезуитскихъ школахъ шляхта временъ саксон-

[1]) Kwartalnik hisstoryczny. Z. III. str. 536.

скихъ королей едва соблаговоляла терпѣть неунитовъ, но и то ограничивала ихъ въ правахъ гражданскихъ, не допускала до государственныхъ должностей и даже до должностей городскихъ. Повидимому цѣль оказалась достигнутой, когда епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій (1700) и епископъ холмскій [1]) Діонисій Жабокрицкій (1704) приняли унію, но въ груди народа русскаго, а особенно у духовенства греческаго непрерывно накоплялись чувства крайней ненависти къ „ляхамъ“ и сильнѣе всего на Украйнѣ, гдѣ жива была память о Хмельницкомъ, живъ былъ козацкій духъ и обычай. Ненависть эта подогрѣвалась—и рознью въ ежедневныхъ отношеніяхъ, и несправедливостью судовъ и борьбой за бенефиціи и церкви съ уніатами“ [2]).

Какъ кажется, не блѣдныя краски положены самимъ г. Корзономъ для объясненія недовольства русскихъ крестьянъ тогдашними религіозными условіями жизни. Затѣмъ, что до барской конфедераціи, то г. Корзонъ, признавая вполнѣ раціональной ея основную цѣль—возвратъ національной независимости, что выражено было лозунгомъ „za wolność, не такъ относится къ ея религіознымъ мечтаніямъ, выразившимся въ другой половинѣ лозунга, въ словахъ: „i za wiarę“ [3]). Выгораживая епископа Красинскаго, какъ вдохновителя барской конфедераціи, отъ упрековъ въ соединеніи такихъ двухъ цѣлей и въ принятіи такого лозунга, г. Корзонъ выражается такъ: „зная его нравственный цензъ и высокія мыслительныя способности, мы почти убѣждены, что вѣроисповѣдный лозунгъ не исходилъ отъ него... А между тѣмъ лозунгъ этотъ былъ искрой, вызвавшей страшный пожаръ, бунтъ Желѣзняка и Гонты, рѣзню уманскую“ [4]). Еще точнѣе о поводѣ возникновенія этихъ ужасныхъ событій г. Корзонъ говоритъ въ цитатѣ изъ письма короля Станислава-Августа къ

---

[1]) Діонисій Жабокрицкій былъ епископомъ не холмскимъ, а луцкимъ (см. у В. Б. Антоновича. Очеркъ состоянія православной церкви въ Ю.-З. Россіи съ половины XVII до конца XVIII в. въ Монографіяхъ стр. 316 и въ Арх. Ю.-З. ч. I. т. IV стр. 118—154 и д.).

[2]) T. Korzon. Dzieje Wewnętrzne za St. Aug. T. I str. 182.

[3]) Ibidem Str. 198, 199.

[4]) Ibidem str. 199.

m—me Жофренъ. „Нѣсколько фанатиковъ, читаемъ мы въ этой цитатѣ, не опровергаемой г. Корзономъ, начали грозить крестьянамъ нашей Украины всякими бѣдствіями, если они не перестанутъ быть греками-неунитами и не сдѣлаются греками уніатами, т. е. если не перестанутъ такъ толковать св. Тройцу, какъ толкуютъ ее въ Петербургѣ, и не начнутъ толковать ее по-римски. Посудите—могли ли эти несчастные хлопы хоть что нибудь понять во всемъ этомъ. Но этого было довольно, чтобы ихъ взволновать,—бунтъ же такихъ людей не шутка!... Фанатизмъ греческій и рабскій борется огнемъ и мечемъ съ фанатизмомъ католическимъ и шляхетскимъ. Несомнѣнно, что безъ барской конфедераціи не было бы этого новаго горя". „Измѣнивъ послѣднее выраженіе, добавляетъ отъ себя г. Корзонъ, или вѣрнѣе, присоединивъ къ нему слова: „безъ лозунга религіознаго въ конфедераціи барской", мы получимъ самое вѣрное и изъ самаго компетентнаго источника исходящее указаніе для пониманія умонастроенія и причинъ, вызвавшихъ уманское бѣдствіе" [1]). Для усиленія впечатлѣнія, производимаго такимъ отношеніемъ польскаго автора къ религіознзму фанатизму барскихъ конфедератовъ, могли бы ему сослужить немалую службу документы, заключающіеся въ Арх. ю.-з. Россіи въ ч. I, т. III, подъ №№ CXXI, CXV, CXIII, CVIII, CXX, CXXV, CXIX, CVI, CVII, CLXVII. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Корзонъ нашелъ бы въ нихъ много указаній на тѣ неистовства барскихъ конфедератовъ, о которыхъ поминаемъ мы въ своей работѣ, будто бы не имѣя на то никакихъ документальныхъ доказательствъ. Сомнѣваться въ достовѣрности неистовствъ, приводимыхъ въ означенныхъ документахъ, г. Корзону едва-ли прійдется: они заявлялись потерпѣвшими отъ конфедератовъ не только архіепископу Гервасію Линцевскому, но и заносились въ гродскія книги, а также доставлялись регименгарю Украинской Партіи Вороничу; разъ же они попадали въ такія руки, то писавшіе ихъ, конечно, воздерживались бы отъ преувеличенія фактовъ въ виду возможности ихъ провѣрки; при томъ же безъискуственный, часто наивный тонъ пересказа о

[1]) Ibidem str. 199.

всякихъ пареніяхъ кіями, кнутами или розгами благочестивыхъ поповъ и свѣтскихъ дизунитовъ во все продолженіе троекратнаго чтенія псалмовъ „Помилуй мя, Боже“ и „Блаженни непорочніи“ и о всякихъ другихъ конфедерацкихъ и неконфедерацкихъ польскихъ насиліяхъ [1]) исключаетъ всякую мысль о тенденціозной подтасовкѣ фактовъ.

Въ виду же цѣлаго ряда данныхъ о религіозныхъ насиліяхъ полагаемъ, г. Корзонъ согласится, что для политическаго протеста у коліевъ было достаточно основаній, хотя бы никакихъ другихъ насилій со стороны поляковъ не существовало. Припомнимъ за симъ, какія еще соціальныя условія въ Рѣчи-Посполитой могли вызвать тотъ же политическій протестъ со стороны крестьянскаго населенія южной Руси.

Во второй главѣ нашего „очерка коліивщины“ [2]) отмѣчено было уже, что къ шестидесятымъ годамъ XVIII столѣтія стали истекать тѣ „слободы“, тѣ льготные сроки для крестьянъ, поселявшихся въ шляхетскихъ владѣніяхъ бывшей руины, благодаря которымъ шляхтичи обрѣли въ недавней пустынѣ нужныя имъ рабочія руки. Отмѣчено нами было также, что сравнительно сносное существованіе для поселившихся въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ крестьянъ стало мало-по-малу по истеченіи срока „слободъ“ замѣняться такими условіями, какія царили на Волыни, Полѣсіи да и въ другихъ мѣстахъ Рѣчи-Посполитой. Въ той же главѣ было нами также указано, что въ виду этого русскому населенію бывшей руины легко было предвидѣть полное возвращеніе къ нимъ крѣпостнаго права въ злѣйшихъ его формахъ, поддерживавшихся не столько открытымъ признаніемъ этого права закономъ Рѣчи-Посполитой, а шляхетскими нравами и укоренившимися обычаями. Приведено все это было нами для уясненія того крайняго недовольства соціальнымъ и экономическимъ положеніемъ своимъ, какое проявили крестьяне бывшей руины въ 1768 г. Обо всемъ этомъ во всѣхъ подробностяхъ намъ не было основаній распространяться въ виду имѣю

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. I. т. III, № CXXV.

[2]) „Оч. Кол.“ стр. 103—106.

щагося въ нашей исторической литературѣ вполнѣ авторитетнаго изслѣдованія профессора В. Б. Антоновича объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ; на изслѣдованіе это, служащее предисловіемъ ко II тому 6 части Арх. Ю.-З. Россіи, и были сдѣланы нами ссылки въ нашей работѣ [1]). Что тогдашніе страхи крестьянъ бывшей руины предъ насувавшимся на нихъ возвратомъ польскаго крѣпостничества были основательны, г. Корзонъ легко убѣдится и изъ названнаго изслѣдованія В. Б. Антоновича, и изъ помянутаго тома Архива Ю.-З. Россіи да наконецъ и изъ собственнаго своего труда „Wewnętrzne dzieje Polski za St. Aug.“, гдѣ, во первыхъ, прямо признаетъ въ Рѣчи-Посполитой крѣпостническія отношенія и даже рабство (niewola) и рабовъ (niewolników) [2]) и стоитъ за то, что положеніе „хлопа“ въ этомъ государствѣ было тяжеле положенія крестьянина французскаго (servage) и нѣмецкаго (Leibeigenschaft), хотя и не равнялось древне-римскому рабству. Тамъ же очень опредѣленно отмѣчено авторомъ господство въ отношеніяхъ между шляхтичами-землевладѣльцами и крестьянами полнаго произвола, причемъ „дѣдичи“ были властны даже въ жизни и смерти крестьянъ своихъ уже съ давней поры [3]). Правда г. Корзонъ указываетъ и на то, что право жизни и смерти (jus vitae ac necis) не дано было никогда шляхтичамъ законами Рѣчи-Посполитой и жизнь хлоповъ отъ убійства шляхтичами ограждалась головщизнами, т. е. пенями, сперва довольно ничтожными, а потомъ нѣсколько большими, и по Литовскому Статуту даже смертной казнью,—тѣмъ не менѣе все же писатель-юристъ XVIII столѣтія полякъ Скшетускій, свободный, по словамъ г. Корзона, отъ шляхетскихъ предубѣжденій [4]), считаетъ, что право жизни и смерти надъ крестьянами дѣдичи получили въ Рѣчи-Посполитой въ 1573 г., во время

[1]) Какъ на прекрасный сводъ данныхъ по крестьянскому вопросу въ Польшѣ укажемъ еще на трудъ г. Мякотина „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Спб. 1889 г.“ Для г. Корзона эта книга покажется, быть можетъ, болѣе основательной, какъ не принадлежащая перу писателя „Кіевской школы“.

[2]) Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za St. Aug. t. I, str. 346.

[3]) Ibidem str. 353, 354.

[4]) Ibidem str. 346.

перваго безкоролевья послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ по четвертой статьѣ акта варшавской генеральной конфедераціи, причемъ въ статьѣ этой есть однако ссылка на давній обычай—jako zawsze było [1]). Хорошо, конечно, что г. Корзонъ приводитъ со словъ Скшетускаго это постановленіе конфедераціи 1573 года, но онъ однако напрасно думаетъ, что ранѣе отмѣченное имъ огражденіе жизни крестьянина головщизнами и даже смертною казнью относилось къ ихъ дѣдичамъ; по объясненію Hüppe, отмѣченному въ книгѣ г. Мякотина „о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“, приводимыя г. Корзономъ постановленія относились не къ господину крестьянина, а къ чужому шляхтичу: послѣдній денежной пеней возмѣщалъ нанесенный убійствомъ убытокъ господину [2]). Затѣмъ, не смотря на утвержденіе г. Корзона о несуществованіи въ Рѣчи Посполитой закона, предоставлявшаго дѣдичамъ право жизни и смерти надъ крестьянами, и не смотря на нѣкоторое сомнѣніе его по поводу такого фатальнаго значенія рѣшенія варшавской конфедераціи 1573 года, онъ все же долженъ былъ привести указаніе на законъ 1768 года (artikul XIX praw kardynalnych), по которому у шляхтичей или точнѣе у дѣдичей это право было *отобрано* [3]). Конечно, надо думать, что отобрать можно только то, что было дано или что было самовольно присвоено, но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же г. Корзонъ такъ туго соглашался признать существованіе за дѣдичами права надъ жизнью и смертью ихъ крестьянъ? Что г. Корзонъ въ данномъ случаѣ запутался въ своихъ признаніяхъ и сомнѣніяхъ—это болѣе, чѣмъ очевидно. Выйти однако изъ этой путаницы онъ нашелъ

---

[1]) Ibidem str. 355.

[2]) Мякотинъ В. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Спб. 1889. стр. 54, ссылка на книгу Hüppe—Verfassung der Republik Polen. Berlin 1867.

[3]) Korzon. W. d. P. t. I, str. 356. Нѣкоторое сомнѣніе по поводу силы закона 1768 г. въ смыслѣ серіознаго улучшенія крестьянскаго положенія высказываетъ и самъ г. Корзонъ. А у Бандтке въ его посмертномъ изданіи Historyi prawa polskiego“ на стр. 673 читаемъ такое заключеніе по поводу закона 1768 г.: „Sumienie pana, na szlachectwie przecenionem uspione, pozostało jedynym kodeksem, a Bóg jedynym sędzią dla chłopa poddanego prywatnego“. Серіозные доводы въ пользу такого своего заключенія онъ приводитъ затѣмъ на стр. 689.

возможнымъ путемъ такого утвержденія: „на дѣлѣ примѣненія смертной казни дѣдичемъ надъ подданнымъ крестьяниномъ мы не встрѣтили ни единого раза; не слышали объ этомъ и современные писатели; но объ угрозахъ „повѣсить“ читали мы два раза, а о тяжеломъ обращеніи съ крестьянами, объ утѣсненіяхъ ихъ, безжалостномъ эксплоатированіи и даже жестокомъ истязаніи читали часто“ [1]).

Для нашихъ цѣлей достаточно въ данномъ случаѣ и такого признанія г. Корзона. Смѣемъ думать, что и при признаваемомъ имъ способѣ лишенія крестьянъ жизни дѣдичами и истязанія ими, у крестьянъ было достаточно причинъ для недовольства политическими порядками Рѣчи Посполитой и для поднятія политическаго движенія. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія политико-соціальныхъ причинъ коліивщина въ полномъ смыслѣ слова есть движеніе, вызванное не своекорыстіемъ, не порочною злою волею, а сознаніемъ глубокой несправедливости, тяготѣвшей надъ крестьянскимъ населеніемъ Рѣчи Посполитой.

---

[1]) Korzon. W. d. P. za St. Aug. T. I, str. 357.—По поводу столь скромнаго признанія позволимъ себѣ указать со словъ г. Мякотина (см. въ его книгѣ „О крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ въ періодъ ея раздѣловъ“ на стр. 67. первую ссылку), что по крайней мѣрѣ объ одномъ случаѣ кары смертью крестьянина дѣдичемъ говорится въ брошюрѣ *Nie wszyscy błądzą*, на стр. 10.—Но есть не мало другихъ доказательствъ примѣненія дѣдичами права казнить крестьянъ смертью. Уже изъ отмѣченнаго и г. Корзономъ постановленія варшавской конфедераціи 1573 года видно, что предоставляемое имъ дѣдичамъ право издавна существовало; казнить крестьянъ смертью всегда было въ обычаѣ (zawsze było), а при такой постановкѣ дѣла едва ли можно предполагать, что казней по волѣ дѣдичей въ дѣйствительности не бывало и они какъ-то платонически поддерживали обычай казнить. Наконецъ, въ I т. „Памятниковъ, издан. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ“ мы имѣемъ арендные листы, по которымъ арендаторамъ, между прочимъ евреямъ, право казнить смертью крестьянъ передается владѣльцами имѣній формально. Акты эти относятся къ 1595 и 1596 годомъ. (См. „Памятники“ т. I, стр. 66, 83, 96). Затѣмъ еще болѣе ясныя и точныя указанія и о правѣ дѣдичей казнить крестьянъ и о примѣненіи этого права заимствуемъ изъ справокъ спеціалиста, занимающагося исторіей русскаго и польскаго права, любезно намъ предоставленныхъ для уясненія даннаго вопроса. Лицо это пишетъ: „Правда, въ статутахъ нигдѣ не выражено *прямо* право владѣльцевъ казнить своихъ крестьянъ смерью, но *оно вытекаетъ косвенно изъ опредѣленія смертной казни за извѣстныя преступленія, каковыя подлежали также и суду помѣщиковъ* (Въ Польшѣ это право опредѣленно признано

Вторымъ менѣе характернымъ признакомъ политическаго движенія, но во всякомъ случаѣ важнымъ признакомъ серіознаго дѣла является, какъ уже сказано, извѣстная обдуманность дѣйствій участниковъ движенія, другими словами планъ его, организація. И это все было на-лицо въ коліивщинѣ. Прежде всего мы указали, что театромъ возстанія было избрано кіевское воеводство [1]) и сюда то стянуты были почти всѣ силы коліевъ, пополнявшихъ свои ряды не только изъ крестьянъ бывшей руины—Кіевщины и Брацлавщины, но и изъ пришлыхъ лѣвобережцевъ, запорожцевъ и гайдамакъ степей. Избраніе такого района для нападенія на Рѣчь-Посполитую нельзя назвать неудачнымъ. Здѣсь именно, какъ это было нами указано [2]), чуть не съ 1712 года распоряжались одни только частные владѣльцы—магнаты, а гражданскихъ властей и даже военныхъ не было; коммиссары, губернаторы, поссесоры того времени—это все были или управляющіе имѣніями пановъ, или арендаторы. Имъ было отдано не только завѣдываніе хозяйствомъ въ краѣ, но и часть

закономъ 1557 г. Vol. leg. т. II, стр. 12, § 15).—Зато въ актахъ кіевскаго центральнаго архива мы имѣемъ достаточно прямыхъ и ясныхъ указаній, что помѣщики *приговаривали* крестьянъ къ смертной казни и такіе приговоры *приводились въ исполненіе* съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ формальностей. Изъ многочисленныхъ указаній подобнаго рода отмѣтимъ нѣсколько: 1) кн. № 2038 л. 140 об. (1564 г.) кн. Чарторыйскій присудилъ „выдать горломъ“ своего слугу корол. толмачу Щастному Шеремеру; 2) кн. № 2044, л. 160 (годъ 1570) земяне Дмитрій и Фоломѣй Рогозинскіе приговариваютъ къ смертной казни (къ повѣшенію) своего крестьянина, виновнаго въ кражѣ; 3) кн. № 2046, л. 210 об. (годъ 1572). помѣщикъ приговариваетъ къ повѣшенію (и приговоръ этотъ приводится въ исполненіе) своего крестьянина за кражу у постороннихъ лицъ; 4) Ibidem, л. 409 подобный же примѣръ; 5) кн. № 2047 л. 166 об. (годъ 1573) казнь помѣщиками своихъ крестьянъ и т. д. и т. д. Право смертной казни передавалось даже заимодавцу при заставѣ имѣнія, арендатору и пр., какъ это видно между прочимъ изъ слѣдующаго: въ заставной записи 1644 г., мая 19 (кн. № 9, л. 356—359) читаемъ: wolno... poddanych nieposłusznych y prawo przestąpiących winami pieniężnemi y gorlowemi karać“.

А что до угрозъ смертью крестьянамъ со стороны дѣдичей, то упоминаній объ этомъ нѣсть числа въ архивныхъ документахъ. Такъ, ихъ много можно найти въ одной только 27 книгѣ Кіев. Центр. Архива, опись которой напечатана.

[1]) Очеркъ коліив. Стр. 10.

[2]) Ibidem. Стр. 83—84.

полицейская и судебная. Экономическій дворъ былъ поэтому своего рода присутствіемъ, имѣвшимъ самыя широкія права надъ крестьянствомъ. Защита края была тоже всецѣло частной: надворныя милиціи при панскихъ замкахъ должны были замѣнять вѣчно распущенныхъ жолнеровъ Украинской Партіи, т. е. той части войска Рѣчи-Посполитой, которая должна была охранять Украину. При такихъ же условіяхъ да еще при всегдашней готовности народныхъ милицій, состоявшихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, переходить на сторону боровшихся за вѣру и свободу собратій своихъ, естественно было коліямъ разсчитывать именно въ этой мѣстности взять верхъ надъ поляками. Если мы обратимся за симъ къ труду самого г. Корзона, то и у него найдемъ прямое указаніе на полное отсутствіе государственнаго порядка въ предѣлахъ бывшей руины именно въ интересующее насъ время. „При недостаткахъ войска, пишетъ г. Корзонъ, при очень слабой пограничной стражѣ, среди политической анархіи только власть патримоніальная дѣдичей, отданная въ руки ихъ офиціалистовъ, губернаторовъ и коммиссаровъ, одна поддерживала проявленія общественной связи. Сами паны не жили на Украинѣ въ виду ежедневныхъ опасеній. На степномъ пограничіи, вблизи „дикихъ полей“ шляхтичъ не ночевалъ дома, но гдѣ-нибудь за фольваркомъ. Жилось ему тутъ, какъ на вулканѣ, въ неустанной тревогѣ“ [1]). Въ виду же такихъ условій въ тогдашнемъ кіевскомъ воеводствѣ не естественно ли было коліямъ именно въ этой мѣстности на первыхъ порахъ испробовать свою удачу, и они, какъ показываютъ факты, именно здѣсь сосредоточили свою дѣятельность. Мы указали на стр. 10 нашего „Очерка“, что главныя силы коліевъ были расположены именно въ четырехъ углахъ названнаго района: 1) близъ Умани, 2) близъ Чигирина и вообще въ Приднѣпровіи, 3) близъ Бѣлой Церкви и 4) въ виду Радомысля, на границѣ кіевскаго Полѣсія, причемъ ватажки Желѣзнякъ, Неживый, Швачка и Бондаренко были завѣдывающими этими силами. Указали мы и на то, что, кромѣ этихъ главныхъ отрядовъ, существовали и болѣе мелкіе,

[1]) Korzon. W. d. P. za St. Aug. T. I, str. 183.

рыскавшіе въ той же мѣстности и ведшіе партизанскую войну. Въ виду такихъ фактовъ, заимствованныхъ и изъ кодненской книги и изъ реляціи графа Румянцева [1]), мы естественно заключили, что гайдамаки, напавъ на мѣста наименьшаго сопротивленія, имѣли въ виду завладѣть этими мѣстами, въ частности кіевскимъ воеводствомъ. Но г. Корзону показалось такое заключеніе неубѣдительнымъ, ибо относительно указаннаго плана мы де не имѣли возможности вычитать ни въ „штабныхъ бумагахъ гайдамакъ“, ни даже не могли узнать о всемъ этомъ изъ какихъ бы то ни было устныхъ признаній Желѣзняка и К°. [2]). По поводу этого веселаго уясненія дѣла позволимъ себѣ спросить ученаго историка—о многихъ ли битвахъ, вѣдаемыхъ въ исторіи, имѣются „штабныя бумаги“ или личныя показанія участниковъ? А съ другой стороны развѣ не достаточнымъ указаніемъ на планъ войны можетъ служить фактическое расположеніе войскъ воюющихъ сторонъ и ихъ систематическое употребленіе въ дѣло? И въ данномъ случаѣ, разъ гайдамаки стали въ четырехъ углахъ Кіевщины, слабо защищенной, развѣ не могли они имѣть въ виду овладѣть ею? Иначе что же они желали сдѣлать? При такихъ сомнѣніяхъ въ очевидностяхъ поневолѣ дойдешь до загадокъ, о которыхъ говоритъ г. Корзонъ. Но сомнѣніями въ основательности нашихъ заключеній относительно плана коліевъ г. Корзонъ не ограничивается и добавляетъ еще и сомнѣнія по поводу указанной нами организаціи ихъ. Съ его точки зрѣнія объ организаціи военной можно только говорить, когда идетъ рѣчь о такихъ порядкахъ, какіе заводилъ Фридрихъ Великій въ своихъ войскахъ или Густавъ Адольфъ, или по крайней мѣрѣ Чингисъ-ханъ [3]), мужики же, по его мнѣнію, очевидно, ни на какую военную организацію не способны. То, что коліи, очевидно, общимъ руководителемъ движенія, или полковникомъ, признавали Желѣзняка, что подѣлили они свои главныя силы на четыре части съ ватажкомъ куреннымъ ата-

---

[1]) Максимовичъ М. А. Сочиненія. Т. I, стр. 616.

[2]) Kwartalnik 1892. Zeszyt III, str. 528.

[3]) Ibidem.

маномъ во главѣ каждой изъ нихъ, и что одновременно путемъ загоновъ, идея которыхъ, конечно, была ими заимствована у татаръ, повсюду въ заполоненномъ ими краѣ вели партизанскую войну [1])—все это, по мнѣнію г. Корзона, не заслуживаетъ названія организаціи, и онъ, прочтя это, почувствовалъ себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ заглавіемъ первой главы нашего „Очерка", трактующей между прочимъ и о военной организаціи гайдамакъ [2]). Не будемъ доказывать, конечно, что вели коліи свое дѣло и съорганизовались по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, но не можемъ не отмѣтить, что даже первобытно-элементарная организація коліевъ все-таки сослужила имъ службу при столкновеніяхъ съ поляками, отъ которыхъ естественнѣе было ждать грандіозныхъ военныхъ плановъ Фридриха-ли Великаго или Густава Адольфа! Какъ ни какъ, а при столкновеніяхъ этихъ русскіе мужики являлись побѣдителями надъ отрядами польской Украинской Партіи.

Но особенно сильно обрушивается г. Корзонъ на коліевъ за страшныя истязанія, какія они производили надъ ксендзами, панами и евреями. Намъ для полной обрисовки крестьянскаго движенія казалось необходимымъ не утаить никакихъ жестокостей со стороны мстившей за себя массы. Ограничиваться простой статистикой числа убитыхъ крестьянами едва-ли было бы возможно по ея отсутствію, да едва-ли было бы и равносильно подробному описанію отдѣльныхъ ужасныхъ сценъ возстанія. Въ такомъ случаѣ мы едва-ли имѣли бы возможность уяснить всю силу ненависти къ угнетателямъ со стороны угнетенныхъ. Описаніемъ гайдамацкихъ неистовствъ мы такъ сказать указывали, чѣмъ уравновѣшивались тѣ неистовства со стороны пановъ-католиковъ, какія они позволяли себѣ съ крестьянами и ихъ православными попами. Да и никакая историческая эпоха не можетъ быть изображена безъ проникновенія во всѣ даже мрачныя и тяжелыя детали ея. Съ этой точки зрѣнія не обходилось ни изображеніе крестьянскихъ войнъ въ Германіи въ XVI вѣкѣ, ни великой французской революціи, ни даже любой

[1]) Оч. кол. стр. 10, 83, 87.

[2]) Kwartalnik 1892. Zeszyt III, str. 528 („doznaliśmy zupełnego zawodu").

позлнѣйшей войны съ разрывными пулями или безъ нихъ. Почему же для уясненія коліивщины изображенія крайне жестокихъ сценъ убійствъ были безполезны? И дѣйствительно такіе ужасы воспроизведены съ плотью и кровью въ большомъ количествѣ въ первой и второй главахъ нашего „Очерка коліивщины“. Но, само собою разумѣется, намъ и въ голову не приходило восхищаться сценами насилія и убійства, что нами много разъ и выражено въ нашей работѣ, хотя бы на стр. 138, 140. Г. Корзонъ между тѣмъ вычиталъ въ ней совсѣмъ иное и, не обинуясь, обвиняетъ насъ даже въ сочувствіи ни больше, ни меньше, какъ отцеубійству. Говоря объ одномъ крестьянинѣ, перебившемъ 22 шляхтича, мы отмѣтили, что онъ же убилъ собственнаго отца, зятя и дѣтей послѣдняго, причемъ нами былъ поставленъ вопросъ—не потому ли онъ перебилъ своихъ, что они мѣшали ему совершить расправу съ панами [1]). Предоставляемъ судить каждому, означаетъ ли послѣдняя догадка сочувствіе отцеубійству.

Но не питая сочувствія ни къ какому звѣрству, ни гайдамацкому, ни шляхетскому, мы тѣмъ не менѣе высказывали и высказываемъ, что гайдамаки боролись за правое дѣло и что, проявляя свою жестокость въ народной борьбѣ за вѣру и волю, они вовсе не были выродками человѣчества, какими они казались и кажутся многимъ полякамъ и г. Корзону. Не превознося коліевъ, мы думаемъ, что жестокость и звѣрство ихъ были того же порядка, что въ 1525 г. были жестокость и звѣрство у нѣмецкихъ крестьянъ, стремившихся къ водворенію евангельскаго равенства на землѣ и Лютеромъ обозванныхъ „бѣшенными собаками“.

Не можемъ обойти молчаніемъ все по поводу тѣхъ же формъ крестьянской борьбы и упрека г. Корзона, что мы всегда считаемъ въ нашемъ трудѣ потерянными людьми только тѣхъ гайдамакъ, которые позволяли себѣ грабить свою братію—крестьянъ, а не считаемъ разбойниками тѣхъ, которые продѣлывали то же по отношенію къ шляхтичамъ [2]). Да, у насъ именно та-

[1]) Оч. коліив. стр. 118.

[2]) Kwartalnik zeszyt III str. 534.

кой критерій былъ при оцѣнкѣ дѣятелей коліивщины, и понятно почему. Шляхтичи были для нихъ враги, съ которыми они боролись, и къ нимъ естественно было относиться, какъ къ враждебной воюющей сторонѣ—à la guerre comme à la guerre: такова нравственность войны и борьбы за существованіе; но и для военнаго времени не считается мыслимой нравственность, допускающая ограбленіе своей же братіи, своихъ соучастниковъ, сотоварищей.

Пусть же г. Корзонъ не удивляется, если именно съ этой точки зрѣнія мы ставимъ ватажка Семена Неживаго довольно высоко. Онъ именно представлялъ собою типъ борца, не позволявшаго себѣ даже никакихъ обремененій для крестьянъ при сборѣ реквизиціи, въ которой воюющіе, конечно, нуждались. Мы видѣли, что и Желѣзнякъ, и Швачка, напримѣръ, своими требованіями, отъ крестьянъ лошадей вызывали подчасъ нареканія, хотя нарекавшіе все же мирились съ потерей необходимаго скота и прощали людямъ, шедшимъ бить ихъ враговъ. Неживый же никакимъ нареканіямъ не подвергался, и о томъ, что онъ старался тушить всякій признакъ неудовольствія со стороны своихъ, можно судить хотя бы по тому мелкому случаю, какъ онъ взятымъ у пана казаномъ хотѣлъ уплатить одному крестьянину за взятую у него лошадь. Г. Корзонъ по этому случаю говоритъ [1]), что мы не додумались, какъ бы могъ Неживый удовольнить крестьянина,—стоило бы де только, чтобы Неживый вернулъ ему коня, а не расплачивался похищеннымъ у пана казаномъ. Подумаешь дѣйствительно—какъ просто, а мы и не догадались! Но бѣда, что для веденія возстанія нужны были гайдамакамъ кони, и они волей неволей должны были брать коней у крестьянъ. А что въ вознагражденіе за коня данъ былъ вмѣсто денегъ заграбленный панскій котелъ—дѣло возможное во всякой войнѣ, какъ возможно было и то, что начальный владѣлецъ заграбленнаго имущества могъ его отнять у награжденнаго имъ крестьянина, и этотъ послѣдній долженъ былъ остаться и безъ коня и безъ котла.

---

[1]) Ibidem. str. 531.

Наконецъ, все не выходя изъ предѣловъ характеризованія способовъ веденія возстанія гайдамаками въ 1768 г., мы должны по поводу бросаемыхъ намъ въ глаза упрековъ за то, что коліи были будто-бы разбойники, сказать г. Корзону, что разбойничій элементъ среди коліевъ и мы признали въ своей книгѣ, но при этомъ ясно отмѣтили только, что онъ не былъ преобладающимъ [1]). Появленіе разбойниковъ среди возставшихъ за вѣру и свободу вполнѣ было естественно, какъ естественно привлеченіе къ военному дѣлу всякой грубой силы въ критическіе моменты народной жизни. Но во всякомъ случаѣ даже и присутствіе разбойничьяго элемента среди коліевъ не умаляетъ политическаго значенія колівщины. Кто не знаетъ, что не можетъ быть признанъ образцовымъ порядокъ въ странѣ, гдѣ разбойничество дѣлается обычнымъ ремесломъ. Отрицательнымъ показателемъ въ порядкахъ Рѣчи Посполитой въ теченіи всего XVIII вѣка было разбойничество, какъ явленіе спорадическое. Не иначе можно относиться и къ тому, что теперь въ Греціи и въ Албаніи и вообще на Балканскомъ полуостровѣ, далѣе въ Италіи съ Сициліей да и въ другихъ государствахъ разбойничество процвѣтаетъ и не поддается искорененію. Поэтому съ извѣстной точки зрѣнія не представляется шуточнымъ и веселымъ и увеселительное сравненіе у г. Корзона [2]) Желѣзняка съ разбойникомъ Афанасіемъ, который на одинъ моментъ занялъ было вниманіе европейской прессы своимъ нападеніемъ на поѣздъ Express Восточной желѣзной дороги въ іюнѣ 1891 года.

Что до третьяго довольно важнаго признака политическаго движенія — существованія у участниковъ его опредѣленнаго идеала будущаго, то съ этой стороны гайдамацкое движеніе 1768 г. изслѣдовано пока слабо, тѣмъ не менѣе кой-какія данныя для характеристики колівщины и съ этой стороны все-же существуютъ. Такъ, мы указали, пересказывая о ватажкѣ Никитѣ Москалѣ, что люди его загона, грябя панское добро, то

---

[1]) Оч. Коліивщ. стр. 131—140.

[2]) Kwartal. 1892, zeszyt. III, str. 528.

и дѣло заявляли: „панщины робыть бильше не будемо“, и научали крестьянъ такъ: „жыто и всякій хлибъ збирайте на свою корысть, сино косить тилько соби, кабанивъ панськихъ рижте и йижте!“ [1]). Отмѣчено у насъ тоже нѣсколько рѣчей гайдамаки Дубеннаго, также свидѣтельствующихъ о тогдашнихъ крестьянскихъ идеалахъ. Бесѣдуя съ однимъ русскимъ маіоромъ, онъ заявлялъ, что радъ былъ бы подпасть власти россійскаго государства, но подъ условіемъ; „треба мени тилько, говорилъ онъ, щобъ було въ мене степу доволи, лису и воды“ [2]). Въ религіозномъ отношеніи въ pendant къ идеаламъ фанатиковъ-католиковъ тотъ же Дубенный высказывалъ mutatis mutandis желаніе повсюднаго распространенія въ краѣ православія и говорилъ полякамъ, „żeby się odrzekli wiary swiętey i obżędkow“ [3]). Наконецъ самое циркулированіе между гайдамаками подложной золотой грамоты русской царицы тоже косвенное указаніе на существованіе у коліевъ нехитрыхъ политическихъ идеаловъ. Ватажокъ Неживый, простодушный, довѣрчивый, былъ, какъ мы отмѣтили, особенно выдающимся пропагаторомъ близости съ Россіей и дорого заплатилъ за это, попавшись по довѣрчивости въ руки командиру сербскаго гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ. Но, конечно, наиболѣе ясныя указанія на народные идеалы временъ коліивщины мы найдемъ въ народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ той порѣ, пока впрочемъ напечатанныхъ въ слишкомъ маломъ количествѣ.

Въ виду всего нами изложеннаго, если и нельзя утверждать, что фактическій матеріалъ коліивщины вполнѣ исчерпанъ, то все же думаемъ—его достаточно для доказательства наличности въ этомъ движеніи всѣхъ трехъ признаковъ политическаго движенія. Мы приводили и данныя въ пользу того, что не мотивы личной наживы руководили тогда возставшими крестьянами, а тяжелыя религіозно-соціальныя условія жизни въ Рѣчи Посполитой; указали мы затѣмъ и на то, что планы и организація были у гайдамакъ; наконецъ, нашли мы и явные намеки

[1]) Оч. кол. стр. 98.
[2]) Ibidem. стр. 113.
[3]) Ibidem. стр. 112.

относительно руководившихъ ими идеаловъ. Простое разбойничество не отливается въ такія формы, какъ отлилось гайдамачество въ 1768 году. Согласиться поэтому со взглядомъ г. Корзона на коліивщину мы абсолютно не можемъ.

II.

Далѣе, по мнѣнію г. Корзона, невѣрно нами истолкована и политика Рѣчи Посполитой по отношенію къ коліямъ. Польскаго историка возмущаетъ, что мы признали обознаго Стемпковскаго, бывшаго потомъ регементаремъ Украинской Партіи, усмирявшаго и судившаго коліевъ, человѣкомъ крайне жестокимъ, готовымъ карать своихъ политическихъ недруговъ не только согласно строгимъ статьямъ Литовскаго статута, но и по произволу [1]). Эта претензія г. Корзона, въ виду присваиваемой имъ себѣ объективности, представляется особенно странной. Развѣ не знаетъ г. Корзонъ, что обозный Стемпковскій вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ Браницкимъ и житомирскимъ судьей Дубравскимъ пользовался при подавленіи коліивщины правомъ меча (jus gladii)? [2]). Развѣ не знаетъ далѣе г. Корзонъ и того, что при обиліи судимыхъ и при спѣшности, съ которою дѣйствовалъ Стемпковскій, и рѣчи не могло быть о правильномъ веденіи судебнаго процесса въ согласіи съ Литовскимъ статутомъ? Во время кодненскаго суда вѣдь исполненіе приговора слѣдовало непосредственно за его произнесеніемъ, а ужъ при такомъ условіи совершалось явное пріостановленіе дѣйствій закона, такъ какъ приговоренные военачальникомъ не жолнеры не имѣли времени аппелировать въ трибуналъ, на что́ по закону они имѣли право [3]). Уже и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ на-лице ту пріостановку дѣйствія закона, о которой мы говорили, и именно въ той абсурдной формѣ, которую предположилъ, полемизируя съ нами, г. Корзонъ [4]). Дѣйствительно въ данномъ случаѣ эта

[1]) Kwartalnik Zeszyt III, 1892, str. 535.

[2]) Vol. legum. t. II, f. 1372.

[3]) Vol. legum t. II a. 1609 f. 1662, 1664 tit. porzędek.

[4]) Kwartalnik 1892. Zeszyt III str. 535.

пріостановка силы закона допущена обознымъ Стемпковскимъ, а не верховною властью. Правда, это плохая „юриспруденція", но это была юриспруденція тогдашней Рѣчи-Посполитой.

Г. Корзону угодно еще утверждать, будто правильный судебный процессъ былъ въ Рѣчи-Посполитой устный, и что поэтому мы въ судебныхъ бумагахъ той поры искали напрасно полныхъ доводовъ преступности судимыхъ лицъ [1]). На самомъ дѣлѣ правильный судебный процессъ въ Рѣчи Посполитой былъ письменный, но кодненскій судъ, для котораго законъ не былъ писанъ, могъ быть и устнымъ безъ соблюденія всякихъ формальностей. Согласимся поэтому, что рецензентъ въ своемъ смѣломъ утвержденіи правъ положимъ. Что-жъ тогда? Своимъ заявленіемъ, о которомъ рѣчь, онъ даетъ понять, что кодненскіе судьи могли часто имѣть доводы въ преступности судимыхъ лицъ и въ то же время не успѣть внести ихъ въ свои записи. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы удивляться характеру тогдашнихъ судебныхъ записей, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, разъ въ этихъ запискахъ оказывается отмѣченнымъ наименѣе существенное въ поступкахъ судимыхъ. Отошлемъ для примѣра хоть къ дѣлу о „поколотомъ пупѣ" [2]). Думаемъ, что въ протоколы все же вносилось существенное изъ устнаго дознанія, если не цѣликомъ все дознанное, и что если мы не находимъ въ нихъ достаточныхъ доводовъ для серіозныхъ осужденій, то только потому, что ихъ часто на самомъ дѣлѣ не было. Въ подтвержденіе такого нашего мнѣнія можемъ сослаться на польскаго писателя, извѣстнаго д-ра Антонія I. По поводу суда Іосифа Стемпковскаго, котораго онъ изображаетъ въ статьѣ „Страшный Іосифъ", входящей въ серію его „Opowiadań historycznych", мы читаемъ слѣдующее: „онъ (Стемпковскій) не пускался въ подробности, не допытывался, кто виноватъ больше, а кто меньше; у него каждый пойманный былъ злодѣемъ, кандидатомъ на висѣлицу" [3]). Отзывъ этотъ принадлежитъ не человѣку „кіевской исторической школы", а поляку, съ Кіевомъ

[1]) Ibidem.

[2]) Очеркъ Коліевщ. стр. 175.

[3]) Dr. Antoni I. Opowiadania historyczne. Serya trzecia. T. I. Str. 184.

связи не имѣющему; между тѣмъ относится онъ къ Стемпковскому совсѣмъ такъ же, какъ и мы. Отъ него же мы узнаемъ, что даже самъ коронный гетманъ Браницкій стремился уменьшить кровожадную ярость неумѣренныхъ мстителей за коліивщину. „Кто же—говорилъ онъ просителямъ, домогавшимся немилосерднаго правосудія для гайдамакъ,—кто же будетъ поля воздѣлывать, если вы ихъ поубиваете до единаго [1])? Самъ король считалъ достаточнымъ ограничиться клейменіемъ десятаго. Но Стемпковскій упорно выполнялъ рядъ самыхъ ужасныхъ экзекуцій и превзошелъ въ этомъ и житомирскаго судью Дубровскаго и Браницкаго, которые оба достаточно таки сгубили гайдамакъ путемъ казней. Благодаря своей лютости, Стемпковскій рѣзко запечатлѣлся въ народной памяти, и пѣсенъ народныхъ о страшномъ Іосифѣ сохранилось на Руси не мало. „Дубровскаго, читаемъ у д-ра Антонія І., народъ не проклиналъ, потому что въ его понятіи онъ былъ представителемъ суда; Браницкаго не проклиналъ, потому что ловчій коронный каралъ гайдамакъ на поляхъ, почти еще дымившихся кровью, потому что, наконецъ, въ руки ему отдавали виноватыхъ русскія войска съ заявленіемъ, что отдаютъ ему виноватыхъ въ рѣзнѣ, а слѣдовательно преступниковъ... Стемпковскій же напротивъ приводилъ въ исполненіе смертные приговоры спустя три мѣсяца послѣ взрыва возстанія. Пора было уже тогда охладѣть, пора было изслѣдовать причины страшной катастрофы..“ [2]). Думаемъ, такое отношеніе къ Стемпковскому талантливаго польскаго писателя совершенно снимаетъ съ насъ вполнѣ несправедливый упрекъ въ національныхъ пристрастіяхъ и въ предубѣжденномъ отношеніи къ „страшному Іосифу“, являвшему собою, по справедливой характеристикѣ д-ра Антонія І., типъ безпутнаго и бездарнаго искателя карьеры очень мрачной поры польской культуры и исторіи. Самъ г. Корзонъ не защитникъ тогдашняго поколѣнія, вскормленнаго и вспоеннаго въ культурѣ временъ

[1]) Ibidem. Стр. 183.

[2]) Ibidem. str. 184.

Августовъ саксонскихъ [1]), и тѣмъ непонятнѣе вылазки г. Корзона по поводу нашихъ отзывовъ о Стемпковскомъ и его судѣ.

III.

Обратимся теперь къ вопросу объ отношеніи къ Рѣчи Посполитой и къ коліивщинѣ Екатерины II. Г. Корзону кажется, что наши объясненія по данному поводу [2]) являются продуктомъ нашей вѣроисповѣдной и національной нетерпимости къ полякамъ [3]). Онъ думаетъ, что иначе мы не имѣли бы надобности обращаться „къ натянутымъ толкованіямъ“ „сѣвернаго акорта“ (nie potrzebował by uciekać się do naciąganych explikacyj „polnocnego akordu“). Мнѣніе это высказано г. Корзономъ безъ большого обдумыванія и, надо полагать, безъ справокъ не только съ матеріалами дипломатическаго характера, заключенными въ „Сборникахъ Имп. Рус. Истор. Общества“, въ т. XXII, но и съ фактическими данными, предлагаемыми въ XXVI и XXVII томахъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы г. Корзонъ пересмотрѣлъ цитируемыя нами ниже страницы въ названныхъ книгахъ, то онъ призналъ бы, что „сѣверный акортъ“ съигралъ не малую роль при формированіи тогдашнихъ отношеній между Россіей и Польшей. Мы и теперь поэтому должны повторить по данному вопросу то, что сказали въ своей книжкѣ: „у русскихъ дѣятелей екатерининскаго времени относительно Польши, вслѣдъ за

---

[1]) „Pokolenie owoczesne — читаемъ у него — ... było najciemniejsze ze wszystkich pokoleń, jakie zna historyja, przynajmniej od Kasimierza Wielkiego. (Korzon W. d. P. za St. Aug. T. I, str. 40. И далѣе: Nie zejdziemy do szczegolòw, pominiemy nawet niezliczone rysy demoralizacyi obywatelskiej, ktòrych obficie dostarczyli nam owoczesni i nowsi pisarze (poczynając od Matuszewicza, Kitowicza, Rulhièrz'a, a kończąc na Kalince, Kraszewskim i Roeplu), powiemy tylko, że połwieku takiego życia podalo Polską w pośmiewisko u wszystkich narodów, że polak za granicą wstydził się swego narodowego miana, że po smierci Augusta III, nikt z obcych nie zgłosił się o spońiewieraną koronę.... (Ibidem. Str. 43).

[2]) Оч. Коліивщ., глава V.

[3]) Kwartalnik historyczny 1892. Zeszyt. III, str. 538.

избраніемъ въ короли ея Станислава Понятовскаго, были планы совсѣмъ иного порядка, чѣмъ планы раздѣла или анексіи. Но въ этихъ планахъ Польша не занимала центральнаго и исключительнаго положенія. Дѣло шло о поддержаніи пресловутаго политическаго равновѣсія и о сохраненіи за Россіей почетнаго и независимаго положенія въ ряду европейскихъ державъ, а при такихъ цѣляхъ Польша должна была быть только однимъ изъ звеньевъ въ ряду другихъ, входившихъ въ составъ ковавшейся международной цѣпи“ [1]). Для вящшей убѣдительности данныхъ положеній особенно рекомендуемъ г. Корзону просмотрѣть въ означенномъ выше XXII томѣ Сборника Имп. Рус. Ист. Общества страницы 317, 330—332, 335—337, 220—221. Мы не отрицаемъ, что у тогдашнихъ россійскихъ политиковъ въ числѣ не практическихъ плановъ, а мечтаній были и мечтанія объ анексіи къ Россіи всей Рѣчи-Посполитой цѣликомъ [2]); не отрицаемъ и того, что именно эти мечтанія выступили при Екатеринѣ II и даже раньше, при Петрѣ I, на смѣну традиціоннымъ русскимъ домогательствамъ отнять у Рѣчи-Посполитой только собственно русскія земли [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что ходъ тогдашнихъ международныхъ отношеній вполнѣ заслонялъ для русскихъ политиковъ эти цѣли—и они путались въ дипломатическихъ тонкостяхъ совершенно несущественнаго характера, и только сила событій, подготовленныхъ вѣковыми инстинктами народовъ, привела этихъ политиковъ, помимо ихъ непосредственныхъ стараній, къ результатамъ, которые фатально должны были имѣть мѣсто въ исторіи народныхъ судебъ.

Вопреки желанію г. Корзона только существованіемъ плановъ о „сѣверномъ акортѣ“ у политиковъ Екатерины II объясняется и готовность ихъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія улучшить положеніе Польши, и нѣкоторая безразличность къ интересамъ диссидентовъ Рѣчи Посполитой и наконецъ участіе ихъ въ усмиреніи коліивщины. Всѣ эти положенія г. Корзонъ повидимому считаетъ сомнительными.

---

[1]) Очеркъ коліивщины, стр. 181.

[2]) Карѣевъ. „Паденіе Польши“ въ истор. литературѣ стр. 386.

[3]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой стр. 14—25.

По поводу, напримѣръ, плановъ Панина улучшить сеймовые порядки въ Польшѣ г. Корзонъ выражается, какъ о чемъ-то нами измышленномъ и затѣмъ говоритъ: при „семъ удобномъ случаѣ мы (изъ Очерка коліивщины) узнаемъ, что въ Рѣчи Посполитой польской существовало два права: *liberum veto* и *liberum rumpo;* примѣненіемъ перваго могло быть задерживаемо рѣшеніе того или другаго вопроса, вторымъ же санкціонировалось срываніе цѣлыхъ сеймовъ, не выключая даже рѣшенныхъ въ немъ единогласно дѣлъ“ [1]).

По этому поводу прежде всего спросимъ г. Корзона—зачѣмъ онъ въ чужой книгѣ вычитываетъ то, чего въ ней нѣтъ. Мы вовсе не вели рѣчи о существованіи въ Рѣчи-Посполитой двухъ названныхъ правъ юридически закрѣпленныхъ, а только указали, правда очень кратко, что Панинъ желалъ въ правѣ *liberum veto* сдѣлать ограниченіе въ смыслѣ отнесенія его только къ тому рѣшаемому въ сеймѣ дѣлу, по поводу котораго оно произносилось, чтобы тѣмъ охранять работу сеймовъ по отношенію къ цѣлому ряду раньше рѣшенныхъ дѣлъ [2]). И что мы въ данномъ случаю на фантазировали, и что различіе между *liberum veto* и *liberum rumpo* въ это время ясно сознавалось всѣми тогдашними дѣятелями русскими, польскими и прусскими—это доказывается всѣми выше цитированными страницами XXII тома Сборника Имп. Русск. Истор. Общества, заключающаго въ себѣ дипломатическую переписку той поры. Для полноты можемъ здѣсь указать даже, кто первый тогда заговорилъ о разграниченіи *liberum veto* и *liberum rumpo*. Это былъ тогдашній польскій министръ при русскомъ дворѣ графъ Ржевусскій. Въ письмѣ прусскаго посланника при русскомъ дворѣ графа Сольмса къ королю Фридриху, подъ датою 7 (18) сентября 1764 г. мы читаемъ: „Графъ Ржевусскій, исполнивъ часть своего порученія (исхлопотавъ вновь тогда избранному польскому королю отъ русской императрицы 100000 червоныхъ личнаго пособія) предложилъ въ настоящее время вторую часть въ запискѣ, ко-

---

[1]) Kwartalnik historychny, 1892. Zeszyt III, str. 536.

[2]) Оч. Кол. стр. 187.

торую онъ подалъ графу Панину и сперва показывалъ мнѣ, гдѣ онъ проситъ отъ имени своей республики согласія Ея Императорскаго Величества на проведеніе на будущемъ примирительномъ сеймѣ (diète de pacification) новаго закона, съ цѣлью ограничить злоупотребленія правомъ *liberum veto*, вкравшіяся въ польскіе сеймы. Онъ различаетъ *liberum veto* отъ *liberum rumpo*, новаго созданнаго имъ термина и выражающаго право каждаго польскаго депутата единственною своею властью уничтожать дѣйствительность всего сейма. Это право онъ предлагаетъ совершенно отмѣнить и въ противоположность ему желаетъ оставить первое право, которое онъ объясняетъ, какъ право, предоставляемое каждому депутату единственною своею властью совершенно отвергать извѣстное предложеніе, представляющееся ему несогласнымъ съ благомъ республики или даже съ его личнымъ интересомъ, безъ того, однако, чтобы отклоненіе одного этого предложенія обусловливало недѣйствительность всего сейма и мѣшало бы продолжать обсужденіе другихъ вопросовъ, не связанныхъ съ этимъ“ и т. д. [1]).

Думаемъ, что настоящей цитатой мы достаточно уяснили г. Корзону 187 страницу нашей книжки, и онъ согласится, что если бы онъ ли самъ или кто другой взялся доказывать намъ несостоятельность высказаннаго нами мнѣнія о тогдашней русской политикѣ, о *liberum veto* и такимъ образомъ предпринялъ, по его мнѣнію, чрезмѣрный, неодолимый трудъ, то, конечно, это былъ бы по истинѣ и трудъ чрезмѣрный, и вдобавокъ безполезный, ибо г. Корзону, любящему только правду и ничего кромѣ правды, пришлось бы закрывать глаза предъ фактами и мистифицировать себя, насъ и публику.

Не нравится г. Корзону и ставимое нами въ зависимость отъ дипломатическихъ плановъ Панина недостаточно фанатичное отношеніе русскихъ дѣятелей къ положенію диссидентовъ; не нравится ему и рѣзко отмѣчаемая нами враждебность этихъ дѣятелей къ гайдамакамъ. Все это будто выдумано нами и доказано только путемъ всякихъ натяжекъ. Между тѣмъ въ письмѣ

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. стр. 315—316.

къ Репнину Панинъ прямо говоритъ, что диссидентовъ-православныхъ не слѣдуетъ устроить въ Рѣчи Посполитой такъ, чтобы они больше не нуждались въ защитѣ со стороны Россіи [1]) и тѣмъ ясно подчеркиваетъ, что не желаніе удовлетворить нужды православныхъ руководило русскими политиками, а забота о выполненіи задуманнаго плана о политическомъ равновѣсіи. А что до отношенія Екатерины II къ коліивщинѣ, то г. Корзонъ такъ привыкъ твердить, будто гайдамацкое движеніе было вызвано чужеземнымъ вліяніемъ Россіи [2]), что не перестаетъ повторять то же въ виду фактовъ, явно его опровергающихъ. Въ одномъ мѣстѣ своего труда онъ какъ будто и сомнѣвается въ существованіи доказательствъ участія Россіи въ возбужденіи коліивщины, тѣмъ больше, что и депутація четырехлѣтняго сейма при разслѣдованіи вопроса о коліивщинѣ не нашла никакихъ доводовъ въ бумагахъ для подтвержденія такого предположенія, тѣмъ не менѣе онъ все же удивляется, что мы смѣло, вслѣдъ за Костомаровымъ [3]), считаемъ подложнымъ возбудительный манифестъ Екатерины II, напечатанный въ „Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862“, изданномъ подъ псевдонимомъ le comte d'Angeberg. При этомъ г. Корзонъ по поводу приводимаго у насъ доказательства, что документъ этотъ явно фальшивый, снисходительно поучаетъ насъ, что Желѣзнякъ могъ быть названъ полковникомъ, такъ какъ этимъ званіемъ именовались у Запорожцевъ, изъ среды которыхъ былъ Желѣзнякъ, предводитель войскъ во время войны, забывая, что въ своемъ „Очеркѣ“ мы сами называемъ Желѣзняка полковникомъ въ этомъ смыслѣ, а при разборѣ подложнаго манифеста не допускаемъ только званія „полковника и командующаго нашихъ земель Низоваго Запорожья“, званія, по мыслямъ составителя, очевидно, болѣе постояннаго, чѣмъ званіе обычныхъ тогда запорожскихъ полковниковъ, и смѣшаннаго, опять

---

[1]) Соловьевъ С. М. Исторія Россіи т. XXVII, стр. 246. Korzon W. D Polski ze St. Aug. t. I. str. 187.

[2]) Korzon. W. D. Polsai za St. Aug. t I, Str. 182, 362 и др.

[3]) Костомаровъ Матеріалы для исторіи коліивщины. Кіевъ. Стар. 1882 г. кн. 8. стр. 297.

таки очевидно, съ титуломъ полковниковъ въ гетманщинѣ. Затѣмъ г. Корзонъ не допускаетъ, чтобы можно было признавать, какъ это дѣлаемъ мы, что у гайдамаковъ ходила по рукамъ какая-то самодѣльная золотая грамота, и въ то же время не приводить текста этой грамоты [1]). Но чтожъ прикажете дѣлать, когда о грамотѣ этой много разъ поминаютъ въ своихъ показаніяхъ гайдамаки, ссылаются на нее, но нигдѣ никому ее не представляютъ текстуально, какъ это видно по крайней мѣрѣ изъ изданныхъ и неизданныхъ документовъ, имѣющихся по данному дѣлу. Ясно, что отъ насъ г. Корзонъ требуетъ невозможнаго, а самъ твердо вѣритъ, вопреки очевидности, что гр. Ангебергъ напечаталъ въ своемъ сборникѣ не поддѣльный манифестъ, а подлинный. Въ концѣ своей рецензіи г. Корзонъ впрочемъ склоняется снова къ мысли, что Екатерина II не возмущала крестьянъ Южной Руси противъ Поляковъ. Въ этомъ его убѣждаетъ [2]): во первыхъ, приведенный у насъ манифестъ Екатерины II отъ 9 іюля 1768 года, гдѣ Императрица признаетъ гайдамакъ разбойниками и велитъ ловить ихъ и наказывать; во вторыхъ, указъ ея отъ 24 іюля того же года, и, наконецъ, поступки съ гайдамаками нѣкоторыхъ россійскихъ военачальниковъ (князя Баратова, дѣйствовавшаго въ духѣ Стемпковскаго и неизвѣстнаго по фамиліи генерала въ Тульчинѣ [3]). И въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стати Екатерина II принимала строгія мѣры противъ гайдамакъ и допускала поступки съ ними вродѣ поступка князя Баратова, разъ гайдамаки дѣлали то, къ чему она ихъ подущала? Но если такъ, то и спорнаго манифеста быть не могло. Казалось бы прямая логика должна приводить къ такому заключенію. Но г. Корзонъ колеблется предъ признаніемъ такого вывода, потому что не понимаетъ, изъ за чего Екатеринѣ было душить гайдамакъ. Между тѣмъ прими онъ въ разсчетъ тогдашній планъ Панина о европейскомъ равновѣсіи и о предназначенной имъ роли Польшѣ въ системѣ „сѣвернаго акорта“, фактъ преслѣдованія коліевъ русскими

[1]) Kwartalnik historyszny 1892, Zeszyt III, str. 530.

[2]) Kwart. historyczny 1892 Zeszyt III, str. 539.

[3]) Оч. Коліивщ. стр. 99, 202.

войскамя былъ бы понятенъ. Безъ этого польскому серіозному историку для уясненія дѣла приходится говорить довольно наивныя вещи: будто бы у Панина, Репнина, Румянцева, у генераловъ, офицеровъ россійскихъ и у самой Екатерины поступки гайдамакъ вызывали отвращеніе и будто оттого они ихъ губили [1]).

Кромѣ того, при рѣшеніи вопроса о томъ, подущало ли русское правительство гайдамакъ къ возстанію въ 1768 году, для г. Корзона съ легкой руки коммиссіи четырехлѣтняго сейма, изслѣдовавшей вопросъ о коліивщинѣ, однимъ изъ серіознѣйшихъ поводовъ подозрѣвать это подущеніе было присутствіе среди коліевъ русскихъ офицеровъ и, прибавимъ отъ себя, солдатъ [2]). У него такъ: разъ эти офицеры и солдаты были въ гайдамацкихъ ватагахъ,—значитъ, Россія подущала коліевъ противъ Польши, а если бы ихъ тамъ не было, то не было бы и рѣчи о русскихъ подущеніяхъ. То, что этихъ офицеровъ и солдатъ третировали, какъ дезертировъ и вообще преступниковъ, въ счетъ не идетъ. Иного толкованія даннаго факта, чѣмъ онъ придумалъ, рецензентъ нашъ не допускаетъ. Для г. Корзона трудно представить себѣ, что между тогдашними великороссами могли найтись люди, сердечнѣе Панина и другихъ важныхъ лицъ постигавшіе правоту коліивщины, этой борьбы за вѣру и народность. Попадавшіеся въ ватагахъ великороссы были именно людьми совѣсти и прямолинейности, не знавшими и не постигавшими махинаціи „сѣвернаго акорта“ и подавленія гайдамакъ. И странно было бы, если бы такіе люди вовсе отсутствовали среди простого народа. Неужто же всѣ русскіе того времени должны были раздѣлять идеи Панина и Репнина, тогдашнихъ заправилъ русской политики, не смотря *хотя бы* на то, что эти идеи Панина и Репнина шли въ разрѣзъ съ тридиціонной національной политикой стараго Московскаго государства. Да и минуя эти государственныя традиціи, не могли развѣ они питать въ себѣ идеи болѣе высокого порядка—идеи сочувствія борцамъ за вѣру и русскую народность? Не можемъ не удивляться, что именно г. Корзонъ

---

[1]) Ib dem. str. 538.

[2]) Ibidem. str. 539.

считаетъ столь немыслимымъ разногласіе между дипломатами и простыми людьми, не можемъ не удивляться, что для него нѣтъ политической самостоятельной мысли у этихъ послѣднихъ, нарушившихъ правила субординаціи, но не переставшихъ быть людьми идейными на свой ладъ. Отъ г. Корзона мы меньше всего могли ожидать этого, потому что въ его именно книгѣ мы прочли слѣдующія строки: „въ скрижаляхъ исторіи Европы Польша оказалась вычеркнутой изъ ряда политическихъ организмовъ, но во всякомъ случаѣ никто не станетъ спорить, что народъ польскій остался и живетъ до нынѣ. Не только для назиданія этого народа, но и съ всемірно-исторической точки зрѣнія стоитъ изслѣдовать эпоху жизни его, когда одновременно наблюдалась тайна вычеркиванія имени вмѣстѣ съ политической формой существованія и тайна внутренней жизненности, хотя безформенныхъ, но все же ясныхъ чертъ одного изъ самостоятельныхъ типовъ цивилизаціи“...[1]). Какъ видимъ, авторъ понимаетъ, что извѣстная форма не исчерпываетъ всегда сущности дѣла, но хранитъ это пониманіе только pro domo sua.

Съ точки зрѣнія г. Корзона, примѣняемой имъ къ русскимъ людямъ и ихъ православію, невыносимѣйшими для него лицами данной эпохи являются архіепископъ Переяславскій Гервасій Линцевскій и игуменъ Матронинскаго монастыря Мельхиседекъ Значко-Яворскій. Отношеніе этихъ духовныхъ дѣятелей къ Днѣпровскому правобережью обусловливалось прежде всего юридически оговореннымъ правомъ ихъ завѣдывать православной паствой въ южныхъ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Въ качествѣ истинныхъ духовныхъ пастырей они старались идти на встрѣчу тому крестьянскому люду изъ предѣловъ недавней руины, который тяготился уніей и уніатскимъ духовенствомъ и стремился къ православію. Въ нашей исторической литературѣ это религіозное движеніе изображено такъ обстоятельно во II и III томахъ I части Архива ю.-з. Россіи не только документально, но и въ прагмагической связи въ предисловіи къ означеннымъ томамъ, принадлежащемъ перу такого

[1]) Korzon. W. d. Polski za St. Aug. t. I, str. 47–48.

знатока дѣла, какъ покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ, что касаться здѣсь вновь доказательствъ вышеизложеннаго было бы излишне. Но для г. Корзона полное безпристрастіе къ данному вопросу и названнаго автора, и наше кажется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Для него и архіепископъ Гервасій, и Мельхиседекъ не больше, какъ агенты Екатерины II, какъ фанатическіе истребители уніи; всѣ самыя крайнія жестокости гайдамакъ надъ уніатскимъ и католическимъ духовенствомъ онъ готовъ приписывать внушеніямъ названныхъ лицъ и особенно Мельхиседека. Г. Корзонъ упрекаетъ насъ въ невниманіи къ его труду и въ крайней религіозной нетерпимости, но не видитъ, что факты, подобные тому, какой онъ имѣлъ въ виду въ своемъ большомъ трудѣ и который въ подробности цитируетъ въ рецензіи на нашу книжку, были въ нашемъ распоряженіи, и мы ими воспользовались въ нашемъ „очеркѣ“. Что надъ попами уніатскими производились ужасныя насилія—развѣ мы этого не указывали [1])? Что многіе изъ поповъ поневолѣ переходили въ православіе въ виду того, что крестьяне не хотѣли имѣть у себя уніатскаго духовенства—развѣ это было нами скрыто [2])? Но мы, конечно, къ такимъ, хотя бы и грубымъ требованіямъ православнаго населенія южной Руси иначе относимся, чѣмъ г. Корзонъ. Мы думаемъ, что населеніе южно-русское, православное по вѣрѣ, имѣло право желать, чтобы духовенство его было одной съ нимъ вѣры. Вѣдь и либеральный г. Корзонъ, конечно, считаетъ основательной реформу Гладстона относительно отмѣны въ Ирландіи сборовъ на англиканскую государственную церковь и относительно дозволенія католикамъ-ирландцамъ содержать нужное имъ католическое духовенство? Неужто не тѣ же желанія и стремленія выражали южные русскіе люди, выведенные изъ терпѣнія католическо-уніатскимъ фанатизмомъ? Жалобы уніатскихъ поповъ насъ поэтому не особенно трогаютъ. Что же касается поповъ „благочестивыхъ“, то далеко не всѣхъ ихъ мы восхваляемъ, и на страницахъ 16, 17 нашего „Очерка“ рецензентъ нашъ можетъ найти явное тому

[1]) Оч. Кол. стр. 28, 74.

[2]) Ibidem, стр. 16.

подтвержденіе. Что же касается Переяславскаго архіерея Гервасія и игумена Мельхиседека Значко-Яворского, то дѣятельность ихъ намъ кажется вполнѣ почтенной, причемъ мы не думаемъ скрывать извѣстнаго сочувствія по крайней мѣрѣ Мельхиседека, если не Гервасія, даже и вооруженной защитѣ православныхъ крестьянъ отъ католическо-уніатскаго натиска. Г. Корзонъ дѣлаетъ изъ Мельхиседека агента Екатерины II по части возмущенія гайдамакъ, хотя и ясно видитъ, что и Мельхиседека и Гервасія не обошли тогда немилостью, какъ прежде воображала коммиссія четырехлѣтняго сейма. И эту немилость г. Корзону остается объяснять страшнымъ отвращеніемъ Екатерины II отъ мнимыхъ безчинствъ Мельхиседека и Гервасія! По истинѣ объясненіе, заслуживающее названія научнаго.

IV и заключеніе.

Скажемъ же въ концѣ концевъ и нѣсколько словъ въ защиту матеріала, которымъ мы пользовались. Прежде всего позволимъ себѣ тутъ замѣтить, пользовались ли мы однимъ или многими „неизданными документами“. Г. Корзонъ утверждаетъ, что однимъ, а не многими, какъ можно бы заключить изъ заглавія нашей работы. Можемъ по этому поводу его увѣрить, что кодненская книга, которою мы пользовались, вовсе не есть одно цѣльное, законченное сочиненіе; она даже не заключаетъ въ себѣ одного цѣльнаго процесса; всякій, имѣющій возможность заглянуть въ нее, увидитъ, что это случайная большая сшивка отдѣльныхъ мелкихъ и болѣе крупныхъ судебныхъ документовъ, причемъ трудно даже предположить, что сшивка эта и переплетъ изъ папки устроены кодненскимъ судомъ, вѣрнѣе то и другое сдѣлано уже кѣмъ-либо изъ любителей старины, которымъ попались многіе, случайно вмѣстѣ сложенные процессы. А разъ въ кодненской книгѣ много процессовъ и притомъ не объединенныхъ, то она, значитъ, заключаетъ въ себѣ не документъ, а документы.

Затѣмъ что до дерзости нашей считать судебныя показанія гайдамакъ за документы, имѣющіе историческій интересъ, то на дерзости такой осмѣливаемся настаивать и теперь, въ увѣренности, что на это можетъ насъ уполномочивать самая строгая археологія. Показанія гайдамакъ въ документахъ нашихъ записывались безхитростно малограмотными писцами; они даже сохраняли мимо воли малорусскую рѣчь гайдамакъ вопреки своему стремленію выражаться по-польски, сохраняли большею частью и простоту невольной первобытной откровенности полудикихъ людей. Поддѣлокъ, фальши тутъ не было поэтому. При всемъ томъ, однако, каждый сообщаемый въ нихъ фактъ мы старались провѣрить другими данными, заключенными въ другихъ ли документахъ, уже напечатанныхъ, или въ польскихъ мемуарахъ. Прибавимъ еще для г. Корзона, что, передавая въ работѣ своей отдѣльныя фразы изъ гайдамацкихъ показаній и писарскихъ записей, мы никогда ни на іоту не отступали отъ подлинника, такъ что ошибки въ польскомъ правописаніи, встрѣчающіяся въ этихъ цитатахъ, г. Корзонъ можетъ всецѣло отнести не на нашъ счетъ, какъ это дѣлаетъ, а на счетъ писарей кодненской военно-судной коммиссіи. Предварять читателей нашей работы, что мы не будемъ въ цитатахъ изъ документовъ исправлять правописаніе подлинниковъ, мы считали излишнимъ, ибо таковъ уже обычай въ научно-литературномъ мірѣ.

Далѣе не видимъ мы для себя ничего предосудительнаго, что въ работѣ своей мы пользовались еще документами о коліивщинѣ, напечатанными въ „Кіевской Старинѣ“ за прежніе годы, хотя г. Корзонъ и ставитъ намъ это въ упрекъ. Вполнѣ естественно было представить на страницахъ даннаго историческаго журнала обработку печатавшагося въ немъ сыраго матеріала.

Наконецъ, по поводу заявленія, что мы не во всѣхъ архивахъ побывали, въ которыхъ могутъ быть документы о коліивщинѣ, то согласимся, что это неопровержимо вѣрно, но вѣдь ничего подобнаго мы и не обѣщали, приступая къ печатанію „Очерка“, да едвали и самъ г. Корзонъ можетъ пору-

читься, что имъ въ его большомъ трудѣ исчерпаны всѣ матеріалы по изслѣдованной имъ эпохѣ. Но и при данномъ вѣрномъ заявленіи напрасно г. Корзонъ мнитъ, что дѣло преслѣдованія архіепископа Гервасія Линцевскаго и игумена Мельхиседека Значко-Яворскаго нуждается еще въ какихъ-то особыхъ консисторскихъ документахъ. Такихъ документовъ болѣе, чѣмъ достаточно собрано въ не разъ цитированныхъ нами II и III томахъ I части Архива ю.-з. Россіи.

Спросимъ теперь себя въ заключеніе, какимъ образомъ нелѣпыя, явно предвзятыя мнѣнія г. Корзона о коліивщинѣ могутъ совмѣщаться съ его громкими заявленіями, что онъ стремится къ одной правдѣ и ни къ чему больше, что онъ вѣритъ только тому, что доказывается фактами, и не руководится ни сочувствіями, ни ненавистями. Думаемъ, что, безъ всякихъ заподозриваній добросовѣстности автора и искренности его заявленій о любви къ правдѣ, мы разрѣшимъ этотъ вопросъ слѣдующей небольшой цитатой изъ статьи одного современнаго французскаго философа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанной въ Revue philosophique.

У философа этого мы читаемъ: „.... часто начинаютъ изучать факты, матеріалы знанія, безъ предвзятой мысли, съ единственнымъ желаніемъ открыть истину. Но при малой даже живости воображенія и быстрой сообразительности изслѣдователь немедленно послѣ извѣстнаго количества отдѣльныхъ наблюденій составляетъ уже себѣ обобщеніе, дающее его наблюденіямъ связь и изъясненіе. Лишь только такое обобщеніе зародилось въ умѣ, умъ начинаетъ имъ дорожить, какъ своимъ созданіемъ; мало-по-малу оно укореняется въ головѣ, всецѣло ею овладѣваетъ—и прости тогда безпартійность, холодная критика! Новыя наблюденія дѣлаются тогда только сквозь призму даннаго предубѣжденія, и эта призма ихъ искажаетъ или окрашиваетъ на свой ладъ; тогда неохотно воспринимаются всѣ факты, противорѣчащіе данной теоріи, а значеніе тѣхъ, которые кажутся подкрѣпляющими ее, преувеличивается; умъ всецѣло воспринимаетъ

тогда только впечатлѣнія, которыя даютъ ему возможность оставаться при дорогомъ ему убѣжденіи, уподобляясь тѣмъ металлическимъ струнамъ, которыя вибрируютъ, откликаясь только на извѣстные звуки, и остаются нѣмыми при всякихъ иныхъ. Такимъ то образомъ иной авторъ можетъ самымъ искреннимъ образомъ воображать, будто онъ все еще держится индуктивнаго метода изслѣдованія, между тѣмъ какъ онъ только развиваетъ принципъ, усвоенный въ самомъ началѣ труда при участіи своего рода ясновидѣнія".

Не сомнѣваемся поэтому, что объективная правда о колівщинѣ вовсе не высказана г. Корзономъ ни въ его большомъ трудѣ, ни въ ругательной рецензіи на нашъ очеркъ этого движенія. Помѣшало ему въ этомъ предвзятое отношеніе къ дѣлу, „своего рода ясновидѣніе", которое, очевидно, является результатомъ всосанныхъ въ кровь шляхетскихъ особенностей „одного изъ самостоятельныхъ типовъ цивилизаціи", столь восхваляемаго г. Корзономъ и столь гибельнаго для польскаго народа. Старая ненависть польскаго пана къ русскому мужику и его „хлопской вѣрѣ" въ отзывахъ г. Корзона о колівщинѣ сквозитъ на каждомъ шагу. Поправокъ, быть можетъ вполнѣ необходимыхъ къ нашей работѣ, при такомъ условіи, рецензентъ нашъ сдѣлать не могъ.

Я. Шульгинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Нѣсколько словъ г. Корзону.

Въ третьемъ выпускѣ за 1892 г. журнала „Kwartalnik historyczny", издаваемаго во Львовѣ, помѣщена статья г. Т. Корзона подъ заглавіемъ: „Новая книга о Коліивщинѣ". Статья эта представляетъ отчетъ и критику изслѣдованія г. Я. Шульгина, помѣщеннаго на страницахъ Кіевской Старины. Мы, конечно, очень благодарны г. Корзону за то, что онъ обратилъ серьезное вниманіе на предложенную нами работу г. Шульгина; полагаясь на научную репутацію г. Корзона, мы ожидали строгой объективной критики, основанной, конечно, на взглядахъ, господствующихъ по данному вопросу въ польской исторической литературѣ, но во всякомъ случаѣ исходящей отъ общихъ для всѣхъ занимающихся исторіею положеній науки. Рецензія г. Корзона не вполнѣ оправдала наши ожиданія. Правда, въ статьѣ г. Корзона до извѣстной степени есть научная (хотя и не вполнѣ безпристрастная) полемика относительно провѣрки источниковъ, правильности оцѣнки фактовъ и т. п., но эта сторона работы отодвинута на второй планъ и является только какъ бы аксесуармъ. Главная задача рецензіи носитъ характеръ публицистически-обличительный; это направленіе не только высказывается въ отдѣльныхъ, ничего неимѣющихъ общаго съ наукою тирадахъ, но сквозитъ во всей статьѣ, то въ видѣ иронія, то въ видѣ прямыхъ нападокъ и обличеній, направленныхъ какъ противъ самаго разбираемаго изслѣдованія, такъ, въ большей еще мѣрѣ,

противъ ея автора, журнала, помѣстившаго изслѣдованіе, и созданной воображеніемъ г. Корзона „Кіевской исторической школы“, которой органомъ будто-бы служитъ Кіевская Старина. На историческія замѣчанія, возраженія и разногласія, высказанныя г. Корзономъ, мы предоставили отвѣчать автору разбираемаго имъ сочиненія, но поводу-же публицистической обличительной окраски, по нашему мнѣнію неумѣстной въ исторической работѣ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на рецензію.

Поводомъ нерасположенія г. Корзона и къ изслѣдованію о коліивщинѣ, и къ его автору, и къ „Кіевской Старинѣ“, и къ „Кіевской школѣ“ служитъ его глубокое убѣжденіе, что крестьяне, возставшіе противъ пановъ въ 1768 г., были изверги, разбойники, чудовища и т. д., что въ историческихъ разсказахъ о данномъ событіи взглядъ этотъ долженъ господствовать безусловно, что всякій историкъ, позволяющій себѣ усумниться въ непреложности этого взгляда, совершаетъ преступленіе, подобное дѣяніямъ участниковъ коліивщины [1]), что, наконецъ, репрессаліи, со стороны польскаго правительства, не менѣе жестокія и кровавыя, чѣмъ дѣянія коліевъ, были вполнѣ справедливы и заслуживаютъ полнаго одобренія [2]). Взглядъ этотъ

---

[1]) При семъ удобномъ случаѣ г. Корзонъ распространяетъ свой приговоръ и на тѣхъ историковъ, которые не порицаютъ Богдана Хмельницкаго и Запорожія. „Г. Шульгинъ, говоритъ онъ не безъ ироніи, до конца сохранилъ искусственное соболѣзнованіе къ судьбѣ малорусскаго народа, угнетаемаго поляками, и чествованіе Хмельниччины, Коліивщины и преславнаго запорожскаго товарищества“.

[2]) Увлекшись своею тенденціею, г. Корзонъ оклеветалъ польское судопроизводство: встрѣтивъ у г. Шульгина сомнѣніе въ справедливости смертныхъ приговоровъ безъ означенія вины обвиняемыхъ, г. Корзонъ утверждаетъ, что эти приговоры были постановлены на основаніи данныхъ, не внесенныхъ въ приговоръ потому, что будто въ Польшѣ существовала исключительно „изустная процедура“. Мы видѣли въ гродскихъ архивахъ сотни уголовныхъ и политическихъ процессовъ и можемъ удостовѣрить г. Корзона, о чемъ несомнѣнно онъ и самъ знаетъ, что процедура въ этихъ процессахъ была письменная. Нормальный ходъ процесса былъ слѣдующій: инстигаторъ (прокуроръ) вносилъ въ гродскій судъ письменный обвинительный актъ (prorozycja literalna), судъ назначалъ подсудимому адвоката (patrona) и снималъ съ него допросы (konfessata dobrowolne i korporalne), которые записывались, затѣмъ составлялъ допросные пункты на письмѣ, (interrogatoria), вручалъ ихъ прокурору и подсудимому и обязывалъ представить по нимъ въ судъ письменныя показа-

былъ-бы вполнѣ умѣстенъ, еслибы г. Корзонъ исполнялъ должность инстигатора въ 1768 году, а не состоялъ историкомъ въ концѣ XIX столѣтія. По нашему мнѣнію, вѣроятно и по мнѣнію г. Корзона, роль историка не должна совпадать съ ролью ни прокурора, ни адвоката; задача его не состоитъ въ томъ, чтобы вызвать приговоръ обвинительный или оправдательный, а въ томъ, чтобы точно установить безъ предвзятыхъ сужденій характеръ даннаго историческаго явленія и, главное, указать вызвавшія его причины, чѣмъ и устанавливается по преимуществу историческое самопознаніе.—Мы, равно какъ и г. Корзонъ, признаемъ, что событія 1768 года были очень печальны; сцены убійства и жестокости, гдѣ бы ни появлялись, всегда возбуждаютъ отвращеніе въ сколько-нибудь цивилизованномъ и гуманномъ человѣкѣ; потому и истребленіе крестьянами множества шляхтичей и евреевъ, и жестокая расправа шляхетскихъ судовъ съ крестьянами, не менѣе жестоко свирѣпствовавшая въ теченіе 4 лѣтъ и истребившая также тысячи жертвъ, по нашему мнѣнію факты печальные и достойные сожалѣнія. Но эти чувства наши совершенно субъективны и не составляютъ цѣли историческаго изслѣдованія. Мы необходимо должны и себѣ, и г. Корзону предложить вопросъ: какія причины вызвали опечалившія насъ явленія? Мы вполнѣ убѣждены, что г. Корзонъ не станетъ ихъ искать, подобно шляхтичамъ XVII—XVIII столѣтія, „въ врожденной хлопской злости“; самъ онъ отрицаетъ взглядъ тѣхъ польскихъ публицистовъ, которые желали взвалить отвѣтственность на „заграничное подстрекательство“. Значитъ, причины приходится искать въ ненормальномъ строѣ общества въ Рѣчи-Посполитой. Для насъ эти причины ясны и вполнѣ логичны: крестьянская масса, не смотря на продолжительное и упорное сопротивленіе, была закрѣпощена, обезземелена и лишена всякихъ, самыхъ элементарныхъ, гражданскихъ правъ. Ее повседневно раздражали шляхтичи безграничнымъ и безконтрольнымъ

нія свидѣтелей (inkwizycje świadców), затѣмъ постановлялъ письменный приговоръ, въ которомъ подробно указывалъ мотивы назначеннаго наказанія. Неужели г. Корзонъ думаетъ, что всѣ эти пріемы судопроизводства относятся къ „устной процедурѣ?“

произволомъ. Помимо матеріальнаго гнета, крестьяне были раздражены и очень жестокимъ религіознымъ преслѣдованіемъ [1]) изъ-за введенія уніи. Наконецъ польское правительство и общество не позаботились о какомъ-бы то ни было просвѣщеніи крестьянъ, хотябы въ самыхъ скудныхъ элементарныхъ размѣрахъ. При такомъ строѣ послѣдствія, конечно, могли быть только печальныя. Обиженная, оскорбляемая и раздраженная масса, конечно, должна была вспыхнуть при первой возможности при первомъ ничтожномъ толчкѣ, и вспышка эта, въ силу совершеннаго отсутствія гражданскаго развитія и гуманнаго образованія, должна была выразиться въ формахъ крайне жестокихъ и кровавыхъ.

Относительно шляхетскихъ репрессалій, менѣе на нашъ взглядъ извинительныхъ, потому что онѣ исходили отъ сословія болѣе образованнаго и обезпеченнаго во всѣхъ отношеніяхъ и притомъ продолжались слишкомъ долго (4 года) и потому носили характеръ не вспышки и увлеченія, а систематической хладнокровной мести, можемъ тоже сказать, что жестокости этихъ репрессалій объясняются состояніемъ общества въ данное время:образованіемъ шляхетскаго сословія, слишкомъ поверхностнымъ и безсодержательнымъ, стоявшимъ далеко ниже того уровня правъ, которое успѣло пріобрѣсти это сословіе; направленіемъ общественной организаціи, слишкомъ одностороннимъ, исключительно сословнымъ. При такихъ условіяхъ, конечно, всякая реакція крестьянская, вмѣсто того чтобы вызвать необходимыя мѣры гарантіи существующаго строя путемъ уступокъ и какого-бы то ни было обезпеченія интересовъ массы, могла вызвать лишь чувство мести, проявляющееся жестокостью, пропорціональною испытанному страху.

Если эти объясненія наши покажутся г. Корзону ошибочными, мы готовы будемъ выслушать его мнѣніе и доводы и по-

---

[1]) См. II—III томы 1-й части Архива юго-западной Россіи. Г. Корзонъ упрекалъ г. Шульгина въ томъ, что онъ не пользовался матеріалами консисторскаго Архива, не обративъ вниманія на то, что названные томы пронитированы въ числѣ его источниковъ; они заключаютъ 339 актовъ, извлеченныхъ именно изъ архива консисторіи.

стараемся обмѣняться съ нимъ аргументами, подъ условіемъ конечно, если уважаемый историкъ поведетъ рѣчь съ подобающимъ его наукѣ достоинствомъ и откажется отъ „политики нервовъ“, безполезной на всякомъ поприщѣ и вполнѣ неумѣстной въ наукѣ.

Что касается положенія г. Корзона о томъ, что „Кіевская Старина“ служитъ органомъ извѣстной исторической школы, мы думаемъ, что самъ авторъ, обдумавъ хладнокровно свое положеніе, долженъ будетъ видоизмѣнить его. Что онъ разумѣетъ подъ „школою“ и какое полагаетъ ея направленіе — для насъ не вполнѣ ясно; если онъ, помимо изслѣдованія г. Шульгина, процитировалъ еще другую статью, помѣщенную въ томъ-же журналѣ десять лѣтъ тому назадъ, сходную по направленію съ изслѣдованіемъ г. Шульгина, то мы полагаемъ, что на основаніи двухъ статей невозможно записывать въ „школу“ историческій журналъ, издающійся въ теченіи одиннадцати лѣтъ. Мы можемъ удостовѣрить г. Корзона, что единственная цѣль и задача нашего журнала состоитъ въ томъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, разъяснить исторію южной Руси и собрать для этой цѣли возможно большій научный матеріалъ. Особой тенденціи, предвзятой a priori, особыхъ рамокъ для разработки матеріала въ томъ или другомъ направленіи, особыхъ обязательныхъ взглядовъ на тѣ или другія историческія событія редакція никогда не имѣла и не высказывала. Она охотно принимала всѣ труды, направленные къ расширенію историческаго самопознанія, каковы-бы ни были личные взгляды ея сотрудниковъ на то или другое историческое явленіе. Г. Корзонъ можетъ самъ въ этомъ убѣдиться, просмотрѣвъ наше изданіе за 11 лѣтъ его существованія. Если у насъ встрѣчаются довольно часто статьи, посвященныя историческимъ изслѣдованіямъ интересовъ крестьянскаго сословія, населяющаго южно-русскій край и если мы къ этому сословію относимся съ такою-же симпатіею, какъ и къ другимъ туземнымъ сословіямъ края (духовенству, мѣщанамъ, дворянамъ, козакамъ), то, по нашему мнѣнію, мы поступаемъ съ должнымъ безпристрастіемъ и, во всякомъ случаѣ, не могли ожидать, чтобы отсутствіе хлопоненавистничества было намъ по-

ставлено въ укоръ серьезнымъ историческимъ писателемъ какой-бы то ни было литературы.

Въ заключеніе остается намъ сказать нѣсколько словъ по поводу одной весьма странной выходки г. Корзона, которою онъ заключилъ свою рецензію. Совершенно неожиданно г. Корзонъ въ финалѣ своей статьи сбрасываетъ съ себя тогу прокурора для того, чтобы надѣть мантію авгура-сердцевѣдца и, попрекая г. Шульгина въ характерѣ его отношенія къ крестьянамъ XVII и XVIII столѣтій, производившимъ возстанія противъ поляковъ, высказываетъ предположеніе, что „авторъ питаетъ надежду на то, что излюбленныя имъ происшествія XVII и XVIII столѣтій повторятся въ столѣтіи XIX". Несомнѣнно, въ тирадѣ этой г. Корзонъ вышелъ далеко за предѣлы исторической науки, на сколько намъ извѣстно, никогда не ставившей своею цѣлью копаться въ чужой душѣ и предугадывать чужія мысли и надежды. Это можетъ составлять въ наукѣ и на практикѣ развѣ задачу экспериментальной психологіи и ея поборниковъ, но ничуть не исторіи. Впрочемъ, можемъ успокоить встревоженное воображеніе г. Корзона: на повтореніе колівщины въ XIX столѣтіи никто (за исключеніемъ умственно разстроенныхъ людей) не питаетъ и не можетъ питать надежды. Г. Корзону извѣстно, что южнорусскій край не принадлежитъ Польшѣ, слѣдовательно и возстаніе противъ Польши физически не возможно. Сверхъ того, въ теченіе послѣдняго столѣтія такъ много явилось совершенно измѣнившихся условій жизни крестьянства, что крестьянскія волненія стали невозможны и не мыслимы. Очень жаль только, что праздное предположеніе о ихъ возможности послужило почтенному ученому поводомъ для выходки, неприличной для историка, да и не только для историка... Не желая распространяться далѣе по этому непріятному поводу, мы можемъ развѣ напомнить г. Корзону границы ученой полемики словами французскаго оратора: „Je vous rappelle à la pudeur".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Какъ уважаютъ у насъ памятники прошедшаго. *(Корреспонденція «Кіевской Старины»).* На сѣверной окраинѣ прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, близъ черниговской границы, стоитъ село Ржавецъ, извѣстное на далекомъ разстояніи по находящейся тамъ чудотворной иконѣ. Икона Божьей Матери помѣщается въ трехглавомъ «мурованномъ» храмѣ, построенномъ въ 1723 году. Во всей полтавской губерніи сохранилось только четыре каменныхъ церкви, время постройки которыхъ относится къ началу XVIII вѣка и эпохамъ болѣе раннимъ.

Ржавскую икону принесли козаки, мѣстные уроженцы, въ концѣ семнадцатаго столѣтія изъ Каневщины, найдя ее въ Мошнахъ, въ разоренной и заброшенной тамошней церкви. Усиліями и убогими средствами бѣднаго *царинаго дида* Грицька, икона эта «обновлена» была въ Густынскомъ монастырѣ иконописцемъ Венедиктомъ. Въ это время появились знаменія, сдѣлавшія ее чудотворною. Вѣсть объ этомъ дошла до кіевскаго митрополита Кроковскаго и вскорѣ приступленно было къ постройкѣ каменнаго храма на средства прихожанъ и поклонниковъ, при помощи сотниковъ Ични и Иваницы Стороженковъ.

Церковь, гдѣ поставлена была мѣстная святыня, построена во вкусѣ и характерѣ того времени и представляетъ типическій образецъ стариннаго мѣстнаго церковнаго стиля, съ своими тремя главами «кораблемъ», съ разсчитанными на столѣтія толстыми стѣнами и фигурными окнами, съ низенькой и причудливой передней пристройкой, съ крестами, покоющимися на полумѣсяцахъ. Входишь въ такую церковь и представляешь себѣ, какъ входилъ и молился здѣсь прадуръ, и живѣе чувствуешь свою связь съ предками, отъ которыхъ

осталась лишь память да истлѣвшій прахъ. И икона, и церковь были всегда мѣстомъ поклоненія и почитанія для всей округи.

Каждый изъ жителей окрестныхъ селъ непремѣнно бывалъ въ Ржавцѣ въ торжественныя или тяжкія минуты своей жизни. Туда эти села несли свое горе, свое упованье на высшую справедливость и милосердіе, потребность въ которомъ такъ велика въ ихъ тяжеломъ быту. Священное изображенье Ржавской Богоматери носитъ трогательный характеръ. Она прижимаетъ къ себѣ Сына, на глазахъ Ея видны слезы. Многочисленныя ex voto всегда привѣшены къ ризѣ иконы, украшенной нѣсколькими пожертвованными драгоцѣнностями, между которыми виситъ и нитка простыхъ янтарей, какіе носятъ крестьянки. Храмъ, икона и вся церковная обстановка знакомы и близки въ этомъ видѣ каждому уроженцу той мѣстности съ самаго дѣтства. Откуда ни подъѣзжать къ Ржавцу, за зелеными его садами, за колосящеюся рожью виднѣются старосвѣтскія зеленыя главы козацкой церкви, какъ живое видѣніе прошедшаго.

Проѣзжая Ржавецъ нѣсколько времени назадъ, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ церкви его происходитъ полная перестройка. Съ одной стороны ея возвышалась уже конченная квадратная кирпичная пристройка въ уровень съ крышей и приступлено было къ сооруженію такой-же пристройки съ другой стороны. Наружный видъ храма оказался уже измѣненнымъ. Внутри пробивали толстыя каменныя стѣны для соединенія пристроекъ съ средней частью церкви. Известковая пыль стояла въ воздухѣ, валялись куски кирпичей. Икона и утварь однако не были вынесены изъ церкви, такъ какъ въ ней все таки продолжались службы и молебны для пріѣзжихъ. На мои вопросы отвѣчали, что по окончаніи этихъ работъ приступлено будетъ къ передѣлкѣ передней пристройки, къ соединенію церкви съ колокольней и еще не знаю къ чему то...

Итакъ храмъ, гдѣ стояла *вынесенная на рукахъ* изъ разореннаго края икона, храмъ, созданный людьми, на плечахъ своихъ выдержавшихъ племенную борьбу и давшихъ этому краю гражданское спокойствіе, не заслужилъ права на неприкосновенность. Говорить о такихъ мотивахъ организаторамъ подобныхъ перестроекъ, конечно, безполезно. Но есть правительственное распоряженіе, состоявшееся года два или три назадъ, безусловно воспрещающее безъ разрѣшенія Императ. Археологич. Коммиссіи всякія перестройки и передѣлки въ церквяхъ, имѣющихъ историческій или художественно-археологическій интересъ. Это постановленіе слѣдуетъ имъ напомнить. Оно обнародовано, къ

сожалѣнію, нѣсколько поздно, когда произведены уже были многія перестройки и передѣлки (между прочимъ и въ Кіево-Печерской лаврѣ), испортившія и уничтожившія много памятниковъ старины. Передѣлыватели ссылаются вѣчно на одинъ и тотъ же мотивъ: церковь стала тѣсна! На этомъ основаніи недавно сломана замѣчательная Николаевская церковь въ Харьковѣ, которая могла простоять еще тысячу лѣтъ; сломано много другихъ, передѣлывается и скромный Ржавскій храмъ. Но Кіевскія пещеры еще тѣснѣе! Не знаемъ, сдѣланъ ли былъ одновременно съ указаннымъ распоряженіемъ осмотръ церквей по епархіямъ для опредѣленія ихъ интереса въ археологическомъ отношеніи? Безъ такого опредѣленія это распоряженіе, какъ многія другія распоряженія, останется, конечно, мертвою буквой. Для Полтавской епархіи, гдѣ такъ мало церковно-историческихъ памятниковъ, гдѣ деревянныя постройки силою вещей погибаютъ на нашихъ глазахъ, попытка такого опредѣленія сдѣлана была, и она все же могла служить нѣкоторымъ указаніемъ. Въ 1888 году гг. Горленкомъ и Мартиновичемъ составленъ былъ, на основаніи клировыхъ вѣдомостей церквей и личнаго знакомства, списокъ старинныхъ и интересныхъ въ архитектурномъ отношеніи церквей епархіи. Онъ напечатанъ въ офиціальномъ ея органѣ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1888 г. въ №№ 16, 17 и 18.

Передѣлка Ржавской церкви производится по иниціативѣ мѣстнаго священника Сахновскаго съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Но какъ же однако согласить такое разрѣшеніе съ Высочайшимъ повелѣніемъ по духовному вѣдомству о томъ, чтобы архіереи до начала перестроекъ старинныхъ церквей входили въ сношеніе о томъ съ Императорской Археологической Коммиссіей, научную компетенцію которой въ дѣлахъ этого рода признало правительство?

Не объяснитъ ли намъ это обстоятельство кто нибудь изъ лицъ, прикосновенныхъ этому дѣлу?

Прилучанинъ.

Къ исторіи будущаго Кіевскаго музея. Одна изъ особенностей Кіева, какъ большаго и древняго города, заключается въ томъ, что онъ до сихъ поръ не имѣетъ историческаго музея (да и никакого, можно добавить). Въ оправданіе такого страннаго явленія кіевляне могутъ сослаться лишь на то, что мысль о музеѣ межъ ними давно уже живетъ, но нѣтъ въ Кіевѣ меценатовъ, нѣтъ въ немъ

Румянцевыхъ и Боголюбовыхъ, хотя и есть съ изобильными средствами люди, легко могущіе стать на стезю сихъ ревнителей просвѣщенія... Не разъ уже случалось, что мысль о кіевскомъ музеѣ вспыхивала, но тутъ же и потухала... Какъ на одну изъ такихъ вспышекъ можемъ указать на возникшую было въ 1887 г. мысль—вмѣстѣ съ празднованіемъ въ Кіевѣ 900-лѣтія крещенія Руси, положить въ немъ начало и историческому музею.—Объ этомъ, не получившемъ дальнѣйшаго своего развитія, начинаніи, писалъ намъ, въ іюнѣ 1887 г., покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ: «вчера я былъ у митрополита Платона для отданія ему решпекта и заговорилъ вновь о необходимости учрежденія музея въ память 900-лѣтняго юбилея, чтобъ къ юбилею онъ былъ готовъ и древностями наполненъ. Владыка величайшее сочувствіе изъявилъ, и благословилъ, и просилъ составить проектъ устава, обѣщая первымъ на немъ подписаться въ качествѣ учредителя, пожертвовать нѣкую сумму, дать временное помѣщеніе въ своемъ софійскомъ домѣ и привлечь къ пожертвованіямъ кіевскихъ и иныхъ богачей, да и въ Петербургѣ же осенью похлопотать о разрѣшеніи сего учрежденія»... Мы не знаемъ причинъ, почему это начинаніе кончилось ничѣмъ; очень можетъ быть, что болѣзнь почтеннаго основателя Кіевской Старины, въ это время уже сильно его удручавшая, была одною изъ этихъ причинъ...

Были и прошлую зиму въ Кіевѣ сильные разговоры о кіевскомъ историческомъ музеѣ, но и изъ нихъ ничего не вышло, главнымъ образомъ, кажется, потому, что не находится тотъ центръ, который бы всѣ эти разговоры сгруппировалъ и направилъ къ ясно намѣченной цѣли... А время уходитъ и, главное, масса того матеріала, которому подобаетъ находиться въ витринахъ кіевскаго историческаго музея, безвозвратно расходится по разнымъ мѣстамъ и рукамъ, при чемъ немало его вывозится и заграницу, въ видѣ напр. вещей, находимыхъ крестьянами на «Княжей горѣ» и затѣмъ продаваемыхъ евреямъ... А будь въ Кіевѣ музей,—быть можетъ эти самые крестьяне стали бы его вкладчиками... Вѣдь читаемъ же мы въ описаніи саратовскаго музея, какъ интересуется послѣднимъ народъ: «посѣщая музей, онъ видимо поражался необычайностью встрѣченнаго и держалъ себя въ музеѣ съ какимъ то благоговѣніемъ, словно въ церкви. Эти простые люди понимаютъ назначеніе музея, какъ «сохраннаго мѣста» для всякой старины, и несутъ въ него кто монету, кто старое оружіе, кто кости допотопныхъ животныхъ.

Отъ нѣкоторыхъ изъ такихъ жертвователей музей получилъ довольно рѣдкія вещи, особенно по нумизматикѣ...» [1]).

А. Л.

Письмо петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки къ брату, лубенскому полковнику Ивану Петровичу Кулябкѣ.

«Любезнѣйшій братецъ Иванъ Петровичъ. Я васъ чрезъ сіе покорно прошу въ особливій респектъ (для меня жъ) принять и ему отмѣнность (для меня жъ) предъ другими показать и въ прозбахъ его (для меня жъ) особливо не оставлять, естли въ чомъ его нужди зайдуть г. сотника константиновскаго [2]) Стефана Полѣтику, а я кажется у васъ то заслужилъ, дабы вы для меня здѣлали что ніесть; я цуга лошадей вашихъ не откину, когда его получить отъ васъ возмогу. Бога ради и себе порока и поговору избавте предъ людми и грѣха предъ Богомъ, не оставляйте синовъ даби не брикали, по Пѣтербурги не ходили и слезами теперъ въ ризницѣ невской [3]), и потай мене, нѣсколько рублей позичили. Нѣчимъ не снабдѣни, во всемъ полковничи сини оставлени; естли чего не можно било прислать зъ обозомъ Якова Петровича, можно било хотя денегъ переслать. Впрочемъ васъ съ домашними вашими Богу поручаю. Вашъ богомолецъ и слуга смиренний Силвестръ, архіепископъ санктъ-петербурскій.

1758 году, марта 16 дня Спб.

Приведенное письмо найдено, въ копіи, въ бумагахъ Гр. А. Полетики (въ собраніи В. В. Тарновскаго) и заключаетъ въ себѣ представительство архіепископа Сильвестра Кулябки (1704—1761) за одного изъ братьевъ Гр. А. П—ки, Степана, бывшаго въ это время сотникомъ константиновской сотни, входившей въ составъ лубенскаго полка. Въ письмѣ этомъ а. Сильвестръ дѣлаетъ брату упрекъ за нѣкоторое его равнодушіе къ нуждамъ сыновей, что будто бы «полковничьи сыны во всемъ оставленны...». А между тѣмъ изъ восьми сыновей Ивана Кулябки три учились въ это время, въ Виттенбергскомъ университетѣ, три—въ Кіевѣ «латинскаго и нѣмецкаго языка» обучались, а два меньшихъ «поспѣвали также къ обученію». Ученіе это, нови-

---

[1]) „Саратовскій Радищевскій музей въ первое свое трехлѣтіе 1885—1888". Составилъ А. Л. Кущъ, хранитель музея. Саратовъ. 1888, стр. 26—27.

[2]) М. Константиновъ, Роменскаго уѣзда.

[3]) Александроневской лавры.

димому, не пошло въ прокъ, такъ какъ въ 1762 г. отецъ жаловался, что сыновья его «легкомысленнымъ самовольствомъ» надѣлали столько долговъ, что пришлось продавать, «дѣдизные и отческіе грунта». Дѣйствительно, лубенскіе Кулябки, одни изъ замѣтныхъ тамошнихъ богачей въ полов. XVIII в., къ концу этого столѣтія сильно обѣднѣли и выбыли изъ рядовъ тамошней аристократіи.

А. Л.

Дѣло объ отдачѣ сертука исключенному семинаристу. Святѣйшаго Правительствующаго Сунода Члену Великому Господину Высокопреосвященнѣйшему Серапіону Митрополиту Кіевскому и Галицкому Кіево-Печерскія лавры священно-архимандриту и разныхъ орденовъ кавалеру.

Кіевскія семинаріи ученика философіи Ивана Лясковскаго

Прошеніе.

Ко Христу дерзновенно приближались вси мытари и грѣшники, дабы сподобиться его щедротъ и милостей, и не отходили тщи отъ кротчайшаго Пастыря и Агнца міра. Въ Твоемъ лицѣ, о Святитель, ту же кротость видя, во упованіе на Бога, въ коего руцѣ сердце твое, притекаю со смиреніемъ ко Твоей Святыни, да призриши и помилуеши мя, яко же Господь Іисусъ бѣдныхъ и нищихъ миловалъ.

Будучи нагъ и босъ, долженъ я позоръ быти міру, есть ли мнѣ явиться между людей безъ одѣянія и прикрытія нужнаго. Посему благоволи, милосерднѣйшій отецъ, дабы мнѣ данъ былъ хотя сертукъ казенный, въ коемъ бы мнѣ можно было выѣхать изъ Кіева въ домъ родственниковъ до выздоровленія.

1818 года, апрѣля 25 дня

О семъ проситъ кіевскія семинаріи ученикъ философіи
Иванъ Лясковскій.

Резолюція: По сему прошенію сертукъ выдать.

Письмо господина Искры графу Платону Александровичу Зубову 1794 года февраля 17 дня. Сіятельнѣйшій графъ! Порываемый ревностію услужить государямъ, прадѣдъ мой полковникъ Искра намекнулъ про измѣну Мазепы, но за то имѣніе и голову по-

терялъ какъ шапку; въ тотъ моментъ появилась и правда его, но голова—не карнизъ! Государь, поправя ошибку, своею особой предалъ землѣ прахъ страдальца и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украинѣ. Послѣ Украину отдалъ полякамъ, и наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ замѣну въ Малороссіи; но тѣ были тогда малолѣтные, и покудова возмужали, Государь скончался. И тогда и теперь, все равно, вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ. Это—древность, графъ!

Я просился изъ военной въ гарнизонъ, а меня отставили въ чистую, словно какъ будто бы то въ награжденіе, чтобъ за долговременную и безпорочную службу околѣть съ голоду. А это, графъ,—прошедшее!

Я сюда пріѣхалъ то безъ нужды на облучкѣ, то по нуждѣ на долгихъ; годъ мѣста былъ въ полсыта, а подъѣзжалъ на извощикахъ: другой и третій боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помога, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ идтить; служить негдѣ, а дома жить не у чего. Вотъ это—настоящее, графъ! Но то для вельможи—не новизна, а для чувствительной души—состраданье.

Ваша душа преисполнена доброты; такъ помогите мнѣ! Вѣкъ проходитъ, какъ правительствовавшій Малороссіей бывшій гетьманъ и тамошній генералъ-губернаторъ и наконецъ и сенатъ за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ; но и доднесь мы въ чаяніи будущихъ благъ.

Докладъ сената два года лежалъ у господина Державина; хотя и послѣдовала Высочайшая резолюція о воздаяніи намъ, а теперь нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ у господина Попова, по которому Императрица именно и точно благоволила повелѣть взять и доложить; а я хлѣбаю все завтрики!

Братъ мой тоже маіоръ, подъ Анапою сдѣлался безъ руки; а у меня хотя и обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ—«подайте Христа ради»! и тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровь предковъ, потъ и увѣчье потомковъ непрерывная суть жертва ревности.

Сіятельнѣйшій графъ, ревнитель истины, у престола ходатайствующій о ней! заступи насъ! Единое слово ваше сдѣлаетъ больше, нежели столѣтіе; а мы если незабвенны у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя; бо мужъ щедрый, рогъ его вознесется во славу.

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга Андрей Искра.

Сообщилъ **Н. Петровъ.**

Прошеніе отставнаго прапорщика Землянскаго 1816 года.

Августѣйшій Монархъ, Всепресвѣтлѣйшій Великій Государь! Святая соборная апостольская церковь и каждый сынъ церкви имѣютъ дерзновеніе къ небесной царицѣ въ своихъ приношеніяхъ таковое:

«Не ввѣри мя человѣческому предстательству, Пресвятая Владычице, и сама заступи и помилуй».

Такъ и азъ послѣднѣйшій рабъ отъ лица вѣрителей моихъ вопію къ Тебѣ, Пресвѣтлѣйшій Государь! не ввѣряй насъ судіямъ, но самъ заступи и помилуй!

До пятнадцати тысячъ народа бывшіе козаки, что нынѣ привиллегированные войсковые жители, да въ подданствѣ на замежованныхъ земляхъ до двадцати тысячъ душъ страдаютъ отъ самовольныхъ владѣльцовъ уже сорокъ восемь лѣтъ, везлѣ по межевымъ и гражданскимъ правительствамъ просили и просятъ, но покровительства имъ не было и нѣтъ, причины же сему слѣдующія:

Домашніе враги Твоего царства разсвирѣпѣли какъ лютые звѣри, живутъ предъ Тобою безъ страха, предъ Богомъ безъ вѣры, виды являютъ добрые, а въ дѣлахъ—лицемѣры судятъ на лихоимствѣ и лицепріятіи, бѣдныхъ невинныхъ тѣснятъ и разоряютъ безъ мѣры.

Государь! доколѣ не будетъ строгости надъ судіями, дотолѣ царство Твое немирно, угрожается бѣдами (о семъ увѣряетъ насъ священное Писаніе—надежное основаніе въ природѣ). Аще законы Божіе и гражданскіе хранятъ народы, тогда царство славно, и царь великъ, и законы соблюдаютъ, какъ царь велитъ.

Пресвѣтлѣйшій Государь и Отецъ! вонми моленію, пріими прошеніе и слезъ нашихъ не премолчи! Народъ, страдая безъ покровительства полвѣка уже весьма утомленъ и дозѣла изнемогъ.

Ты его освободи Высочайшею милостію, отри слезы страждущихъ и Твоего милосердія ожидающихъ да утѣшится о Тебѣ, царь, Христосъ.

А о чемъ прошеніе, при семъ прилагается краткое объясненіе на четырехъ листахъ.

Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя вѣрноподданный отъ лица вѣрителей войсковыхъ жителей повѣренный отставной прапорщикъ Петръ Николаевъ сынъ Землянскій съ того жъ уѣзда козачьяго званія, общій съ жителями владѣлецъ всѣмъ ихъ тѣснотамъ, обидамъ и разореніямъ очевидецъ, квартирую въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ домѣ купца Погребова, подъ № 113-мъ.

Іюля 16 дня 1816 года. Сообщилъ **Н. Петровъ.**

Похищеніе дѣвицы и оскорбленіе полицейскаго офицера (1785 г.), Позднимъ вечеромъ 28-го апрѣля 1785 г. къ «смотрителю съѣзжей» на Печерскѣ капитану Василію Климовскому явилась проживавшая въ Старо-Кіевской крѣпости помѣщица Екатерина Хитрово [1]) и заявила, что капитанъ Изюмскаго полка Александръ Лосевъ, стоящій на Бѣлогородскомъ форпостѣ, увезъ ея дочь, находившуюся въ Фроловскомъ монастырѣ, и двухъ крѣпостныхъ ея дѣвушекъ. Подозрѣвая, что они скрываются въ домѣ жены отст подпор. Бѣляева, Хитрово просила Климовскаго оказать ей содѣйствіе въ отысканіи увезенной дочери. Климовскій съ «пристойнымъ числомъ нижнихъ чиновъ» произвелъ въ указанномъ домѣ обыскъ и дѣйствительно служанокъ нашелъ запертыми въ чуланѣ и передалъ ихъ Хитрово, а дочери ея не оказалось.

Совѣтникъ Кіев. намѣстничества Василій Лосевъ, братъ офицера, похитившаго дѣвицу Хитрово, узнавши о произведенномъ обыскѣ, явился со своими людьми на съѣзжую и нещадно избилъ трехъ десятскихъ, участвовавшихъ въ обыскѣ у Бѣляевой, а затѣмъ прислалъ другаго брата своего, поручика Сергѣя Лосева на съѣзжую взять и доставить къ нему въ домъ самого Климовскаго. По приказанію этого поручика, явившіеся съ нимъ люди, «съ азартностію, какъ писалъ въ жалобѣ своей Климовскій, схвата меня за руки и за волоса потащили со съѣзжей, подобно яко бы какого преступника, а ведя и били немилосердно». Было это ночью и не счастный Климовскій, престарѣлый уже человѣкъ, лишенный всякой возможности защитить себя, «принужденъ былъ претерпѣвать». Совѣтникъ Лосевъ, когда привели къ нему Климовскаго, «не только не отрицался отъ того, что самъ онъ приказалъ такимъ образомъ поступить, но, будучи въ великомъ азартѣ и не пріемля ничего къ оправданію, кричалъ съ великимъ ругательствомъ», называя при этомъ Климовскаго «пьяницею, катомъ, алтынникомъ и разбойникомъ, а наконецъ, высылая изъ комнаты, похвалялся еще и щоки обить».

Оскорбленный такъ Климовскій прямо отъ Лосева отправился къ губернатору Ширкову, но тотъ уже спалъ. Пришедши же домой, Климовскій узналъ, что къ нему уже два раза пріѣзжалъ тит.

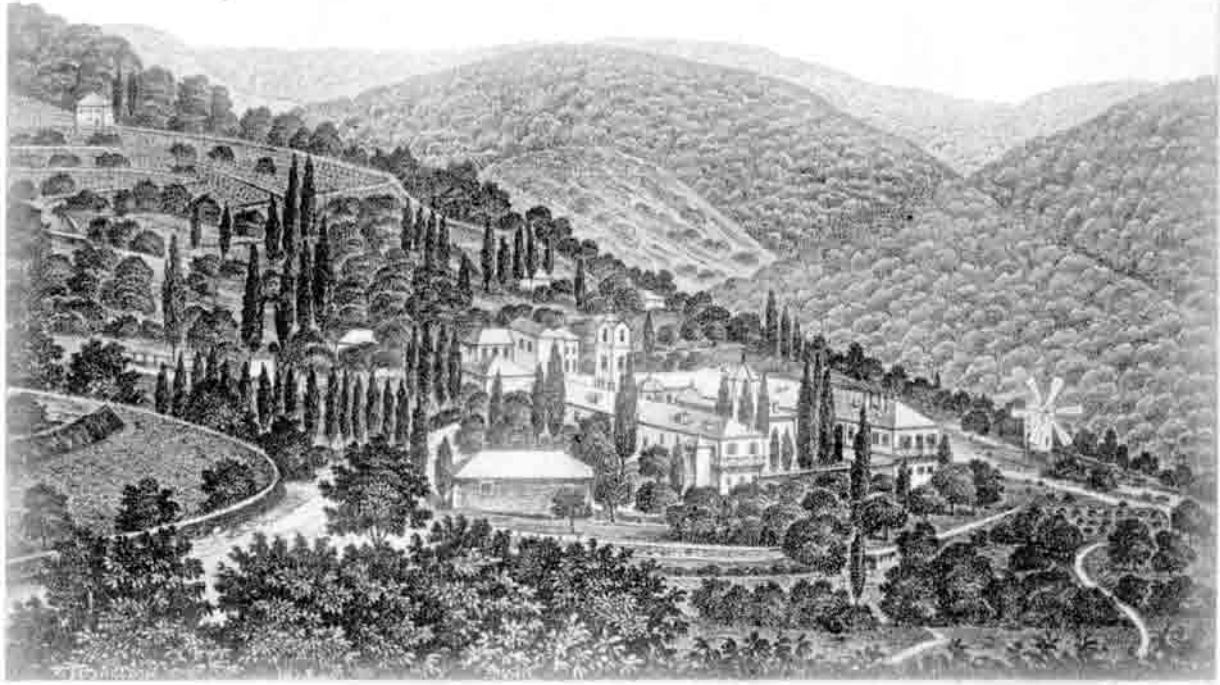
---

[1]) Это была дочь графа Фед. Ив. Головина. Мужъ ея Петръ Хитрово, въ чинѣ подпоручика, состоялъ съ 1782 г. предводителемъ дворянства кіевскаго да.

сов. Рудневъ, который явился къ нему и на другой день утромъ съ просьбой отъ совѣтника Лосева, чтобы онъ, Климовскій, «о той своей обидѣ претензіи не имѣлъ». Тогда же онъ «и отъ прочихъ знатныхъ господъ, по прошенію г. Лосева, упрашиваемъ былъ, чтобъ о томъ жалобы не взносилъ».

Но Климовскій тѣмъ не менѣе нанесеннаго ему жестокаго оскорбленія простить не пожелалъ и, миновавъ почему то уже губернатора Ширкова, подалъ графу Румянцеву челобитную на Высоч. имя. Гр. Румянцевъ предписалъ взять по челобитной Климовскаго отвѣтъ отъ совѣтника Лосева, и съ мнѣніемъ Нам. Пр. немедленно представить ему, а также объяснить, въ чьемъ вѣдомствѣ находится братъ Лосева поручикъ Сергѣй. Чѣмъ дѣло это кончилось, изъ имѣвшихся у меня документовъ не видно.

А. А.



МАЛОРОССІЙСКІЙ СКИТЪ СВ. ПРОРОКА ИЛІИ.

Къ рисунку.

(Малороссійскій скитъ св. Иліи на Аѳонѣ).

Пользуемся случаемъ, доставленнымъ намъ любезно отданной въ нашу редакцію статьей князя Ал. Дабижи „Малороссійская обитель на Аѳонѣ“, и помѣщаемъ при этой-жѣ книгѣ журнала рисунокъ этой обители, сдѣланный фототипіей со снимка, находящагося въ лучшемъ изъ альбомовъ съ видами Аѳона. Этотъ-же снимокъ, очень мало распространенный вообще, помѣщенъ и въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, гдѣ можно найти и нѣсколько строкъ о самомъ скитѣ. Статья кн. А. Дабижи, дающая наиболѣе свѣдѣній объ этомъ скитѣ, устраняетъ отъ насъ необходимость давать подробныя объясненія къ рисунку

Библіографія.

Bouillet, Dictionnaire universel d'Histoire et de Geographie, 30-me édition, entièrement refondu sous la direction de M. Gourraigne. Paris. Hachette et Cie, 1893. (2079 стран.).

Тридцатое, совершенно переработанное и очень значительно дополненное, изданіе этого словаря, извѣстнаго всѣмъ занимающимся исторіей и географіей, представляетъ собой для насъ, главнымъ образомъ, тотъ интересъ, что въ немъ чуть-ли не въ первый разъ во всей французской литературѣ этого рода было обращено серьезное вниманіе на свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи, при чемъ составленіе статей по этому предмету было поручено, какъ видно изъ предисловія, члену отдѣла И. Рус. Географич. Общества Ѳ. К. Волкову.

Основныя статьи, касающіяся южной Россіи—*Ukraïne, Ukraïniens, Cosaques, Zaporogues, Sitch* и проч., при большой сжатости, требуемой справочнымъ характеромъ изданія, отличаются возможной полнотой и очень старательнымъ указаніемъ источниковъ, что даетъ возможность каждому, получивъ необходимыя свѣдѣнія, расширить ихъ потомъ самостоятельно. Въ статьѣ *Ukraïne*, напр., находимъ: объясненіе и исторію этого слова, краткую географію и исторію страны, полный списокъ малороссійскихъ гетмановъ и главнѣйшіе источники исторіи Украины. Слѣдующая за нею статья *Ukraïniens* заключаетъ въ себѣ названія малоруссовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, географическое распространеніе малорусскаго племени, краткую статистику, антропологическія и этнографическія отличія, при чемъ довольно подробно указаны лингвистическія особенности малорусскаго нарѣчія, приведены отзывы различныхъ ученыхъ о его положеніи въ ряду славянскихъ языковъ и приложена библіографія главнѣйшихъ источниковъ (словари, грамматики, соч. Житецкаго, Огоновскаго и проч.).

Затѣмъ, въ той-же статьѣ, при упоминаніи о народной украинской словесности указаны всѣ наиболѣе важные этнографическіе сборники и, наконецъ, приведены главные факты изъ исторіи литературы со всѣми необходимыми указаніями, какъ на общія сочиненія по этому предмету (Пыпинъ и Спасовичъ, Петровъ, Комаровъ и пр.), такъ и на наиболѣе выдающихся авторовъ, которымъ посвящены въ лексиконѣ отдѣльныя статьи. Въ числѣ отдѣльныхъ статей мы находимъ прежде всего краткія біографіи и характеристики историческихъ дѣятелей: Наливайка, Сагайдачнаго, Богдана и Юрія Хмельницкихъ, Выговскаго, Многогрѣшнаго, Самойловича, Мазепы, Даніила Апостола, Разумовскаго, замѣтъ Конст. Острожскаго, П. Могилы, П. Берынды, Дорошенка, Палія, Калнышевскаго, Гонты, Величка и проч. Изъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей недавняго времени, въ словарѣ помѣщены біографіи: Максимовича, Маркевича, Метлинскаго, Лашнюкова, Костомарова, Чубинскаго, Кистяковскаго, Зибера, Лавровскаго, бар. Корфа, Миклухи-Маклая и др., а также Шевченка, Квитки, Гребинки, Котляревскаго, Федьковича и проч. Въ статьяхъ, относящихся съ болѣе замѣчательнымъ историческимъ мѣстностяхъ южной Руси (Кіевъ, Острогъ, Заблудовъ, Переяславъ, Гадячъ и проч.), сдѣланы довольно подробныя указанія на соотвѣтственныя событія.

Не обошлось, разумѣется, и безъ нѣкоторыхъ пропусковъ и промаховъ, которые впрочемъ объясняются, какъ кажется, недостатками корректуры и общей редакціи Словаря. Такъ напр., пропущены, неизвѣстно почему, біографіи Брюховецкаго и Скоропадскаго, въ статьѣ о Шевченкѣ, его пьесы «Наймычка» и «Катерина» превратились въ одну: *la Servante Catherine* (пропущена запятая), Словарь Желеховскаго названъ нѣмецко-малорусскимъ и т. п. Вообще, просматривая статьи, относящіяся къ южной Руси, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ, а именно, главнымъ образомъ, статьи о Галиціи были редактированы не тѣмъ лицомъ, которому принадлежатъ прочія, а вѣроятно другимъ, которому были поручены статьи относительно Австріи. Благодаря этому, напр., статья *Galicie* отличается не только сравнительной слабостью и несовременностью, но и содержитъ въ себѣ крупныя ошибки въ родѣ того, будто Галичина населена почти исключительно поляками и что «одна часть этого населенія» носитъ особенное имя русиновъ (une famille de cette population s'appelle d'un nom particulier les Ruthènes). Вслѣдъ-же за этимъ въ статьѣ Ruthènes, принадлежащей очевидно другому автору, галичане оказываются принадлежащими къ русскому племени, указаны ихъ этно-

графическія подраздѣленія, приведены данныя о ихъ литературѣ, главнѣйшихъ писателяхъ, о ихъ политическомъ положеніи, о русскихъ кафедрахъ въ львовскомъ университетѣ и проч. Подобнаго-же рода редакціонныя небрежности встрѣчаемъ мы даже въ двухъ половинахъ одной и той-же основной статьи *Russie*, историческая часть которой обработана довольно внимательно, тогда какъ географическая очевидно совсѣмъ не тронута сравнительно съ прежнимъ изданіемъ и заключаетъ въ себѣ множество самыхъ грубыхъ промаховъ въ родѣ того, что литовцы отнесены къ славянскому племени и т. п., при чемъ статья *Lithuanie* составлена достаточно удовлетворительно и въ ней говорится, разумѣется, совершенно другое.

Очень полезно было-бы, если-бы эти и подобные недостатки были указаны въ французской критикѣ для исправленія ихъ хоть въ дальнѣйшихъ изданіяхъ этого чрезвычайно распространеннаго и въ общемъ очень хорошаго словаря, составляющаго необходимую настольную книгу для тѣхъ, кому не по средствамъ большіе словари или энциклопедіи въ родѣ Брокгаузовскаго, Мейера, Encyclopaedia Britannica, Larousse'a, Научнаго Словника Ригера или Отто и т. п.

В. А.

Виноградники херсонской губ. (Статистико-экономическое описаніе) Т. И. Осадчаго. Херсонъ. 1892 г. 97 стр.

Настоящая брошюра принадлежитъ къ числу трудовъ Херсонскаго Земскаго Статистическаго Бюро, выдающихся въ статистической литературѣ и отличающихся тѣмъ, что въ поуѣздныхъ сборникахъ, независимо отъ матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій, помѣщается не мало историко-географическихъ и этнографическихъ данныхъ. И на этотъ разъ выдѣленъ въ особую (1) главу весьма интересный «историческій очеркъ виноградарства въ херсон. губ.». Въ настоящее время оказывается виноградниковъ: въ Приднѣстровьи 4010, въ степной полосѣ по водораздѣлу Днѣстра и Буга 1551, на Побужьѣ 12, въ степной полосѣ по водораздѣлу Буга и Днѣпра 8 и по Тясмину производятся опыты разведенія. Такимъ образомъ главная масса виноградниковъ сосредоточена въ полосѣ Приднѣстровья, въ предѣлахъ нынѣшняго Тираспольскаго и въ части Одесскаго уѣз.; въ этой полосѣ насчитывается между прочимъ до 839 виноградниковъ «старинныхъ», существовавшихъ ранѣе 1820 г. Изъ географи-

ческаго описанія выясняется, что виноградники сосредоточены въ мѣстности, замыкаемой рр. Днѣстромъ, Ягорлыкомъ и Тилигуломъ, причемъ Ягорлыкъ служитъ с.-з. границей виноградниковъ, простирающихся въ южномъ направленіи по теченію Днѣстра. Другую полосу составляетъ водораздѣлъ Тилигула и Буга. По картѣ «земель и вольностей Войска Запорожскаго Низоваго» (1770 г.) упомянутыя полосы значатся къ югу отъ границъ Брацлавскаго воеводства и Запорожскаго Гарда, подъ именемъ «Земли Ногайскихъ татаръ». Въ историческомъ очеркѣ г. Осадчій объясняетъ, что исторія приднѣстровскаго виноградарства непосредственно связана съ судьбами виноградарсва бессарабскаго. Оставляя въ сторонѣ древнѣйшія свѣдѣнія о бессарабскихъ виноградникахъ, мы отмѣтимъ, что въ XVIII в. были извѣстны виноградники молдавскіе, разведенные молдавскими эмигрантами по Днѣстру и Пруту, и что многіе изъ приднѣстровскихъ виноградниковъ были довольно значительны. По словамъ автора, въ разведеніи виноградниковъ въ Приднѣстровьѣ, входившемъ въ составъ Очаковской земли, или Ханской Украины, принимали участіе съ самаго начала XVIII в. и малороссы, уходившіе отъ тяжелаго польскаго гнета изъ Украины и Подоліи въ Молдавію и селившіеся на вольныхъ земляхъ по Днѣстру, рядомъ съ существовавшими тамъ молдавскими и татарскими поселеніями, такъ назыв. «ханскими слободами». Въ 1761—77 г. уже существовали въ тираспольскомъ и одесскомъ уѣз. села, входящія теперь въ раіонъ наибольшаго распространенія виноградарства (въ одес. у. запорожцы основали славящіяся теперь врноградниками большія селенія Ясски, Головкивку, Аджидеръ (Овидіополь и друг.). Съ наступленіемъ войнъ 1769 г. періодъ спокойной жизни для Приднѣстровья миновалъ; разведенные въ спокойное время виноградники были періодически опустошаемы то русскими, то турецкими войсками. Предъ сдачею въ 1787 г. края Россіи, когда осѣдлые татары отсюда вышли, кочевые ногайцы, предавая все огню и мечу, опустошили въ конецъ и виноградники. Послѣ взятія Очакова въ 1788 г. здѣсь были поселены принимавшіе дѣятельное участіе въ войнѣ сѣчевики, переименованные въ черноморскихъ козаковъ. Основавъ свою резиденцію въ Слободзеѣ, сѣчевики заняли мѣста вверхъ (до Терновки) и внизъ по Днѣстру до самаго моря. Авторъ имѣетъ доказательства, что запорожцы приводили въ порядокъ опустошенные виноградники и разводили новые и еще до 1790 г. имѣли виноградники и выдѣлывали вино около Херсона. Подъ прикрытіемъ запорожцевъ край заселился настолько, что по

переводѣ запорожцевъ въ 1793 г. на Кубань, въ ихъ станицахъ осталось значительное населеніе «волошской, малороссійской и великороссійской націй» [1]). Виноградники въ окрестностяхъ Одессы стали разводить позже: первый былъ заложенъ въ 1798 г., въ 1822 г. было 111. При поселеніи колонистовъ болгаръ и нѣмцевъ правительство раздало въ 1803 г. чрезъ контору колоній на каждаго хозяина отъ 5 до 10 лозъ для обязательнаго разведенія виноградниковъ, но мѣра эта не имѣла успѣха по недостатку сочувствія у колонистовъ. Только въ самое послѣднее время въ нѣмецкихъ колоніяхъ стало развиваться виноградарство. Вообще нѣмцы находятъ болѣе выгоднымъ занятіе хлѣбопашествомъ. Въ сѣверной части губерній, въ елисаветградскомъ уѣздѣ (бывшая Новосербія и часть вѣдомства Бугогардовской паланки) въ 1770 хъ г. путешественникъ Гюльденштетъ нашелъ нѣсколько виноградниковъ въ Крюковѣ и близъ него и въ Елисаветградѣ. Въ позднѣйшее время стали разводить и по р. Тясмину крымскій виноградъ (болѣе нѣжный, чѣмъ бессарабскій).

Небезъинтересны нѣкоторыя, выясненныя изслѣдованіемъ, данныя, характеризующія виноградарей по національностямъ. Малороссійское крестьянское виноградарство быстро шагаетъ впередъ съ шестидесятыхъ годовъ. Каждый крестьянинъ стремится имѣть хотя бы небольшой виноградникъ, а нѣкоторые не довольствуются однимъ виноградникомъ, находящимся въ заливной полосѣ, и заводятъ виноградники на склонахъ холмовъ и даже на надѣлахъ въ степи. Въ молдавскихъ поселеніяхъ по Маласнинской вол. «незамѣтно особаго стремленія къ виноградарству по недостатку у населенія сознанія», въ Плосковской вол. виноградарство не распространяется по враждебному отношенію общества къ желающимъ разводить виноградники. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ наиболѣе интенсивный ростъ числа нѣмецкихъ виноградниковъ принадлежитъ 1840 и 1880-мъ гг. По замѣчанію изслѣдователя, до самаго послѣдняго десятилѣтія крестьянское виноградарство двигалось главнымъ образомъ любовью малорусскаго населенія къ садоводству, вынесенною изъ родной Украины, причемъ соображенія экономическаго характера, т. е. доходность, мало занимали крестьянина, а потому и культура виноградарства мало улучшилась. Для нѣмца, проникнутаго практическими выгодами, виноградникъ не служитъ эстетическимъ удовольствіемъ, и онъ будетъ разво-

[1]) Приведенъ списокъ 8 поселеній тираспол. уѣз., въ которыхъ въ 1793 г. 60 двор. и 3709 д. обоего пола.

дить виноградъ только тогда, когда у него оказываются незанятыя болѣе выгоднымъ хлѣбопашествомъ руки. Онъ также плохо знаетъ условія развитія виноградарства, какъ и крестьянинъ, если не хуже, и также не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ касательно урожая и вообще положенія виноградарства, какъ и послѣдній.

Въ заключительной главѣ изслѣдованія авторъ обращаетъ вниманіе на то, что виноградники, занимая незначительные кусочки земли, служатъ малороссамъ, молдаванамъ, болгарамъ и нѣмцамъ виноградарямъ значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, снабжая семейства фруктами и виномъ для собственнаго потребленія и избавляя отъ покупки дорого стоющей водки, и притомъ приносятъ еще доходъ отъ продажи произведеній виноградарства на сторону. Въ культурномъ отношеніи какъ крестьяне, такъ и другія сословія, при уходѣ за своими виноградниками держатся только преданій старины: какъ садили, подрѣзывали и вообще смотрѣли за виноградниками ихъ дѣды и отцы, такъ и они теперь дѣлаютъ. По выраженію автора, колонисты нѣмцы и болгары, о благосостояніи и льготахъ для которыхъ столько хлопотало правительство, предоставляя всѣ удобства и для разведенія виноградниковъ, имѣли большую возможность вносить улучшенія въ веденіе этой отрасли,—но этого не произошло. Нынѣшній молдованинъ Маласнинской волости, которой совершенно не коснулась культура, при веденіи виноградарства употребляетъ наиболѣе примитивные способы: вино выжимаемъ ногами, не знаетъ никакихъ инструментовъ, кромѣ тѣхъ, что существовали и въ прошломъ вѣкѣ, когда край принадлежалъ татарамъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что на печальныя условія, не дававшія развиться крестьянскому виноградарству въ настоящемъ столѣтіи, указывалъ уже 40 лѣтъ тому назадъ г. Шмидтъ, говоря, что въ первой половинѣ прошлаго вѣка виноградники въ Приднѣстровьѣ были болѣе обширными и цвѣтущими, чѣмъ онъ нашелъ ихъ вѣкъ спустя.

Въ изслѣдованіи приведена огромная масса данныхъ о пространствѣ виноградниковъ, о числѣ кустовъ на десятинѣ, о доходности и т. п. Матеріалъ обработанъ очень умѣло, и вообще изслѣдованіе г. Осадчаго представляется весьма интереснымъ и цѣннымъ для уясненія судебъ благодатнаго уголка, который щедро надѣленъ природою для развитія виноградарства, но которому не достаетъ техническихъ знаній для того, чтобы сельское населеніе могло улучшить и упрочить свое благосостояніе. Остается сказать, что трудъ г. Осад-

чаго заслуживаетъ вниманія, какъ экономистовъ, такъ и историковъ, и можетъ быть весьма полезнымъ для исторіи культуры въ Новороссіи.

В. Василенко.

Библіографическая замѣтка.

Читателямъ «Кіевской Старины», вѣроятно, будетъ небезъинтересно узнать, что извѣстный поэтъ А. В. Кольцовъ, уроженецъ г. Воронежа, сочинилъ, между прочимъ, и одну пѣсню на малорусскомъ нарѣчіи. Украинцы всегда привлекали къ себѣ его сочувствіе, что особенно хорошо обнаруживается изъ прекраснаго стихотворенія «Ночлегъ чумаковъ»; но сочувствіе это осязательнѣе выразилось именно въ сочиненіи малороссійской пѣсни. Пѣсня эта не помѣщалась доселѣ въ обыкновенныхъ изданіяхъ стихотвореній Кольцова и была извѣстна лишь потому, что была когда-то напечатана въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (1864 г. № 141); не помѣщена она и въ тѣхъ изданіяхъ, какія появились въ Кіевѣ по случаю истеченія пятидесятилѣтія со дня смерти поэта (изд. Іогансона въ его «Библіотекѣ-крошкѣ» ц. 15 к., изд. Н. Терновскаго съ руководящей статьею ц. 20 к.), хотя уже была возможность выпустить дѣйствительно «полное» изданіе, вмѣсто выпускавшихся доселѣ неполныхъ сборниковъ, обыкновенно точныхъ снимковъ съ изданія 1846 года Некрасова и Прокоповича, теперь далеко не удовлетворяющаго ни историко-литературнымъ, ни критическимъ требованіямъ. Кіевскія изданія отличаются впрочемъ не только обычной неполнотою, но и значительной небрежностью выполненія, что особенно относится къ изданію г. Іогансона, гдѣ сплошь и рядомъ попадаются такіе перлы, какъ: *тьмѣ* вм. *тьломъ* (Сила молодая тѣмъ износилась, стр. 63), *знакомыхъ* вм. *знакомыхъ* (180 стр.), *дѣвичей* вм. *дѣвичьей* (33 стр.) и т. д. Изъ «полныхъ» собраній намъ показалось полнѣе другихъ и тщательнѣе редактированнымъ изданіе «Нивы», исполненное довольно толково и добросовѣстно и съ значительной затратою труда г. Арс. И. Введенскимъ (См. «Сборникъ Нивы» 1892 г. кн. 11). Въ этомъ изданіи, во—первыхъ, обозначены *годы* написанія стихотвореній; во—вторыхъ, сдѣланы иногда очень цѣнныя *исправленія* по подлиннымъ тетрадямъ поэта, хранящимся въ Имп. публичной библіотекѣ, чѣмъ достигнуто значительное возстановленіе подлиннаго текста; въ—третьихъ, прибавлены: I «первоначальные опыты» Кольцова и II стихо-

творенія, приписанныя Кольцову; есть также «примѣчанія» къ изданнымъ стихотвореніямъ и систематическое оглавленіе, азбучнаго же и хронологическаго оглавленій, къ крайнему сожалѣнію и неудобству читателя, не прибавлено. Стихотворенія, обычно, раздѣлены на три отдѣла: I Пѣсни и бытовыя картины. II Думы. III Стихотворенія общелитературнаго характера; нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи пьесъ, сравнительно съ прежними изданіями, сдѣланы вообще къ лучшему, и съ ними можно согласиться.

Указанная нами «Малороссійская пѣсня» помѣщена въ этомъ дѣйствительно полномъ изданіи въ отдѣлѣ первоначальныхъ опытовъ.

Вотъ она:

1) Голубенько доню,
Чому ты не любишь
Мене, козаченька,
Мене, молодого?
2) Хиба жъ ты иного
Вже парубка маешь,
Хиба жъ ты другого,
Серденько, бажаешь?
3) Иль чимъ, мое сердце,
Тобѣ не влюбився?
Хиба моя бидность
Тебе такъ лякае?
4) Голубонько доню,
Я божавъ, кохавъ бы
Тебе дужче того,
Що въ золоти ходить.

Изъ другихъ любопытныхъ особенностей отмѣченнаго нами изданія укажемъ на окончаніе извѣстнаго стихотворенія «Ночлегъ чумаковъ», выпущенное какъ въ изданіи 1846 г., такъ и во всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ, хотя пьеса съ такимъ окончаніемъ была напечатана еще въ «Библіотекѣ для чтенія» 1836 г. т. 16.

Вотъ это мѣсто:

Преданьями родной страны!
Но что, украинцы, они (т. е. преданія)
Все отзываются печалью?
Давнымъ-давно прошли тѣ дни,
Когда у васъ, блистая сталью,
Шумѣлъ раздора буйный гласъ,
И кровь потоками лилась.
Давно прошли тѣ времена;
Вездѣ царюетъ тишина
Подъ скипетромъ Русскаго правленья,
И край вашъ—край теперь веселья.
Любимый, самородный трудъ
Неужли давитъ вашу грудь?
Вы чумакуете по волѣ:
Чего жъ еще желать вамъ болѣ?
Я познакомился со свѣтомъ...
И, если бы... да въ добрый часъ!
Готовъ остаться я у васъ!
Готовъ чумаковать все лѣто.
Тамъ, други, не живетъ веселье,
Гдѣ роскошь, золото, бездѣлье,
Гдѣ много словъ про наслажденье,
Тамъ для него душа мертва,
Какъ на сухой степи трава.
Живалъ въ большихъ я городахъ,
Бывалъ на вашихъ хуторахъ
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что горемъ, что добромъ зовутъ,
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и мнѣ и тѣ стремятся.
Узналъ, вздохнулъ... И для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой близъ огня,
Подъ возомъ отъ грозы укрыться.

Пріятно кашу ѣсть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить.
На волѣ любо, братцы, жить!
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю,
У васъ все братски; хороша
Бесѣда ваша, безпритворна.
Гдѣ ты, прекрасная дуга,
Своей природѣ такъ покорна?
Что слободской вашъ аманъ,
Что шитый шелковый кафтанъ,
Каморы, полныя безъ счету
Снарядовъ разныхъ, серебра,—
Когдъ въ нихъ искры нѣтъ добра?
Покиньте, братцы, вы охоту
Мѣняться счастіемъ своимъ,
Мѣняться степію широкой
И продовольствіемъ простымъ:
Блистаетъ солнышко-далеко!...
Тутъ рѣчь уныло прервана
Готовой кашею простой;
Они въ кружокъ; шумитъ страна;
Усѣлись на травѣ густой.
Луна изъ облакъ выплываетъ,
Спокойный таборъ озаряетъ;
И свѣтлыхъ звѣздъ—не милліонъ
На нихъ глядитъ со всѣхъ сторонъ.

По какимъ соображеніямъ издатели «Полнаго собранія стихотвореній покойнаго А. В. Кольцова» 1846 г. отбросили это длинное окончаніе стихотворенія «Ночлегъ чумаковъ», намъ неизвѣстно. Вѣроятно, здѣсь скрывался ничѣмъ необъяснимый произволъ, вовсе не свидѣтельствующій объ уваженіи этихъ издателей къ памяти поэта и выразившійся тогда также во множествѣ другихъ подобныхъ сокращеній и исключеній даже цѣлыхъ стихотвореній изъ книги.

А. Стешовичъ.

А. А. Потебня. Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни. Собралъ Э. А. Вольтеръ. Спб. 8⁰. стр. 34. (Извлечено изъ Сбор. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. LIII т. № 8).

«Не ручаясь за полноту собранныхъ нами библіографическихъ свѣдѣній, желаемъ, чтобы полный указатель къ трудамъ Потебни вышелъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ новымъ изданіемъ его трудовъ и съ полнымъ собраніемъ его сочиненій». Такими словами заканчиваетъ составитель настоящаго указателя свое краткое предисловіе. Дѣйствительно, почти все сдѣлано имъ въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ возможенъ былъ предполагаемый трудъ, и мы должны быть признательны г. Вольтеру, давшему такой подробный перечень трудовъ покойнаго А. А. Потебни, которые еще надолго будутъ необходимыми настольными книгами каждаго филолога. Указатель этотъ составленъ, главнымъ образомъ, по выпискамъ, сдѣланнымъ Вл. Ив. Штейномъ изъ записокъ И. И. Срезневскаго и Вл. Ив. Ламанскаго, съ поправками и указаніями г. Ляпунова и самого составителя. Сочиненія по-

койнаго А. А. Потебни, оставшіяся въ рукописяхъ, исчислены и вкратцѣ описаны по отчету г. Харціева, занимающагося разборкой его бумагъ. Кромѣ указаній на труды А. А. Потебни, г. Вольтеръ даетъ краткія, пожалуй слишкомъ даже краткія, біографическія замѣтки, списокъ отзывовъ и некрологовъ. Смѣемъ думать, что болѣе подробный опытъ біографіи и характеристики былъ бы далеко не лишнимъ: свѣдѣнія объ А. А. Потебнѣ г. Вольтеръ могъ бы почерпнуть какъ изъ своихъ воспоминаній, такъ и изъ воспоминаній другихъ слушателей и учениковъ покойнаго.

Впрочемъ и теперь приходится быть благодарными за такой трудъ: такіе ученые, какъ А. А. Потебня, пишущіе не для минуты, не для современниковъ только, а для грядущихъ поколѣній, всегда будутъ необходимыми помощниками на пути изученія языка. И если даже наука уйдетъ впередъ и многое изъ ихъ выводовъ окажется устарѣлымъ,—все таки имъ скажутъ великое спасибо за то хотя бы, что ими подготовленъ и разработанъ матеріалъ, досель почти не затронутый наукой. Для будущаго историка изученія русской и славянской филологіи вообще, равно какъ и народной словесности, всегда будетъ необходимость ознакомиться хотя бы съ главнѣйшими трудами нашего великаго, хотя всю жизнь и бывшаго скромнымъ и безпритязательнымъ, ученаго, въ чемъ не мало поможетъ толковый и со вниманіемъ составленный указатель.

В. П.

Ал. Залѣскій. Археологическая, этнографическая и художественная выставка въ гор. Плоцкѣ. Общій обзоръ. Плоцкъ 1892. стр. 14. 8°. (оттискъ изъ Плоцкихъ губ. вѣдомостей).

Предлагаемая авторомъ брошюра является, такъ сказать, толковымъ каталогомъ къ выставкѣ предметовъ старины, устроенной съ благотворительной цѣлью въ гор. Плоцкѣ. Авторъ видимо приложилъ всѣ старанія, чтобы заинтересовать выставкой мѣстныхъ обывателей, не жалѣя трудовъ и учености. Осмѣлимся обратить вниманіе г.г. читателей на нѣкоторыя типичныя мѣста брошюры, которыя лучше всего дадутъ понятіе объ ея содержаніи. На стр. 4 читаемъ слѣдующее: «Каменное рало, найденное въ д. Гилино сернецкаго уѣз., безспорно весьма рѣдкій и цѣнный экземпляръ. Матеріалъ этого земледѣльческаго орудія и обработка его говорятъ объ искусствѣ шлифовки, что же по времена доисторическія, го

ворятъ о томъ, какъ далеко то время, когда ратай-земледѣлецъ съ края въ край бороздки помѣтывалъ, изъ земли дубья-колодья вывёртывалъ; и

„Оретъ въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омешки *по камешкамъ* [1]) почиркиваютъ"

Далѣе идутъ куріозы въ томъ-же родѣ. На слѣдующей страницѣ: «Разсматривая остатки старины, невольно обращаешь вниманіе на заботы первобытнаго человѣка о жизни здѣшней и будущей. Черепъ изъ кургана въ Туровѣ плоцкаго уѣз. съ трепанаціей указываетъ, такъ сказать, на первые шаги человѣка въ области медицины, самой точной ея части хирургіи,—совершалась ли такая операція съ цѣлью добытія амулета, или же, какъ универсальное средство избавиться отъ всѣхъ недуговъ, какіе можетъ причинить, вогнать въ человѣка, злой духъ». Нельзя ли проще объяснить появленіе дыры въ черепѣ? Но авторъ предпочитаетъ мудрствовать. Не менѣе любопытны слѣдующія его умствованія: «Отмѣтимъ, говоритъ г. Залѣсскій, еще нѣсколько интересныхъ предметовъ. Таковыми кажутся намъ двѣ пары ножницъ, точь-въ-точь по формѣ такія, какими «неотвратимая» Атропосъ отрѣзаетъ нить человѣческой жизни на картинѣ Шумана «Парки», и какими теперь—страшно сказать [1]), стригутъ овечью шерсть». Далѣе—въ томъ же родѣ, причемъ мы узнаемъ между, прочимъ, что «ученіе Будды было основано на любви къ ближнему». Наклонность—вольная или невольная — юмористически относиться къ трактуемому предмету видимо является характерной чертой г. Залѣсскаго. Кудряво пишутъ мѣстные плоцкіе гг. литераторы.

Вл. Перетцъ.

Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи покойнаго профессора А. А. Потебни.

Въ № 12-мъ прошлаго года напечатано было приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи имени нашего покойнаго сотрудника, профессора *А. А. Потебни*. Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что въ «Кіевской Старинѣ» тоже открыта эта подписка.

---

[1]) Курсивъ автора. Какое отношеніе имѣетъ эта цитата къ каменному ралу??

[2]) Что же тутъ страшнаго?

1726 годъ. Мѣсяць январъ.

Январ. Субота. 1. Сегодня рано былисмо у генераловъ зъ поздравленіемъ нового году, а въ малой церквѣ службы Божой вислухавши, кушалисмо у себе, и зъ нами Семенъ и Федоръ Чуйкевичи и Тарналіотъ. По обѣдѣ были у насъ капитанъ Діонетъ, подпорутчикъ Масаловъ и многіе бунчуковіе, такъ же обозный прилуцкій и другіе. Извѣстилисмося отъ генерала Шереметева, что указъ зъ Астраханѣ принесенъ, черезъ вчора пріехавшого куріера, продавать зъ казни государевой водку по 8 гривенъ. Донецъ Степанъ привезлъ денги за водку Мартину 7 р. 8 грив 5 (ден?). Фейверокъ былъ у вечеру, когда рокитка одна въ бокъ летѣвшая убила вахмистра ростовского полку до смерти.

Неделя. 2. Сегодня былисмо рано у Яропкина и обоихъ генераловъ, а по службѣ Божой обѣдалисмо купно съ Кочубеемъ въ его квартерѣ; передъ вечоромъ были у насъ Гамалѣи и протчіи, и Дефарнъ, пріехавшій теперъ отъ прорви, а отъ насъ у лѣкара Маса, где забавилисмося долго танцами и въ посѣдѣнню розговорами. Мартинъ поехалъ въ лагеръ за водкою. Вѣжевскому Мартинъ далъ на расходъ грошей 2 р.

Понеделокъ. 3. Сегодня были у насъ рано капитанъ Hagель и порутчикъ Корфе, и Кочубей, а по отходѣ ихъ обѣдалисмо зъ Тарноліотомъ и Киселенкомъ, а у вечеру были у Hageля и порут-

чика Корфе, где въ фанти игралисмо. Винъ брали зъ четверти чарокъ 95, которихъ у ведерку будетъ 380.

Вовторокъ. 4. Сегодня рано былъ у насъ капитанъ Діонетъ, которому тютюну 7 папушъ далемъ, а посля его Тарноліотъ и Григорашъ, которіе и обѣдали зъ нами. Получилемъ отъ Добринея писмо отвѣтное зъ поздравленіемъ и требованіемъ пріезду нашего на прорву и что нашихъ людей при коняхъ, туда пріехавшихъ, послалъ искать подкомендних своихъ. Мартинъ поехалъ въ лагеръ зъ Гудимомъ. Худолѣй пріездилъ ко мнѣ отъ Кандиби, питаючись денгами или горѣлкою позиченную мою горѣлку похочу отобрать.

Среда. 5. Сегодня навечеріе Богоявленія отправлялисмо у малой церквѣ Мартинъ въ лагеръ поехалъ за горѣлкою, Шендрику данною.

Четверъ. Богоявленіе. 6. Сегодня рано былисмо у Еропкина и у генераловъ, а по службѣ Божой ходили на воду, где были води освященіе и стреляно. Обѣдалисмо у Кочубея зъ Шидловскимъ, а по обѣдѣ были мы за валомъ, и въ шахмати началъ учитись. А у вечеру полковникъ Еропкинъ посидѣвши нѣкоторое время, отойшолъ до своей квартири.

Пятокъ. 7. Сегодня рано принималъ я проносное лѣкарство. Писма спорадилъ черезъ Гудима до Астраханѣ къ Полянскому, о присилкѣ сюда рано по скройки ліоду, Гудима; до Демяна о томъ же и о другихъ интерессахъ въ наказѣ ему данних, до архіерея о калмичатахъ, а въ домъ до родителей о поведеніи тутейшомъ, и о виправѣ посилки зарання къ намъ, до жени о томъ же и о шваграхъ, до ясневел. о поведеніи, до брегад., прокур. и Петра Пстровича [1]) о томъ же, до князя Михайла Михайловича зъ благодареніемъ за рекомендацію его. Мартинъ посланъ въ лагеръ за горѣл.

Субота. 8. Сегодня кровъ зъ головной жили пускалемъ. Были у Кочубея, где Кандиба съ товарищи приговорили посилать въ П. Бурхъ Кочубея и п. Михайла зъ прошеніемъ объ отпуску. По обѣдѣ, которій имѣлисмо у себе зъ Гамалѣею и Яномъ Миклашевскимъ, былемъ у Шереметева, у вечернѣ, у фонъ-Страла и Еропкина.

---

[1]) Толстаго, нѣжинск. полковника.

Неделя 9. Сегодня рано были мы у генераловъ и у Шереметева; когда были, онъ много разговарувалъ о Кандибѣ, подавшомъ доношеніе объ отпуску бунчуковихъ въ П. Бурхъ, мимо его Кропотову. Гудимъ отъ дороги удержанъ, а писма отдани Неплюеву. Отъ Дебринея получилемъ отвѣтъ зъ прошеніемъ нашего прибитія къ нему на прорву и конвой присланъ отъ него. Генерали и прочіи гуляли у подполковника Лопухина, а ми у полковника Еропкина были передъ вечернею, а позно у вечеру были зъ Кочубеемъ и Сулимою въ Шереметева, и позволенне у его ехать до прорви получили.

Понеделокъ 10, Сегодня рано Неплюевъ капитанъ поехалъ зъ Сулаку въ Астрахань. Виехали мы рано на прорву въ гостѣ до Дебринея, зъ конвоемъ отъ его присланнимъ 12 драгунахъ и 20 козакахъ, а съ нами Кочубей, Сулима, Кованка, и пріехали до прорви о 12 часу въ полдень, где приняти любезно отъ его Дебринея былисмо и у его обѣдали. Прорва отъ крѣпости ст. Креста растояніемъ въ 20 верстахъ, потому зовется, что Сулакъ оставивши давній свой.... (?) въ лѣво потеклъ и тамъ упалъ въ море; около прорви расположеніе мѣста хорошое, лѣси чорніе темніе, полніе звѣру дикого, тамъ клени, дубя и иншое дерево опрочъ лоху удалося, мѣсто сіе къ Андреевой деревнѣ, а барзѣй къ деревнямъ Чепанъ Шафкала. Тамъ, на сей сторонѣ, малий здѣланъ ретранжаментъ, где мѣютъ впредъ семейніе донци въ нижней станицѣ, переселившися, жити. Третего часа по полудни прорва загачена была совсѣмъ, чего ради и съ пушекъ тутъ обрѣтаючихся вистрелено и пошла была вода сулацкая давнимъ своимъ къ крѣпости ст. Креста теченіемъ, чего ради козаки и протчіе всѣ работали около оной греблѣ всю ночь, укрѣпляючи оную при запаленихъ килка десяти канатахъ, а после полночи вода берегъ отъ пріезду, отъ крѣпости, прорвала на килка сажень, и клѣтку тамъ глубоко засипленную на килка верстъ зъ собою унесла. Вечерали мы у Дебринея и ночовали оба въ землянцѣ зъ Дефаршомъ и другими оберъ офѣцерами, а Кочубей зъ Сулимою у Панченка, асаули прилуцкого.

Вовторокъ. 11. Сегодня мы дневали тутъ же, обѣдали и вечерали у Дебринея, а между тимъ играли въ карти у Дефаршовой

земляницѣ, зъ нимъ Дефаршомъ и капитаномъ другимъ. Вѣтеръ жестокій бувъ. Кочубей получилъ вѣсть, что коней его 12, Сулиминихъ 6, Раковичевихъ 3, за Сулакомъ отъ города верстъ у 5 въ полѣ ходившихъ, татаре напавши, загорнули, а человѣка его, Кочубея, ранили; за что Кочубей въ гнѣву былъ генералскомъ, же тоею добичею непріятель себѣ получилъ авантажъ и впредь приступать до крѣпости.

Середа. 12. Сегодня мы откушавши въ земляницѣ, где былъ Дефаршъ зъ Кочубеемъ, Сулимою, Панченкомъ и другими, пожекгнали Дебринея и поехали до крѣпости, а Дебриней у 3 версти опровадивши насъ, повернулся назадъ, а мы поехали зъ конвоемъ, даннимъ отъ его, 12 човѣками драгунъ и ундерофѣцеромъ, и пріехали въ городъ за 2 часа передъ ночію, и були у полковника Еропкина и генерала Шереметева. Извѣстились мы тутъ, что вода болшая сулацкая у прорви, когда оную загачено, пошовшая сюда до крѣпости, вчерайшей ночи припала сюда на аршинъ вишиною. Играли мы оба въ карти зъ Еропкиномъ и Шеншиномъ, и програлся Шеншинъ всѣмъ намъ въ квартерѣ Еропкина. Отъ Чепаншафкала пріездили люде до Дебринея, что онъ мѣстъ прибыть самъ на прорву. Вѣжевскій зъ дороги вернувшись назадъ до прорви, за мунштучкомъ тамъ згубленнимъ, тамъ и ночовалъ.

Четверъ. 13. Вѣжевскій хлопецъ вернулся зъ прорви. Обѣдалисмо у себе оба. Вѣтеръ надъ мѣру жестокій былъ, непереставая третодневний. Чепанъ Шафкалъ пріехалъ въ крѣпость ст. Креста и сталъ первей на кватирѣ, якая Кандибѣ означенная была, а потомъ пошолъ до генераловъ, на банкетѣ у подполковника Сомова сидѣвшихъ, и тутъ доволно посидѣвши, прийшолъ на другую квартеру Кочубееву, ему отведенную, и тутъ ночовалъ. Мартинъ поехалъ въ лагеръ и въ нижній городокъ за донцемъ Степаномъ, отъ котораго денги припалежатъ.

Пятокъ. 14. Сегодня обѣдали дома, а тутъ же и Іванъ Тарноліотъ, а передъ обѣдомъ были у насъ Масъ и капитанъ Hagel, по обѣдѣ засъ былисмо у Кочубея и доволно посидѣвши, и розийшлись. Капитанъ Уваровъ прислалъ п. Михайлу пару щенятъ бор-

зихъ. Онъ же капитанъ за трость Стефана Гамалѣю пѣнялъ, будто при оной у него много вещей пропало, а по розиску показалось, что оная трость Гамалѣи отъ Самойловича, а Самойловичу отъ Петра Сенецкого, наказного бывшого въ командѣ Милорадовича, дарованна. У вечеру былъ капитанъ Діонетъ и кгралъ въ пѣкетъ со мною. Капитанъ Макарти былъ у насъ и хвалился, что ему Богъ далъ сына.

Субота. 15. Сегодня рано были мы у Кропотова и Шереметева генераловъ, а кушали у себе зъ Яномъ Миклашевскимъ, Завадовскимъ, капитаномъ Шидловскимъ и Масомъ. Чепанъ Шафкалъ, владѣлецъ горскій, виконалъ присягу лобзаніемъ курана своего и притисненнемъ къ ротѣ, на которой онъ присягалъ, печати своей, что мѣетъ съ дѣтми, внучатми, всѣми узденями и всѣмъ своимъ владѣніемъ быть въ вѣрномъ подданствѣ ея величеству государини імператрици и государства россійского. Получилъ я писмо отъ Якова Якубовича зъ Астраханѣ, 11-го ноеврія прошедшого году писанное, ко мнѣ, въ которомъ ознаймуетъ, что архиерей Гурка [1]) жалостенъ за то, что я къ нему доселѣ не писалъ. Той же Чепанъ Шафкалъ, оставивши тутъ въ аманатахъ трохъ своихъ узденей, отехалъ, а мѣлъ за тиждень въ аманати привезти своего унука самъ сюда, а сина Гайдемирового. Пожаръ у вечеру виденъ былъ, у полночной сторонѣ. Уваровъ капитанъ посидѣлъ у насъ, и Дефаршъ пріехавши зъ прорви былъ у насъ же. Сегодня рано началемъ листомъ исторію писать до брата Семена, начавши отъ прибытія нашего въ Астрахань.

Неделя. 16. Сегодня рано были мы у Еропкина и у обоихъ генераловъ, а кушали у себе зъ Кандибою и другими. Отъ чеченскихъ трохъ князей (у которихъ владѣніе будетъ на 5000 людей) приехалм два узденѣ, зъ тимъ, что оніе хотятъ въ подданствѣ быть ея величества, а они между Кабардою и сими горами живутъ, неподалеку Брауновой княгинѣ. Горѣлку мою, позиченную у мене, отдалъ Кандиба зъ бунчуковимъ (sic). Іванъ Тарноліотъ росказувалъ якъ дѣлать lapidem mirabilem, а именно, галуну и каменя синіого по фунту одному въ полъ 2 гарца, води рѣчной, албо дожчевой,

[1]) Горка.

варить часовъ 2, передомъ стовченніе и пересѣянніе, а потомъ туда жъ приложить bolum armeni 1 лотъ, церузи чили блейвасу 1 лотъ, и конфори золотникъ 1, такъ же передомъ вкупѣ стертіе, и въ той же варить съ полтора часа на жару, чтобъ толко въ огнѣ легкомъ варилось, а на остатокъ оцту винного стаканъ туда жъ всипать, що все потоль повинно кипѣти, поколь булбашки переставатимутъ збѣгать, а на желѣзо тоей мѣкстури когда каплю спустишъ, то станетъ каменемъ захолонувши; въ тотъ часъ отставить отъ огня и дать охолонуть, якая матерія охолонувши каменемъ станетъ, въ тотъ часъ оній камень растворать водою рѣчною лотъ 1 до кварти води вложивши оний разойдется, въ которую хусту вмочивши до болячого мѣста, албо рани прикладовать. Да тогда жъ Кандиба за секретъ на зуби сказовалъ такое лѣкарство: сучокъ смоловій розрѣзавши дробно, вложить въ горщикъ и, наливши оцтомъ, варить добре, и после тимъ оцтомъ гарячимъ запаровать гарячій зубъ. Были мы у вечеру въ Шереметева и играли въ карти зъ Еропкиномъ и Шеншиномъ, при нашомъ авантажѣ. Далемъ Вѣжевскому на общій росходъ 2 р., а на приватній 5 р., а давніе денги 7 р. отобралемъ у него.

17. Понеделокъ Сегодня рано былъ у насъ Григорашъ и Тарноліотъ, зъ которихъ первимъ кушалисмо, а по обѣдѣ были Макартій капитанъ, просилъ на завтрейшій день къ себѣ, и просилъ на крестини. Потомъ Худолѣй пріехалъ и съ нами ночовалъ, а позно въ ночъ зъ капитаномъ Діонетомъ въ пѣкетъ играли.

18. Вовторокъ. Сегодня обѣдали мы у капитана Макартн, на христинахъ сина его, где отъ кумовъ были Лѣцкинъ полковникъ, подполковникъ Лопухинъ и протчіе. Оттуду были мы у полковника Еропкина, где генералъ Кропотовъ сидѣлъ, и тамъ я зъ Алексѣемъ синомъ генералскимъ танцовалъ, а по отходѣ генерала игралъ я въ въ карти зъ проиграшемъ, а играли Еропкинъ, п. Михайло и Шеншинъ комисаръ, програлъ я 5 р., а 2 р. далъ капитаншѣ, Макартишѣ, итого въ росходѣ сегодня 7 р., а зъ двома р. данними Вѣжевскому на расходъ, 9 р.

19. Середа. Сегодня поутру были у насъ капитани Шидловскій, Дефаршъ, Макарти, Грибовскій, Пѣперъ порутчикъ Корфъ, и

отойшли до Макартего кушать, а мы зъ Тарноліотомъ кушали. Деногъ 15 р. отдалемъ, доводячихся отъ мене въ общую складку. У вечеру были мы у Шереметева и посидѣвши доволно отойшли. Вѣтеръ 11-го януар. начавшійся, весма жестокій, до селѣ тривалъ, а теперъ пересталъ и на перемѣну того стало тепло и дожчъ началъ ити. Отъ вѣтру сего великое наводненіе въ ретранжаментѣ аграханскомъ учинилось.

20. Четвергъ. Сегодня рано былисмо у генераловъ (которіе кушали у маіора Аргарова), а мы потомъ оба, Сулима и Гамалѣи у полковника харковского Квѣтки, со мною и съ бывшими въ компанѣи къ намъ, и посидѣвши мало отойшли. Потомъ зайшолъ полковникъ Еропкинъ, подполковникъ Сомовъ, капитанъ Уваровъ, комисаръ Шеншинъ, и призванъ Василь Гамалѣя, которіи играли въ карти; такъ же посля Гамалѣи и я игралъ и програлъ 3 р. Позно они отойшли отъ насъ, а Василь Гамалѣя ночовалъ съ нами.

21. Пятокъ. Сегодня рано присилалъ Кропотовъ къ себѣ звать насъ на обѣдъ, и зъ насъ еденъ п. Михайло былъ на ономъ, а по обѣдѣ прійшолъ онъ зъ Василемъ Гамалѣею, тамъ же обѣдавшимъ, которій тутъ позабавивши отойшолъ отъ насъ.

22. Сегодня рано кушалисмо у себе сами, а потомъ былъ я у генерала Кропотова, и тамъ знову кушалъ, а потомъ зайшолъ до Кочубея и тамъ посидѣвши отойшолъ. Былъ у вечеру Тарноліотъ, зъ которимъ въ шахмати играючи, далъ ему матъ, майстру своему. До брата п. Семена написалемъ полълиста исторіи.

23. Неделя. Сегодня рано были мы у Шереметева, где оба были генерали, а обѣдали у генерала Шереметева, где и у карти играли зъ проиграшомъ моимъ и Еропкина полковника.

24. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ капитаномъ Гіонетомъ и Тарноліотомъ, а по обѣдѣ приходилъ къ намъ генералскій писаръ отъ генерала Кропотова, прося насъ на обѣдъ, куда ми не ходили за тимъ, что уже обѣдали, и потомъ были у Еропкина и зъ нимъ, такъже и зъ Шеншиномъ играли въ карти и вигралъ я 3 р. зол. (?) Часа у два въ ночъ ишолъ снѣгъ и черезъ всю ночъ не переставалъ, и былъ морозъ хорошій.

25. Вовторокъ. Сегодня обѣдали мы у Кочубея, и свой обѣдъ туда носить казали, а по обѣдѣ пришли до своей квартери зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарноліотомъ, где посидѣвши мало отойшли, а мы были у генерала Шереметева, и забавивши время нѣкоторое на свою квартеру прійшли. Тамъ же у генерала явился посадскій чловѣкъ, которій прошлого году взятъ былъ въ полонъ въ Таркахъ, куда былъ пріехалъ за торговимъ дѣломъ, а сказовалъ, что оного Шафкалъ отдалъ былъ Суркаю владѣлцу, а отъ Суркая ушолъ и пойманъ былъ знову синомъ Усмеювимъ, откуду ушелъ также и пришолъ сюда затимъ, что тамъ неволники не тѣснени були вязеннемъ. Онъ же говорилъ, что будто татаре въ разореннихъ деревняхъ знову стали жить, а около Буйнаковъ, которіе за Тарками обрѣтаются, много скоту по полю ходятъ. Снѣгъ вчора спавшій черезъ увесь день лежалъ и морозецъ бувъ.

26. Середа. Сегодня обѣдали у генерала Кропотова, а по обѣдѣ были у Кочубея, и оттуду въ свою квартеру прійшли, где съ нами ночовалъ Худолѣй. У Кропотова читани 2 листи, писанніе отъ владѣлца Грузинскаго къ обоимъ генераламъ, зъ прошеніемъ присилки войска въ помощъ противъ бѣссурманъ. Противъ сегодня у прорвѣ загаченная плотина знову прорвалася. Полковникъ Лѣцкинъ у разговорѣ своемъ сказовалъ: 1) про чеченскихъ князей, что оніе избрали надъ собою за владѣлца сина Чепанъ Шафкала, которому и повинуются; 2) преждереченній владѣлецъ, просящій войска въ Грузѣю шуринъ принцовому сину, которий отця своего убилъ тестя. Наказный полковникъ миргородскій Ярославль (?) сегодня умеръ; и то Лѣцкинъ говорилъ, что принцесса грузинская породи татарской, Гойдемиру и Шафкалу двоеродная сестра.

27. Четвер. Сегодня рано были у насъ капитани Шидловскій и Діонетъ, а по отходѣ ихъ были мы у Кропотова, где и Еропкина застали, и тамъ обѣдали, а по обѣдѣ полковникъ Еропкинъ и Шепшинъ были у насъ, куда потомъ и генералъ Кропотовъ приходилъ и посидя отийшолъ, а мы играли у карти, въ проиграши Шепшинъ и п. Михайло.

28. Пятокъ. Сегодня панахида была по его величеству блаженной памяти государеви нашомъ, преставлшомъся сего числа прошлого 1725-го року. Полковникъ Дебриней и Панченко зъ прорви приехали. Капитанъ Халчевниковъ, женившійся на попадѣ молодой, умеръ.

29. Субота. Сегодня кушалисмо у себе зъ Тарноліотомъ. Мартинъ за яловицю взялъ 5 р., за которые казалемъ куповать де-що на завтрейшій день.

30. Неделя. Сегодня обѣдали у насъ генерали и штапъ-офѣцери, и бавились до ночи, а въ ночѣ были у Дебринея и тамъ позабавивши, прійшлисмо до своей квартиры, а зъ нами Василь Гамалѣя, которій и ночовалъ съ нами, Кочубей Шидловскій и проч. Сей день теплій былъ барзо, дожчъ ишолъ и дуга на небѣ видна была.

31. Понеделокъ. Сегодня поутру были у насъ Прончищевъ и Шидловскій, а обѣдали мы у себе зъ Василемъ Гамалѣею и Тарноліотомъ. Полковникъ Лѣцкинъ, прийшовши до насъ, сидѣлъ зъ Шидловскимъ часовъ нѣсколко и потомъ отойшолъ, а у вечеру Дебриней зъ Дефаршомъ приходили къ намъ и посидѣвши отойшли.

Мѣсяцъ Февруар. 1. Вовторокъ. Сегодня передъ обѣдомъ былъ я у обоихъ генераловъ и Дебринея, а кушалъ у себе и зъ нами Шидловскій, Тарноліотъ и Панченко, асаулъ прилуцкій. Отъ Суркая, владѣлца горского, посланникъ пріехалъ къ генераламъ съ писмомъ, которій въ допросѣ своемъ говорилъ, что онъ желаетъ быть подъ протекцѣю ея величества, а Даутбекъ, на той сторонѣ Кури владѣніе имѣючій, получилъ теперь отъ паши турецкого милость солтанскую: два знамена, и когда помянутий Даутбекъ посланъ былъ зъ войсками къ Кумикамъ въ гори, онъ его яко бы не допустилъ и назадъ прогналъ, понеже, мовитъ, Суркай теперъ владѣніе имѣетъ даже до Кури рѣки и никого туда зъ Даутбековихъ людей и турецкой стороны не припускаетъ; а про Шафкала, онъ же посланникъ сказовалъ, что онъ въ Кайдарахъ обрѣтался и когда Шафкалъ семи человѣка своихъ послалъ былъ къ нашѣ турецкому, онъ будто тихъ переловилъ и не допустилъ туда, такъ же, якіе салдати были у Шафкала, зъ тихъ капрала Максима и другихъ виискалъ и далъ у себе имъ честную

квартеру и доволное препитаніе; да тамъ же у Суркая консилѣумъ было и приговорили владѣлци горскіе Шафкала или убыть или прислать сюда, либо въ аманатахъ отправить кого. Тотъ же посланникъ двѣ писмѣ привезлъ отъ татаръ владѣнія гайдемирового, которіи требуютъ себѣ отъ генераловъ охранителного писма, чтобъ имъ безопасно было сюда пріежджать за провіянтомъ всякимъ и другими товарами на продажъ. Посланникъ сей Абизъ, родомъ бухарецъ, зъ Бухари съ отцемъ своимъ зайшолъ къ Суркаю и у его живетъ, словесенъ очинь. Поваръ Дебринея женился на служебкѣ Дебринея. Гаврило и Мартинъ поехали въ лагеръ. У вечеру былъ у насъ капитанъ Hageль и просилъ на завтра къ себѣ на вечеринку.

Середа. 2. Сегодня были въ церкви малой на службѣ Божой, а по службѣ обѣдалисмо у себе зъ Тарноліотомъ. Надъ вечеръ ходили мы до капитана Hageля на вечеринку и забавивши тамъ доволніе время, отойшли оттуду, и зайшли до повара Дебринейского, новоженившогося, и посидѣвши тамъ, пришли до своей квартири.

Четверъ 3. Сегодня были мы рано въ генерала Шереметева и поздравляючи его съ именинницею цесаревною Анною Петровною, изъ нимъ ходили на молебенъ. Ундеръ офѣцеръ пріехалъ зъ Астраханѣ зъ писмами отъ генерала Матюшкина, зъ которимъ и грузинецъ пріехалъ, котораго блаженной памяти его величество пожаловалъ въ генерали. Зъ тимъ ундерофѣцеромъ присланъ зъ Астраханѣ указъ продавать въ кабаку вино по 1 р. и по 4 гривни. Кушали мы у себе зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарналіотомъ, такъ же зъ сотникомъ сенецкимъ, Величковскимъ и Панченкомъ, а генерали и штапъ офѣцери кушали у Кропотова генерала. Іванъ машталѣръ, прійшовши зъ прорви, обявилъ намъ, что татаре напавши ноччю на нашихъ людей, отогнали у нихъ всѣ лошадѣ наши, п. Михайла 4, а моихъ 6, именно верховихъ: вороного и ступака полового, лисого гнѣдого, чалихъ двохъ и гнѣдого, а при нашихъ и другихъ бунчуковихъ около 40 коней. У вечеру были мы у Еропкина, и кграли зъ нимъ и Василемъ Гамалѣею въ карти, зъ виграшомъ нашимъ, а потомъ были у Шереметева и обявили о пропалихъ коняхъ своихъ, а прійшовши въ квартиру свою, написали за руками вѣденіе о коняхъ и

послали къ Еропкину. Получилъ я писмо отъ п. Федора, дядка, зъ Астраханѣ, въ которомъ пишетъ, что тамъ наши всѣ здорови и зъ дому жаднихъ вѣдомостей нѣтъ, толко тое вѣстно, что генералъ Ропнъ стоитъ теперъ на линѣи, а въ Астраханѣ публѣкованъ указъ—некому не шинковать виномъ простимъ и двойнимъ.

Пятокъ. 4. Сегодня рано были мы у генерала Шереметева, у полковника Еропкина, оттуду у себе кушали зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарноліотомъ, а потомъ ходили званни до Кропотова и тамъ кушали зъ Кочубеемъ, Сулимою, Кандибою и Бутовичомъ, где и генералъ кгрузинскій кушалъ. Купилемъ за 20 а. (алтынъ?) у Патрикія ножъ булатний.

Суббота. 5. Сегодня дновалисмо и обѣдалисмо у своей квартирѣ. У лазнѣ зъ Кочубеемъ, Сулимою и другими мился я.

Неделя 6. Сегодня рано былисмо у генераловъ обоихъ, а кушали у генерала Шереметева и въ карти играли зъ Еропкиномъ и Шеншиномъ, зъ виграшомъ нашимъ. Зъ Грузинѣи пріехалъ сюда грузинецъ и явился у Шереметева. Писалъ писма до родителей о себѣ ознаймуючи, о прорвѣ и коняхъ отогнаннихъ и висилцѣ виправи завременно; до жени—о томъ же, до ясневел. также, до ахтирского полковника—о пересилцѣ писемъ, до Полянского—объ отданню писемъ п. Федору дядку и Демяну; до п. Федора—о повоженню нашомъ, до Демяна, чтобъ онъ буде нелзя продать горѣл. и провіянтъ присилалъ бы сюда весною, а передомъ ознаймилъ бы о томъ минѣ.

Понеделокъ. 7. Сегодня вчора писанніе писма отослали до генерала Шереметева, которіи въ свой пакетъ вложилъ онъ, а послани почтою черезъ казаковъ терковскихъ. Обѣдали мы у себе зъ Якимомъ Горленкомъ и Петровскимъ. Дебриней пріехалъ зъ прорви въ крѣпость, зъ которимъ я видѣлъся у полковника Еропкина. Дали вѣденіе черезъ Федора Чуйкевича, что у насъ коней нѣтъ.

Вовторникъ. 8. Сегодня были мы у генераловъ обоихъ, а кушали у себе зъ Заборовскимъ и Дефаршомъ. Меду пудъ купили за 3 р. для розсиченя. По обѣдѣ ходили до капитана Шидловского и порутчика Прончищева, и въ нихъ до ночи сидѣвши до дому прійшли, где я вомѣтовалъ тяжко. Солтанъ Мамутъ пріехалъ въ крѣпость ст.

Креста и сталъ за городомъ кибѣткамы. Прапорщикъ Бекѣчевъ пріехалъ зъ Астраханѣ, которій посиланъ былъ отъ Шереметева генерала, а привезлъ онъ указы и вѣдомости розніе, именно: 1) генералу маіору Кропотову—кавалерію ст. Александра Невского; 2) полковнику Аракчѣеву—указъ отсюду ехать въ полкъ свой зъ офѣцерами и драгунами, отъ шляхетства зъ нимъ сюда прибувшими; 3) что генералъ маіоръ Ропнъ пожалованъ въ генерали порутчики и кавалеріею ст. Александра; 4) Опачининъ поехалъ зъ Воронѣжа въ Суми женится на женѣ покойного Василя сумского; 5) офѣцерамъ и драгунамъ зъ шляхетства, которіе были въ лейбъ-швадронѣ свѣтлѣйшого князя, ехать отсюду.

Середа 9. Сегодня были мы у генераловъ Кропотова (которого и поздравляли кавалеріею, данною ему за первий походъ въ гори) и Шереметева, въ котораго видѣли и Бекичева, пріехавшого зъ Астраханѣ, и наше писмо до Петра Андрѣевича писанное назадъ зъ собою привезшего. Обѣдали мы у себе зъ Тарноліотомъ, а по обѣдѣ ходили до харковского полковника, где просидѣли чимало и забавились въ карти зъ нимже въ 3 листа, зъ нашимъ хочъ малимъ виграшомъ. Оттуду пошовши, были у Дебринея, оттуду въ Кочубея, оттоль у насъ зъ Дебринеемъ же и нѣкоторими капитанами. Дебриней поехалъ сеей ночи на прорву. Лѣнце, капитанъ артилерійній, показовалъ Дебринею писмо къ нему зъ Астраханѣ писанное, что Дебринею быть бригадиромъ и комендантомъ въ Ризѣ.

Четвер. 10. Сегодня былъ я у генерала Шереметева, где въ разговорѣ было, что якобы генералъ Ропнъ мѣетъ на весну сюда быть за полками на перемѣну сихъ. Обѣдалисмо у себе и зъ нами Миклашевскіе оба, Василь Гамалѣя и Завадовскій. Андрѣй Миклашевскій показовалъ цедулою отъ Стефана Миклашевского къ нему писанную, что якобы п. полковникъ миргородскій и п. суддя генералній Чарнишъ, Корецкій и п. полковникъ сумскій (Кондратьевъ) зъ панею своею пріехали въ доми своя, и что п. Стефана турбуютъ уздичане[1]) и другіе жители за грунта, и отнимаетъ у нихъ, вдавшися до коллегіи. Ночовалъ съ нами Григорій Гамалѣя.

---

[1]) Жители с. Уздицы, глуховск. уѣзда.

Пятокъ. 11. Сегодня никуда не ходили, толко въ Кочубеевой квартерѣ играли въ карти зъ Діонетомъ и Панченкомъ, зъ виграшомъ нашимъ. Вѣжевскому далъ Мартинъ 4 р. на росходъ, а зъ рублемъ, даннимъ отъ мене, есть 5 р. Гудиму 2 р. далъ онъ же для пошиття плаття Думаеви, и отехалъ въ лагеръ за горѣлкою.

Суббота. 12. Сегодня обѣдали у насъ Кандиба, Тарноліотъ и протчіе, а генерали и штапъ офѣцери кушали у полковника Соймонова. Солтанъ Мамутъ отехалъ отъ крѣпости ст. Креста во свояси, а узденей его оставлено зде 3-хъ, чтобъ аулнихъ татаръ присилалъ сюда. Трощинскій Андрѣй ночовалъ у насъ.

Неделя. 13. Сегодня обѣдали мы у полковника Соймонова въ старой крѣпости, а генерали и штапъ кушали у Кочубея; мы же гараздъ подпіяхомъ. Привезени аманатчики отъ Чепанъ Шафкала, унуки его.

Понеделокъ. 14. Сегодня обѣдали мы у генерала Кропотова, а у насъ Тарноліотъ зъ Панченкомъ, по обѣдѣ ходили въ старую крѣпость, а оттоль у Еропкина посидѣли, надъ вечеръ уже ходили до генерала Шереметева и, тамъ забавивши мало, отойшли въ свою квартеру. Видѣли у генерала Шереметева 2 палки отъ Чепанъ Шафкала къ нему въ подарокъ присланніе, на которихъ природніе слои розних коліоровъ. Получилемъ письмо отъ Демяна, ко мнѣ зъ Астраханѣ писанное декавр. 15, въ которомъ пишетъ, что посилаетъ сюда меду пудовъ полъ 6 и фунт. 7, цѣна пуду алтинъ по 30 и что водку даютъ по 3 р. съ полтиною, а листъ въ домъ належачій нашъ мѣлъ Полянскій отъ себе послать; посилаетъ зась медъ тотъ черезъ атамана опошнянской сотнѣ полку гадяцкого Федора Волошина. Состоялъся въ С. П. бурху тайний верховий совѣтъ, въ которомъ мѣютъ 6 персонъ засѣдать: свѣтлѣй. князь Меншиковъ, Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ адмиралъ, графъ Гаврило Івановичъ Головкинъ, графъ Петръ Андрѣевичъ, Толстой, князь Димитрій Михайловичъ Голѣцинъ, подканцлеръ баронъ Остерманъ, откуду въ сенатъ и въ колегіи мѣютъ укази посилатись, а туда доношеніями писать; въ томъ совѣтѣ укази мѣетъ закриплять канцел. иностранной тайний дѣйствителний совѣтникъ Василий Ва-

силіевичъ Степановъ, въ сенатъ зась колегіи воинская и адмиралтейская промеморіями сноситись имѣютъ и взаимно. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Якимомъ Горленкомъ и Тарноліотомъ, а по обѣдѣ ходилъ я до Сомова подполковника и оттоль до харковского полковника, тамже зайшолъ до Аракчѣева, и тамъ посидѣвши до ночи, прийшолъ въ свою квартеру. Въ розговорѣ, бывшомъ зъ полковникомъ Аракчѣевимъ, было тое, что колмики Каракалпаковъ напавшихъ на ихъ сего лѣта, побыли и аманатовъ зъ нихъ къ себѣ взяли въ той силѣ, чтобъ Каракалпаки все забранное отдали и впредъ въ союзѣ пріятелскомъ найдоволися бы. Гудимъ посиланъ былъ въ лагеръ козачий коменди обозного прилуцкого, довѣдатись объ атаману опошнянскомъ Василю Волошину, который теперъ еще въ ретранжаментѣ найдуется.

Середа. 16. Сегодня обѣдали мы у полковника Еропкина, а съ нами Кочубей и Сулима, по обѣдѣ играли въ карти зъ Гамалѣею и Еропкиномъ при своемъ проиграшу. Дебриней пріехалъ зъ прорви.

Четвер. 17. Сегодня обѣдали со мною въ квартерѣ нашой Діонетъ и Якимъ Горленко, а до Кропотова генерала хотя и звани были, однакъ Діонетомъ п. Михайло отмовился. По обѣдѣ ходилисмо въ старую крепость, зъ Кочубеемъ и Сулимою, и тамъ въ карти играли, зъ виграшомъ; у вечеру сидѣли у Кочубея, куда и Дебриней прийшолъ и посидѣвши немного отойшолъ.

Пятокъ. 18. Сегодня были мы у генераловъ, а обѣдали у себе зъ Тарноліотомъ. Милися въ лазнѣ мы въ Кочубеевой квартирѣ. У вечеру были у насъ Шидловскій, Діонетъ и Тарноліотъ, которій и вечералъ у насъ-же.

Суббота. 19. Сегодня обѣдали мы у Шереметева и подпіяхомъ, а по обѣдѣ играли у карти зъ виграшомъ. У Аракчѣева полковника косками метали лотъ о лошадѣ его сивой всѣ, где и я рубля отдалъ, и вигралъ лошадь Андрѣй Миклашевскій. Пріехали въ крѣпость синъ княгини браунской и чеченскіе владѣлци, 3 человѣка, зъ которими я видѣлся, а потомъ былъ у генерала грузинского, и оттуду зайшолъ до харковского полковника, тамъ зъ Еропкиномъ и Харковскимъ играли оба мы въ карти зъ виграшомъ.

Неделя. 20. Сирная. Сегодня обѣдалъ у насъ полковникъ Еропкинъ, капитанъ Якобѣ, Дефаршъ, Кочубей, Сулима, Василь Гамалѣя; по обѣдѣ игралисмо въ карти, при виграшѣ, потомъ ходили до капитана Якобѣна, куда потомъ и генералъ Кропотовъ прійшолъ, которого опровадивши мы до квартири, зайшли мы къ генералу Шереметеву и съ тимъ простившись прійшли до своей квартири, въ которой самъ я ужиналъ, и такъ заговѣлъ. Полковникъ Дебриней зъ прорви пошолъ въ партію, а зъ нимъ подполковникъ Лопухинъ, капитанъ Макарти и проч.

Понеделокъ 21. Сегодня постно обиходилисмося и никуда зъ квартири своей не виходили, але въ себе и правило постное читалисмо. Вѣтеръ великій началъ быть.

Вовторникъ. 22. Сегодня тако жъ черезъ цѣлій день былисмо въ дому, и правило молебнее у себе читалисмо, о навечерню у Кочубея. Чеченскіе князѣ, оставивши аманатчика своего, такъ же и княгинѣ браунской синъ, отехали во свояси. Діонетъ у вечеру прійшолъ и сидѣлъ у насъ, онъ же о себѣ сказалъ, что въ 1721 году полковникъ, французъ родомъ, Фѣкгуре закололъ былъ его шпадою, которого утекшого нагнано и завернено.

Середа. 23. Сегодня рано былисмо у генераловъ и поздравили ихъ постомъ. Оттуду у Аракчѣева и харковского, а оттоль у церквѣ малой на службѣ Божой, преждесвященной, по службѣ у Еропкина былисмо. Зъ прорви пріехалъ Андрушко и привезлъ 18 р. за барило, а на людяхъ 7 р., именно на лукомцяхъ 4 р., 16 а. 1/4 и на другихъ. Зъ тихъ денегъ Вѣжевскому на приватніе росходи далемъ 8 р., а 10 р. вложилемъ въ шкатулку и отдалемъ оную Мартинови. Полковникъ Дебриней повернулся въ крѣпость ст. Креста и обявилъ о себѣ, что онъ зъ партіею ходилъ къ ущеллю, висше тихъ, которіе мы проходили и отогналъ непріятелскихъ овецъ болше 4000.

24. Четверъ. Сегодня нигде небывали мы, а у вечеру боленъ я былъ на вомѣти.

Пятокъ. 25. Сегодня были мы у службѣ Божой въ великой церквѣ. Прорва отъчасти запружена и Сулакъ сюда почалъ ити знатно, а майстеръ у прорви полку стародубовского, сотнѣ новго-

родской козакъ, а совсѣмъ прорва неугачена того ради, чтобъ сюда помалу вода теченіе свое простирала и где пѣскомъ засипало прорывала.

Суббота. 26. Сегодня рано показалось тое, что рѣка Сулакъ пройшовшая отъ прорви сюда, вчорайшого дня, начала умалятись, поневажъ около у плотинѣ, якъ далей чути прорвало. Коммунѣковалися всѣ ми бунчуковіе, при крепостяхъ обоихъ будучіе, въ церквѣ малой ст. Константина, въ старой крепости, а обѣдалисмо у себе зъ сотникомъ сенецкимъ и Тимофѣемъ Скоропадскимъ, братомъ п. Михайла; по обѣдѣ были у насъ Григорашъ, писаръ харковскій Романовичъ и другіи; посля ходили ми зъ поздравленіемъ коммунѣи до генерала Шереметева, куда полковникъ Еропкинъ повернувшися зъ лагера, где и коммунѣковался, прійшолъ. Потомъ, оттуду зъ генераломъ Кропотовимъ ездили въ каретѣ его до старой крѣпости и тамъ первей у Миклашевскихъ и Гамалѣи, а потомъ у Соймонова полковника посидѣли доволно, а назадъ смеркомъ пріехавши были у Еропкина, где и генералъ Шереметевъ зъ штапъ офѣцерами были и тѣшились зъ нашего татарчука Думая, туда принесенного нарочно. Генералъ Шереметевъ сказовалъ, что присиланни были татаре отъ ауловъ татарскихъ, зъ тимъ, же они идутъ сюда кочовать попрежнему по за крепостями, а ауловъ на... (?)

Неделя. 27. Сегодня ходилъ я рано до Кочубея, где Кандиба былъ съ товарищи и показовалъ писмо до Матюшкина генера[illegible], писанное отъ его, а потомъ былъ у генераловъ и въ церквѣ, а [illegible] службѣ Божой кушали ми оба, такъ же и Кочубей и Миклашевскій Андрѣй, и кушали у полковника Еропкина, поневажъ у его крещени двѣ дѣвочки, татарки, а воспріемниками были Кочубей зъ Миклашевскимъ, да воспріемница одна, жена капитана [illegible]. Сидѣли ми у день въ Кочубея зъ Андреемъ Миклашевскимъ и Завадовскимъ, куда потомъ и Мерзлюкинъ прійшолъ и подпіяхомъ по части, а потомъ по вечернѣ заходилемъ зъ Тарноліотомъ, до Шидловского и Маса, откуду прійшовши домой, имѣлемъ гостей, того жъ Шидловского зъ прапорщикомъ тое жъ роти. Въ день генералъ Шереметевъ и Еропкинъ и при нихъ п. Михайло ездили къ лагеру

ЗАПИСКА

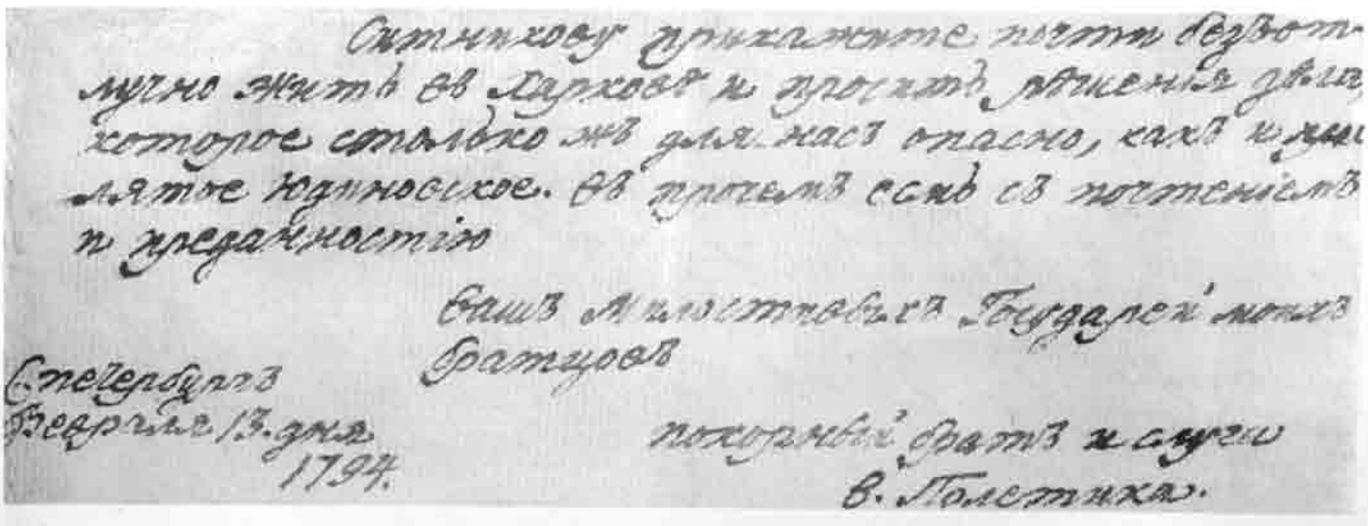
О

МАЛОРОССІЙСКОМЪ ДВОРЯНСТВѢ

МАРШАЛА РОМЕНСКАГО ПОВѢТА

ВАСИЛІЯ ПОЛЕТИКИ.

1809 г.



Ситникову прикажите почти безвоз-
мучно жить въ Харковѣ и прогнать движенія двора,
которое столько жъ для насъ опасно, какъ и уди-
лятое южносихое. Въ прочемъ есмь съ почтеніемъ
и преданностію

Вашъ Милостивыхъ Государей моихъ
братцовъ

С. Петербургъ
Февраля 13 дня
1794.

покорный братъ и слуга
В. Полетика.

Записка о началѣ, происхожденіи и достоинствѣ Малороссійскаго дворянства, писанная маршаломъ Роменскаго Повѣта Василіемъ Полетикою.

(Изъ бумагъ Адр. Ив. Чепы, хранящихся въ яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина).

Правительствующаго Сената Герольдія по многимъ въ разсмотрѣніи ея бывшимъ дѣламъ о дворянствѣ Малороссійскихъ родовъ, предки которыхъ были въ малороссійскихъ чинахъ, какъ то: полковыми обозными, хорунжими, асаулами, войсковыми товарищами и сотниками, почему роды тѣ и въ дворянствѣ признаны бывшими до сего дворянскими коммиссіями; разсуждая, что чины сіи по неположеніи ихъ въ табели о рангахъ не могутъ приносить потомству дворянскаго достоинства, не признала въ ономъ всѣхъ таковыхъ и наконецъ между прочимъ по дѣлу о дворянствѣ Василія Орды, коего предки служили въ компанейскихъ полкахъ: прадѣдъ полковымъ обознымъ, дѣдъ полковымъ хорунжимъ а отецъ наказнымъ сотникомъ, Правительствующій Сенатъ, сказавъ, что сихъ доказательствъ къ признанію въ дворянскомъ достоинствѣ достаточнымъ не находитъ потому только, что въ оныхъ нигдѣ не явствуетъ, чтобъ предки доказателя служили въ армейскихъ полкахъ въ такихъ чинахъ, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство, въ указахъ чрезъ губернскія правленія предписалъ малороссійскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ, чтобъ оныя по таковымъ доказательствамъ, каковы отъ онаго Орды представлены, въ дворянскомъ достоинствѣ не признавали, въ родословную книгу не вносили, грамотъ и свидѣтельствъ о дворянствѣ не выдавали. Столь унижающее дворянскіе чины, съ которыми въ Малой Россіи всегда соединено было дворянское достоинство, сужденіе произошло вѣрно оттого, что Герольдія

не вникнула въ особливыя права, обыкновенія, привилегіи, вольности, свободы и преимущества, коими Малая Россія съ самыхъ древнихъ временъ пользовалась и съ сохраненіемъ для себя которыхъ добровольно присоединилась къ Всероссійской державѣ. Права сіи, во время бытности Малой Россіи подъ владѣніемъ польскимъ заключались въ привилегіяхъ польскихъ королей: Сигизмунда Августа 1563, 1568 и 1569 годовъ, Генриха 1574 г., Стефана 1576 года, Сигизмунда III 1588 года, Владислава 1633 года и Іоанна Казиміра 1649 года, въ премногихъ подтверждающихъ оныя конституціяхъ сеймовыхъ, и въ правѣ книги Статута, раздѣла 3, артикула 2. 12. 15. 18. 26 и роздѣла 4 артикула 1, которымъ Малая Россія и теперь еще судится. А послѣ такого присоединенія ее къ Россіи заключаются въ договорныхъ малороссійскихъ гетмановъ, подтвержденныхъ Всероссійскими Государями статьяхъ: Богдана Хмельницкаго 1654 года, въ 3 статьи, Даміяна Игнатова 1669 года въ 6 статьи, Ивана Самойловича 1672 года въ 6 статьи, Ивана Мазепы 1687 года въ 4 и 19 статьяхъ, въ сей послѣдней статьи, между прочимъ, ясно написано: «чтобъ никто изъ великороссійскихъ не превозносился тѣмъ что онъ Государевъ,—а потому малороссійскихъ старшинъ не унижалъ и не укорялъ, яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властію пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи». Въ рѣшительныхъ — —, данныхъ гетману Даніилу Апостолу въ 1728 году въ 1 и 3 пунктахъ, и наконецъ въ Высочайшихъ грамотахъ тѣхъ же государей на утвержденіе правъ и вольностей малороссійскому дворянству: Царя Алексѣя Михайловича, марта 27 дня 1654 г., марта-жъ 3 дня 1669 года и іюня 17 дня 1672 годовъ, Царя Ѳедора Алексѣевича февраля 1 дня 1676 года и декабря 26 дня 1677 годовъ, Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича маія 3 дня 1682 года и октября 13 дня 1699 годовъ, царя Петра Алексѣевича ноября 1 дня 1708 года, февраля 3 дня 1709 года, генваря 5 дня 1711 года и генваря жъ 8 дня 1717 годовъ, Императора Петра іюля 11 дня 1722 г. Императора Петра II сентября 7 дня 1728 г. Императрицы Анны Іоановны маія 15 дня 1730, Императрицы Елисаветы Петровны декабря 15 дня 1749 г. и маія 22 дня 1751 годовъ, Императора Павла I ноября 30 дня 1796 г. и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра I декабря 29 дня 1802 г.—Въ оныхъ Герольдія нашла бы, что малороссійскіе воинскіе и гражданскіе чиновники допускались въ Польшѣ безо всякаго отъ природнаго тамошняго дворянства различія до

высокихъ сенаторскихъ придворныхъ и земскихъ достоинствъ и что россійскіе Государи по принятіи ихъ съ начальствуемымъ ими Малороссійскимъ народомъ въ свое подданство подтвердили имъ навсегда дворянскую въ чинахъ сихъ честь и избраніе во всѣ оные по прежнему вольными голосами людей заслуженныхъ, знатныхъ и вѣрныхъ.

Сказавши о таковомъ правѣ малороссійскихъ чиновниковъ на благородное достоинство, надобно сказать какъ о началѣ онаго такъ и доказать то съ ясностью, что оно имъ неотъемлемо принадлежитъ и слѣдовательно хотя слегка коснуться малороссійской исторіи.— Всѣмъ извѣстно, что составлявшія въ древнія времена одно пространнѣйшее въ свѣтѣ россійское государство великія княжества Кіевское, Черниговское, Переяславское или нынѣ Малая Россія, такъ и прочія Россіи принадлежащія княженія и земли послѣ владѣнія татарскаго отошли къ королевству польскому и Великому княжеству Литовскому, частью чрезъ завоеваніе, а частью чрезъ добровольное подданство. По свидѣтельству разныхъ лѣтописей и Синописса кіевскаго первый былъ Гедиминъ, великій князь литовскій, который татарскому владѣнію надъ княженіемъ кіевскимъ сдѣлалъ конецъ, побѣдивъ въ 1320 году татаръ и кіевскаго князя Станислава при рѣкѣ Ирпень и овладѣвъ городомъ Кіевомъ.—Съ того самого времени Малая Россія осталась при великомъ княжествѣ литовскомъ на тѣхъ самыхъ правахъ и привилегіяхъ, которыя имѣли жители онаго княжества.—Послѣ сего когда Казиміръ великій король польскій въ 1340 году завоевалъ Чермную Россію, то вскорѣ послѣ того и прочія россійскія, литовцами обладаемыя княженія, въ томъ числѣ Кіевское, Черниговское и Переяславское, войною у литовскихъ князей въ 1349 году отобравъ, присовокупивъ къ польскому королевству, и отъ того времени поляки себѣ, а литовцы себѣ присвоили право на вышеписанныя княженія и прочія россійскія земли. Вскорѣ послѣ того помянутый король, созвавши сеймъ, дозволилъ всѣмъ россіянамъ свободнымъ отправленіемъ вѣры и всѣми тѣми правами пользоваться, которыми пользуются поляки и всѣ порядки въ Россіи устроилъ противъ польскихъ, раздѣливъ оную на воеводства и повѣты. Когда же великое княженіе литовское чрезъ великаго своего князя Владислава Ягелона въ 1386 году соединено съ польскимъ королевствомъ и оный великій князь выбранъ королемъ польскимъ, то онъ, помня прежнее свое право на нѣкоторыя россійскія земли, въ томъ числѣ на предпомянутыя княжества, взялъ ихъ пока въ

свое владѣніе, подтвердивъ однако имъ то, что они всѣми тѣми правами пользоваться имѣютъ, которыми и прочія королевства его земли, издавъ въ 1433 году особливое на то установленіе. Подтвердилъ тоже самое и король Сигизмундъ I, изданнымъ въ Краковѣ въ 1507 году установленіемъ. Продолжавшіеся между поляками и литвою споры о томъ кому принадлежитъ княженіе кіевское напослѣдокъ рѣшились при королѣ Сигизмундѣ Августѣ. Помянутый король, узнавъ, что поляки больше имѣютъ право на оное княженіе нежели литовцы, по согласію всѣхъ чиновъ республики на бывшемъ въ Люблинѣ въ 1569 году сеймѣ, княженіе кіевское присоединилъ къ коронѣ польской, давъ оному за подписаніемъ собственной своей руки, и всѣхъ бывшихъ на сеймѣ чиновъ, особливую на то привилегію. Сія привилегія есть безцѣнный остатокъ правъ и вольностей Малыя Россіи; ибо, какъ въ вышеписанныхъ прежнихъ установленіяхъ въ общихъ выраженіяхъ дозволяется россіянамъ пользоваться правами и вольностями республики, такъ въ сей привилегіи всѣ вольности, права и преимущества подробно описуются. Въ первомъ оной привилегіи пунктѣ изъясняется, что земля и княженіе кіевское съ общимъ всея республики, такъ особливо онаго княжества духовныхъ и свѣтскихъ всѣхъ чиновъ согласіемъ отъ послушанія и присяги великому княжеству литовскому увольняется, а присовокупляется вѣчно къ королевству польскому со всѣми городами и удѣлами какъ равные до равныхъ и вольные до вольныхъ люди и каждому изъ нихъ по своему чину и достоинству дозволяется пользоваться тѣми-жъ привилегіями, вольностями и свободами, которыми пользуются всѣ прочіе обыватели королевства польского. Сію привилегію хотя всѣ послѣ Сигизмунда Августа бывшіе короли присягою за себя и за преемниковъ своихъ утверждали, и всѣ въ оной находящіеся пункты напослѣдокъ въ права малороссійскіе внесены, но поелику въ королевствѣ польскомъ отъ бывшихъ послѣ онаго короля Государей многія вольности и преимущества дворянству прибавлены и утверждены, то во всемъ томъ и дворянство княженія кіевскаго всегда равномѣрное съ прочими имѣло участіе. Словомъ сказать, малороссійское дворянство имѣло участіе въ обоихъ чинахъ, которые вмѣстѣ съ королемъ управляли республикою польскою, то есть въ сенаторскомъ и рыцарскомъ. Сіе есть прямое и достовѣрное основаніе дворянства Малыя Россіи во время бытности ихъ подъ Польшею. Сто пятьдесятъ пять лѣтъ проходитъ какъ малороссійскій народъ, будучи въ прежнихъ вѣкахъ чрезъ поляковъ и литву разными случаями от-

торгнутъ отъ соединенія съ Россіею, имѣлъ съ ними во всемъ равенство и пользовался тѣми-же что и они вольностями, правами и преимуществами; а напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и вольностей своихъ послѣ многолѣтной и кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними одержанныхъ побѣдъ, иго ихъ съ себя свергъ подъ предводительствомъ славнаго гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго, презря всѣхъ, которые его ласкали, посторонниихъ Государей покровительства, не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію ради единовѣрія, какъ о семъ помянутый Гетманъ Богданъ Хмельницкій въ листѣ своемъ писанномъ къ Государю царю Алексѣю Михайловичу февраля 13 дня 1654 года точно упоминаетъ, пришелъ подъ всероссійскую державу и учинилъ добровольное подданство на договорахъ содержать и сохранять малороссійскій народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновеніяхъ, привилегіяхъ, вольностяхъ, свободахъ и преимуществахъ, на которыхъ онъ былъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, безъ всякаго нарушенія и отмѣны. Договоры сіи отъ времени до времени торжественно подтверждаемы были малороссійскому дворянству и народу каждымъ Самодержцемъ всероссійскимъ и нынѣ благополучно царствующимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, при вступленіи ихъ на престолъ. Сто пятьдесятъ пять лѣтъ проходитъ какъ малороссійскій народъ, чувствуя таковыя милости, служитъ имъ вѣрно и радѣтельно и не токмо ни на какія прелести непріятелей Россійскаго Государства не склонился, но всегда и противъ всѣхъ ихъ, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многіе и славнѣйшіе отъ всероссійскихъ Государей имѣютъ засвидѣтельствованія. Славны и похвальны, предводившіе малороссійское воинство и унижаемые теперь Геройдіею до такой степени, чиновники были тогда когда съ неустрашимостію восходили на смоленскія, азовскія и кизокерменскія стѣны, когда предъ лицемъ Государей и славныхъ россійскихъ вождевъ храбро побѣждали и отводили въ плѣнъ турковъ, татаръ, персіянъ, поляковъ и шведовъ. Великодушіе и мужество перешло въ благородное потомство ихъ, отличающееся и теперь неимовѣрною храбростію въ рядахъ россійскаго воинства и осталось, такъ сказать, наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ. И малороссійское дворянство, присоединившееся добровольно къ россіянамъ, какъ къ единороднымъ и единовѣрнымъ братіямъ своимъ, и служившее купно съ ними такъ

вѣрно и такъ долго Престолу и Отечеству могло ли ожидать за свои воинскія доблести, за услуги оказанныя имъ и запечатлѣнныя кровію, столь обиднаго для себя униженія? Въ малороссіи одному только дворянству открытый путь былъ къ чинамъ воинскимъ и гражданскимъ. Изъ вышеписанныхъ договорныхъ статей видно, что малороссійское дворянство—не токмо тѣ кои прошли съ достоинствомъ онаго въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои будучи уже въ подданствѣ, заслуги свои оказали и за то награждены въ землѣ своей чинами и деревнями и имѣютъ такое-жъ право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство. Ибо не одно имя дворянина но больше того помѣстья и вотчины жалуемыя за службу отечеству, составляли въ прежнее время прямое дворянское достоинство. Между малороссійскимъ же и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, то есть что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и въ другіе чины съ помѣстьемъ и вотчинами, а малороссійскіе въ чиновники съ тѣмъ-же. На основаніи вышеприведенныхъ письменныхъ увѣреній малороссійскіе дворяне благородство свое неоспоримо доказать и при ономъ удержаться могутъ слѣдующими образами: 1. Дипломами королей польскихъ на дворянство или привилегіями и крѣпостьми на дворянскія свои имѣнія 2. Жалованными грамотами россійскихъ государей на дворянство или на недвижимыя имѣнія, которыя они получили за знатныя свои службы въ вотчину, коимъ образомъ и россійскіе дворяне достигали своего достоинства. 3. Есть многіе которые вышли изъ Польши, Литвы, Венгріи, Сербіи и Волошской земли, бывъ тамо благородными и то свое благородство утвердить могутъ различными доказательствами. 4. Всѣ малороссійскаго войска чиновники, хотя бы вышеписанныхъ доказательствъ и не показали, имѣютъ на дворянство неоспоримое право, ибо въ Зборовскихъ гетмана Хмельницкаго, постановленныхъ съ республикою Польшею въ 1649 году договорахъ, между прочимъ заключено, чтобъ помянутые чиновники въ королевствѣ польскомъ жили и почитались отъ всѣхъ какъ шляхтичи. 5. Тѣ которые за службы свои по договорнымъ гетмановъ малороссійскихъ съ Государями россійскими статьямъ получили отъ гетмановъ деревни и другія недвижимыя имѣнія, хотя подтвердительныхъ грамотъ на оныя и не имѣютъ, ибо въ тѣхъ договорныхъ статьяхъ Государи обѣщали подтверждать гетманскія дачи, если кто просить будетъ, и срока къ тому не назначили, тѣмъ больше что малороссійскіе гетманы, начавъ отъ Хмельницкаго до Апостола, имѣли

власть награждать деревнями и другими недвижимыми имѣніями, что подтверждено было какъ договорными статьями Даміана Игнатова и Мазепы, такъ особливо присланною къ гетману Скоропадскому въ 1711 году Государя Императора Петра Великаго грамотою, на основаніи которой и гетманъ графъ Разумовскій роздалъ заслуженнымъ въ Малой Россіи людямъ нѣкоторыя деревни и другія имѣнія. 6. Твердѣйшее-же, лучшее и достовѣрнѣйшее малороссійскаго дворянства доказательство основано на привилегіяхъ и правахъ онаго, которыми бы Герольдія во всемъ, въ разсужденіи сего дворянства, и руководствоваться надлежало. Извѣстно что дипломы и гербы на дворянство въ Польшѣ литовскому и русскому дворянству въ новѣйшія времена, а именно при королѣ Сигизмундѣ Августѣ даваться начали, хотя до его временъ Литва и княженіе Кіевское и Чернѣговское уже преисполнены были дворянства. Всякъ во оныхъ имѣвшій свою собственную землю и съ оной служившій государственную службу почитался за вольнаго человѣка и за дворянина и таковымъ всѣмъ на сеймѣ бывшемъ при помянутомъ королѣ въ 1563 году опредѣлено и привилегіею того-жъ короля утверждено въ полученіи дипломовъ и гербовъ съ польскимъ дворянствомъ равенство имѣть. А хотя бы кто дипломовъ и гербовъ не получилъ, то однакожъ за дворянина считаться и всѣми дворянскими преимуществами пользоваться имѣетъ. Подтверждено сіе и другимъ сеймомъ, бывшимъ въ 1568 году и привиллегіею того-жъ короля.—Сіи обѣ, данныя малороссійскому дворянству привиллегіи доказываютъ, что еще не всѣ тѣ въ Малой Россіи не могутъ быть дворяне, которые вышеписанныхъ доказательствъ не имѣютъ. Могутъ сыскаться между самыми бѣдными воинскаго чина людьми которые родъ свой ведутъ отъ древнѣйшаго дворянства;—и для того въ Малой Россіи должно допустить къ доказательству о дворянствѣ всѣхъ кто только захочетъ, и дать имъ свободу по силѣ статутскаго права раздѣла 3, артикула 19 доводить своего дворянства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ благородныхъ съ отцовской и двухъ съ материнской стороны, которые присягою бы утвердили, что ищущій дворянства есть природный и настоящій дворянинъ, а если чей родъ извелся, то чтобы онъ могъ представить къ сему постороннихъ благородныхъ. Сія справедливость тѣмъ менѣе малороссійскому дворянству отречена быть можетъ, что всѣ хранившіяся по земскимъ и градскимъ судамъ дворянскія доказательства, въ воеводствахъ кіевскомъ, браславскомъ и чернѣговскомъ, во время бывшей у поляковъ съ Хмельницкимъ войны, сожжены, что

доказываетъ конституція Сейму бывшаго въ Варшавѣ въ 1654 году, которая сей-же самый доводъ о дворянствѣ утверждаетъ. Степени малороссійскихъ чиновниковъ съ великороссійскими чиновниками уравнять для того единственно поставлялось справедливымъ и нужнымъ, чтобъ послѣдніе по одной своей регулярной, но довольнымъ жалованьемъ и другими выгодами награждаемой службѣ не имѣли причины презирать и унижать людей добровольно пришедшихъ, служившихъ вѣрно и при томъ на своемъ собственномъ иждивеніи. Геральдія изъ старыхъ дѣлъ видѣть могла, что малороссійскіе чиновники всегда уравниваемы были съ великороссійскими чиновниками, напримѣръ: Гетманы всегда наравнѣ считались съ первыми классами, какъ то явствуетъ изъ пожалованія гетмана Брюховецкаго въ бояры и гетмана графа Разумовскаго въ генералы-фельдмаршалы со старшинствомъ противъ младшихъ. До учрежденія регулярныхъ войскъ многіе полковники малороссійскіе имѣли и великороссійскихъ стольниковъ чинъ, который, по тогдашнему счисленію, былъ четвертаго класса. По учрежденіи регулярной службы малороссійскихъ полковниковъ служившихъ въ Лифляндіи въ 1701 и 1702 годахъ, Государь Петръ Великій указалъ наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаульнаго воеводы и полковниковъ конныхъ и пѣшихъ; компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ полковниковъ противъ подполковниковъ, а сотниковъ и прочую старшину противъ капитановъ,—что, имѣющіяся въ государственныхъ архивахъ и во многихъ частныхъ домахъ, письменныя доказательства свидѣтельствуютъ. А въ подтвержденіе сему и то служить можетъ, что многіе отъ великороссійскихъ полковниковъ и подполковниковъ жалованы были въ малороссійскіе полковники, а изъ оберъ-офицеровъ въ сотники. Напослѣдокъ и разныя правительства, какъ то: Государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733 Правительствующій Сенатъ въ 1756 коммиссія о дворянской вольности въ 1763 годахъ подали для конфирмаціи свои мнѣнія и доклады о уравненіи малороссійскихъ чиновниковъ съ великороссійскими, армейскими чиновниками. Въ отправленномъ апрѣля 15 дня 1763 года въ собраніе совѣта о вольности дворянской указъ Императрица Екатерина II, называя «малороссійскій народъ благоприсоединеннымъ и желая не токмо сохранить оный при правахъ его и вольностяхъ, съ которыми онъ подъ державу предковъ ея пришелъ; но, взирая на его всеподданническую и присяжную вѣрность и усердіе и вяще оный къ службѣ своей одобрить, повелѣваетъ оному собранію уравнять малороссійскихъ

чиновниковъ съ великороссійскими». Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ въ 1742 году споръ о равенственномъ засѣданіи между великороссійскими и малороссійскими чинами генеральной канцеляріи подтвержденіемъ исполнять первоначальный указъ 1734 года. О таковомъ между ими засѣданіи въ 1762 году. Чернѣговскій полковникъ Иванъ Божичъ пожалованъ при отставкѣ своей Императоромъ Петромъ III въ бригадиры. Въ 1764 году, при вторичномъ учрежденіи малороссійской коллегіи и при назначеніи въ оную членами съ уравненіемъ въ классахъ съ великороссійскими, Императрица Екатерина II пожаловала генеральнаго обознаго Семена Кочубея—генералъ-маіоромъ, генеральнаго писаря Василія Туманскаго—статскимъ совѣтникомъ, генеральнаго асаула Ивана Журавку и генеральнаго жъ хорунжаго Данила Апостола—полковниками; а малороссійскихъ полковниковъ Забѣлу и Занковскаго, противъ доклада что имъ принадлежитъ еще линія въ армейскіе полковники, сказавъ: «Полковникъ однажды уже сдѣланъ полковникомъ»,—въ бригадиры. Въ 3-хъ изъ рѣшительныхъ данныхъ Императоромъ Петромъ II гетману Даніилу Апостолу въ 1728 году пунктѣ сказано: чтобъ гетману одному, безъ совѣта старшины и поспольства въ генеральную старшину, въ полковники, въ полковую старшину и въ сотники не выбирать и не ставить, а выбирать генеральную старшину, полковниковъ, полковую старшину и сотниковъ вольными голосы и по прежнему обыкновенію, изъ заслуженныхъ и знатныхъ и вѣрныхъ и не подозрительныхъ людей и въ генеральную старшину и въ полковники, выбирая прежде кандидатовъ человѣка по два и по три, писать къ Государю и требовать о утвержденіи ихъ указа; а въ полкахъ на порожнія мѣста въ полковую старшину выбирать полковнику съ полковою старшиною, съ сотниками и съ знатными козаками, а въ сотники выбирать въ каждой сотнѣ всѣмъ козакамъ общимъ совѣтомъ и назначая также и отъ таковыхъ-же людей двухъ или трехъ человѣкъ писать къ гетману, которому достойнѣйшихъ изъ нихъ въ чинѣ семъ утверждать универсаломъ, и писать о томъ къ Государю и за вины даже, не дождавшись указа, ихъ не отрѣшать». Самый образъ таковаго выбора ихъ на основаніи малороссійскихъ правъ и напослѣдокъ утвержденія въ чинахъ Государями открываетъ то, что они не могли быть простолюдинами, будучи въ землѣ своей и воинскими и гражданскими чиновниками. Полковникъ, какъ военный начальникъ своего полка, съ полковымъ обознымъ и двумя полковыми асаулами и хорунжими не токмо составляли полковой штабъ и командовали

цѣлымъ полкомъ, но и подъ предсѣданіемъ того жъ полковника засѣдали въ полковой канцеляріи, имѣвшей исполнительную и за порядкомъ и благочиніемъ въ полку наблюдательную власть на всемъ пространствѣ того полка и вмѣстѣ съ полковымъ судіею и писаремъ въ Гродскомъ судѣ, учрежденномъ въ 1763 году для разбора уголовныхъ и другихъ не по земельнымъ спорамъ дѣлъ.

Сотникъ же съ сотенными чиновниками, сверхъ отправленія воинской службы, составляли сотенное управленіе и занимались въ округѣ сотни своей возложеннымъ теперь на нижній земскій судъ управленіемъ. Судъ сей былъ даже формулярнымъ, ибо на оный по рѣшительнымъ пунктамъ даннымъ гетману Даніилу Апостолу октября 15 дня 1728 года, положено быть апелляціи. Бунчуковые, войсковые и значковые товарищи составляли такъ сказать особливое въ малороссійскомъ войскѣ рыцарское сословіе. Происходя изъ благородныхъ и будучи произведены въ чины сіи изъ заслуженныхъ людей, они всегда наряжаемы бывали на военную службу. Первые считались между военными первыми по полковникѣ и служа въ походахъ въ вѣдомствѣ генеральнаго бунчучнаго къ командованію полками на штабъ-офицерскихъ, а вторые сотнями на сотничьихъ мѣстахъ, бывъ поставлены въ табели о малороссійскихъ чинахъ, составленной гетманомъ графомъ Разумовскимъ въ 1756 году и представленной на Высочайшее утвержденіе, выше сотниковъ и состоявъ въ непосредственномъ самаго гетмана и Генеральной Старшины вѣдѣніи. Оба сіи чины не были подчинены полковникамъ; третіе-жъ изъ нихъ были первыми чиновниками въ сотняхъ подъ сотниками и носили въ строю при полковникѣ прапоръ.

Государыня Императрица Екатерина II обращая въ послѣднее время полки малороссійскихъ козаковъ въ карабинерные, въ указѣ своемъ, данномъ военной коллегіи іюня 28 дня 1783 года повелѣла: «находящихся въ малороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ-офицерскими чинами въ ихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ чинами по тому же или по ихъ желаніямъ препроводить для опредѣленія къ дѣламъ». Изъ одного сего указа какъ не могла видѣть герольдія, что малороссійскіе чиновники, служа одному государству, имѣли уже уравнительныя въ чинахъ степени съ великороссійскими чиновниками и не были при семъ случаѣ пожалованы въ оные вновь, но только переимено-

ваны. Сказанное въ семъ указѣ слово переименовать изъ чина въ чинъ можетъ ли имѣть значеніе какого либо новаго производства ихъ въ чины? Исполняя вышеписанный указъ бывшій генералъ-фельдмаршалъ и малороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій переименовалъ тогда-жъ малороссійскихъ бунчуковыхъ товарищей въ преміеръ-маіоры, полковыхъ обозныхъ, асауловъ, хорунжихъ и писарей въ секундъ-маіоры, сотниковъ въ ротмистры, войсковыхъ товарищей въ порутчики, значковыхъ товарищей и сотенныхъ атамановъ въ корнеты. Послѣ чего всѣ изъ тѣхъ чиновниковъ не только утверждены въ сихъ чинахъ, но и получили изъ оныхъ штабъ-офицеры за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки, а оберъ-офицеры за подписаніемъ военной коллегіи на тѣ свои чины патенты. Нѣкоторые однакожъ изъ малороссійскихъ чиновниковъ, по великой привязанности своей къ чинамъ національнымъ совсѣмъ не просили тогда о таковомъ переименованіи себя. Сохранивъ такимъ образомъ прежнее названіе чиновъ допускаются они въ оныхъ и по введеніи уже въ Малую Россію Высочайшаго о управленіи губерній учрежденія и по изданіи всемилостивѣйше жалованной россійскому дворянству въ 21 день апрѣля 1785 года грамоты во всѣ гражданскія, выборомъ дворянства наполняемыя и съ предварительнымъ служеніемъ въ дѣйствительной службѣ оберъ-офицерами на основаніи той же грамоты соединенныя должности, и, будучи утверждаемы въ оныхъ здѣшнимъ главнымъ начальствомъ, получаютъ за службу сію прямо, смотря по степенямъ своимъ въ малороссійской службѣ, восьми и другихъ классовъ чины. Въ дни уже наши тысяча двѣсти пятьдесятъ пять малороссіянъ юношей, по большей части дѣтей сихъ самыхъ чиновниковъ, ревнуя предкамъ своимъ въ мужествѣ и любви къ отечеству, охотно посвятили себя военной службѣ въ защиту онаго и носятъ уже многіе изъ нихъ почетные знаки побѣдъ надъ непріятелемъ.

Государь Императоръ Павелъ I удостоилъ принять всѣхъ ихъ какъ дворянъ въ службу сію съ отличною благосклонностію и въ Высочайшемъ рескриптѣ своемъ отъ 22 іюня 1800 года къ малороссійскому гражданскому губернатору Фрейсдорфу поручилъ объявить малороссійскому дворянству за таковое усердіе и ревность къ службѣ полное свое благоволеніе и увѣреніе въ монаршей своей къ нему милости. Не излишнимъ будетъ къ сему прибавить, что Геральдія въ одно время отвергаетъ благородное достоинство малороссійскихъ чиновъ и вноситъ гербы дворянскихъ родовъ сего края—Ла-

годъ, Лазаревича и Хильчевскихъ въ 1 отдѣленіе составляемаго ею дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи гербовника, удостоеннаго Высочайшей конфирмаціи; а изъ описанія при сихъ гербахъ видно что предки тѣхъ родовъ достигли дворянства, служа только въ малороссійскихъ чинахъ. Не распространяясь еще далѣе, малороссійское дворянство, противъ уничиженія своего геролъдіею, поставляетъ сильнѣйшимъ опроверженіемъ и дражайшимъ при томъ возмездіемъ для себя слѣдующія всемилостивѣйшихъ Монарховъ своихъ при столь многихъ случаяхъ повторенныя обнадеживанія: «а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, привилегіяхъ и вольностяхъ и въ томъ бы вамъ на нашу государскую милость быть благонадежными».

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1893 г. „НУВВЕЛЛИСТЪ“ 54-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
и
МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1893 г. „Нувеллистъ“ вступаетъ въ 54-й годъ своего существованія.

Въ 1893 году „Нувеллистъ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 30—35 стр. музыки большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „Нувеллиста“ составитъ обширный томъ въ 400 стр. и дастъ подписчикамъ до 100 фортепіанныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.

Каждая тетрадь „Нувеллиста“ будетъ содержать въ себѣ 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ въ двѣ и четыре руки, 2) Одинъ или два танца, 3) Русскій романсъ.

„**Музыкально-театральная газета**“ будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области Музыки и Театра.

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на „Нувеллистъ“ получитъ безплатно премію „полную оперу, или другое музыкальное сочиненіе“ по его выбору изъ 80-ти номеровъ и два портрета выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Кромѣ того, редакція дастъ своимъ подписчикамъ весьма цѣнную премію, а именно:

Два кабинетныхъ рояля извѣстной фортепіанной фабрики **Я. Беккеръ.**
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества

Рояли эти будутъ розыграны между всѣми подписчиками.

Подписная цѣна въ годъ **5** р. съ перес. **6** р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ „Нувеллиста“ Большая Морская № 26, уголъ Гороховой.

№—1.

Открыта подписка на 1893-й годъ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

IXг. изд. **„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“.** IXг. изд.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

Подписная цѣна:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	4 р. 50 к.	На годъ	5 р. 50 к.
— полгода	2 р. 50 к.	— полгода	3 р. — к.
— 3 мѣсяца	1 р. 50 к.	— 3 мѣсяца	1 р. 75 к.

[Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками].

Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція „Сѣвернаго Кавказа“. № – 1.

ПОДПИСКА на 1893 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

„Русская жизнь“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ – 9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе октября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.